*«Двадцать второго
июня,
ровно в четыре
часа...»*

Памяти моих родителей –
минчан 1941 года

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
Институт истории

И. Ю. Воронкова

«Двадцать второго июня, ровно в четыре часа...»

Минск и минчане в первые дни Великой Отечественной войны

Минск
«Беларуская навука»
2011

УДК 94(476-25)“1941”
ББК 63.3(4Беи)622
В75

Рецензенты:
кандидат исторических наук, доцент М. Г. Жилинский,
кандидат исторических наук, доцент С. Е. Новиков

Воронкова, И. Ю.
В75 «Двадцать второго июня, ровно в четыре часа...»: Минск и минчане в первые дни Великой Отечественной войны / И. Ю. Воронкова. — Минск : Беларус. навука, 2011. — 265 с.
ISBN 978-985-08-1290-2.

Впервые подробно рассматриваются события первых дней Великой Отечественной войны в Минске: с 22 по 28 июня 1941 г. Этот небольшой по времени, но весьма насыщенный период, предшествовавший началу нацистской оккупации города, чрезвычайно важен для понимания сущности порождённых войной глубинных политических, экономических и социальных процессов на территории Беларуси. Книга основана на документальном материале, касающемся ключевых проблем военно-мобилизационных и эвакуационных мероприятий, размеров ущерба, нанесённого Минску бомбардировками и пожарами.

Адресуется широкому кругу читателей.

УДК 94(476-25)“1941”
ББК 63.3(4Беи)622

ISBN 978-985-08-1290-2

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Город Минск был оккупирован немецкими войсками на седьмой день Великой Отечественной войны — 28 июня 1941 г. Столь быстрый захват уже второй столицы союзной республики (24 июня противник занял Вильнюс), тем более расположенной на «старой» советской территории, стал тяжелейшим ударом не только для минчан, но и для большинства граждан СССР.

Эпизоды кровопролитных оборонительных боёв Красной Армии на Белостокско-Минском направлении и подступах к Минску в течение первой недели войны, 22—28 июня 1941 г., достаточно полно отражены в советской и постсоветской научной, научно-популярной, мемуарной литературе. При этом никогда подробно не исследовались и не анализировались события, которые разворачивались в этот период в белорусской столице. Они или вообще опускались, или излагались фрагментарно, с немалым количеством неточностей и разночтений, что, по мнению автора, связано не столько с ограниченной источниковой базой, сколько с нежеланием исследователей углубляться в не всегда «удобные» для восприятия обществом проблемы начального периода Великой Отечественной войны, которые в основном не укладывались в популярные до настоящего времени схемы и стереотипы. Привычное прославление мужества и самопожертвования советских воинов на фронте заслонило казавшуюся менее важной историю Минска и его жителей в контексте одного из главных вопросов — как могло случиться, что в течение нескольких дней враг смог прорваться к стенам белорусской столицы, и почему она оказалась к этому совершенно не готова?

В действительности короткий отрезок времени — от первых раскатов военной грозы на границе, которые ещё

не доносились до жителей Минска, первых официальных сводок с фронта, обещавших скорый разгром «зарвавшегося» врага, до горького недоумения и растерянности при виде внезапно появившихся на улицах родного города немецких танков — вместил в себя такой калейдоскоп событий, человеческих судеб и эмоций, что в другое время их хватило бы не на один месяц. Поэтому обстоятельства жизни минчан в эти судьбоносные дни видятся не менее важными, чем фронтовая действительность, тем более, учитывая тесную взаимосвязь данных проблем. Их комплексное отражение способствует более точной исторической реконструкции минской эпопеи июня 1941 г. в целом.

В основу исследования положены архивные документы, сведения, почерпнутые из опубликованной литературы, материалы периодической печати военного времени, воспоминания минчан — непосредственных участников и свидетелей событий. С помощью этих источников впервые сделана попытка максимально полно представить в историческом, социально-политическом и психологическом аспектах историю Минска и разных слоёв его населения на протяжении первой недели Великой Отечественной войны, вплоть до начала нацистской оккупации города. При этом важно было расставить точки над «i» в традиционно проблемных вопросах, которые и сегодня по-разному интерпретируются. Речь идёт в первую очередь о дате начала массированных бомбардировок Минска, времени отъезда из города представителей гражданской власти и военного командования, обстоятельствах и итогах общей эвакуации, степени и характере разрушений столицы и пр.

Описание боевых действий на Белостокско-Минском направлении и подступах к столице БССР представлено в объёме, необходимом для более глубокого понимания событий, происходивших в это время в Минске.

В качестве своеобразного вступления предлагается краткий обзор жизни города в канун Великой Отечественной войны. Содержание основной части книги выстроено в хронологической последовательности — с 22 по 28 июня 1941 г. включительно. Бытующее утверждение,

что история движется по спирали, проходя те же точки, но на новом уровне, подтверждено некоторыми параллелями с германским наступлением на Минск в период Первой мировой войны. На контрастах политической пропаганды противоборствующих сторон построена глава «Другими глазами», в основе которой лежат материалы немецкой оккупационной прессы. Заключает книгу тематический «мостик», переброшенный в год 1944 — в последние месяцы хозяйничанья оккупантов и первые дни освобождения столицы Беларуси войсками Красной Армии.

В книге использованы фотографии из Архива Института истории НАН Беларуси, опубликованной литературы, Интернет-ресурсов, личного архива автора. Издание подготовлено в рамках выполнения задания «Военная история Беларуси» по Государственной программе научных исследований «Гуманитарные науки как фактор развития белорусского общества и государственной идеологии» (ГПНИ «История, культура, общество, государство») на 2011—2015 гг. Руководитель программы — доктор исторических наук, профессор А. А. Коваленя. Научный руководитель задания — доктор исторических наук, профессор А. М. Литвин.

Глава 1

НАКАНУНЕ

В канун Великой Отечественной войны, как и сейчас, Минск являлся крупнейшим политико-административным, промышленным и культурным центром Белорусской ССР, которая объединяла 10 областей и 195 районов и по количеству населения — 11 млн человек[1] — занимала третье место среди 16 республик Советского Союза. Столица БССР была также центром Минской области, в которую тогда входил 21 район. Город состоял из трёх административных районов, образованных в марте 1938 г.: самого крупного Ворошиловского (с 1961 г. — Советский), Сталинского (с 1961 г. — Заводской), Кагановичского (с 1957 г. — Октябрьский).

Минск быстро рос и благоустраивался. Если по всесоюзной переписи населения от декабря 1926 г. в нём насчитывалось 131 803 жителя, то по предвоенной переписи от января 1939 г. — 238 772, т. е. количество населения выросло, в основном за счёт сельских жителей, на 81,9 %. Национальный состав минчан был следующим: белорусы — 54 %, евреи — 30,8, русские — 9,8, поляки — 1,5, другие национальности — 3,9 %. По социальному составу основной группой населения столицы были рабочие — 47,1 %, за ними шли служащие — 42,8, колхозники — 4,0, кооперированные кустари — 3,8 %.

В 1940 г. население Минска увеличилось до 250 тыс. человек[2], а в январе 1941 г. газеты объявили о наличии уже почти 300 тыс. жителей, при этом территория города занимала 65 кв. км[3].

В ходе претворения в жизнь первого этапа Генерального плана социалистической реконструкции и развития Минска, разработанного Ленинградским государствен-

[1] Звязда. 1940. 29 сак.
[2] Либерман Б. И. Город Минск. Минск, 1940. С. 22—23, 25, 47.
[3] Звязда. 1941. 5 студз.

ным институтом по планировке, съёмке и проектированию городов РСФСР (Гипрогор) в 1933—1936 гг., к 1940 г. в столице появились крупные административные и общественные здания, в которых ярко воплотился не только советский архитектурный стиль того времени, но и дух той эпохи: Дом правительства, Дом Красной Армии им. К. Е. Ворошилова, главный корпус Академии наук БССР, Государственная библиотека БССР им. В. И. Ленина, Дворец пионеров и октябрят им. Н. Ф. Гикало (с 1938 г. — им. Н. К. Крупской), Государственный Большой театр оперы и балета БССР, Институт физической культуры и др. К счастью, лишь незначительно затронутые войной, они и сегодня являются знаковыми в архитектурном ансамбле центра города и по-существу — визитной карточкой современного Минска.

До конца 1930-х гг. выросли целые комплексы зданий, так называемые «городки» — Университетский и 1-й клинический (в настоящее время территория 1-й городской клинической больницы).

В 1939—1940 гг. институт «Белгоспроект» осуществил корректировку генерального плана с учётом назревших изменений в городской инфраструктуре. Обновлённый план был принят на сессии Мингорсовета 17 января 1941 г., после чего начались работы по его выполнению. Предусматривалась массовая замена деревянных строений многоэтажными кирпичными зданиями, создание нескольких площадей на отрезке от Дома правительства до парка им. М. Горького, строительство новых зон отдыха, дальнейшее расширение территории столицы вдоль Могилёвского и Московского шоссе, Логойского тракта, увеличение протяжённости трамвайных линий с 16 до 26 км.

К началу войны часть плана удалось воплотить в жизнь: было закончено строительство радиозавода, хлебозавода «Автомат», мединститута, ряда общественных и жилых зданий, реконструирован пассажирский вокзал, архитектурно оформились площади Ленина, Свободы, Вокзальная, Парижской Коммуны. Из запланированных работ по благоустройству реки Свислочь и организации зелёной зоны вдоль её поймы успели лишь осуществить

создание искусственного озера и частичное реконструирование парка им. М. Горького. Основная застройка велась вдоль центральных, осевых магистралей, пересекавших столицу с северо-востока на юго-запад, — улиц Советской, Пушкинской и Московской. В дальнейшем планировалось расширение Советской и Пушкинской улиц, застройка их многоэтажными домами, строительство бульвара от театра оперы и балета до реки Свислочь и т. д.

Для того чтобы архитектурно подчеркнуть центр города, наметили создание нескольких новых площадей, оформление которых было закончено уже после войны: у нового здания ЦК КП(б)Б (в настоящее время Октябрьская площадь), в районе Свислочи (площадь Победы, на которой до войны успели заложить два полукруглых жилых дома), возле Института физкультуры (сегодня площадь Я. Коласа), где в то время заканчивалась улица Советская и начиналась улица Пушкинская (эту площадь намеревались назвать Пушкинской и установить на ней памятник великому поэту). В районе железнодорожного вокзала должна была подняться новая комфортабельная гостиница. На берегу Свислочи возле парка им. М. Горького планировали построить стационарное здание цирка, что было воплощено в жизнь после войны. В мае 1941 г. на границе Ботанического сада и реки Слепня была выделена площадка под строительство зоопарка. Намечалось и создание зон отдыха вокруг Минска, в первую очередь в урочищах Дрозды, Веселовка, Малиновка.

30 апреля 1941 г. Бюро ЦК КП(б)Б приняло постановление о благоустройстве Минска. Городу было выделено большое количество материалов и оборудования, средства на озеленение, запрещена вырубка леса в радиусе 30 км от столицы.

По данным Инвентаризационно-технического бюро Мингоркомхоза, на начало июня 1941 г. в столице насчитывалось 470 улиц, из которых более 100 появились за 20 последних лет в основном в районах Комаровки, Козырева (так по старой привычке минчане называли посёлок на южной окраине, хотя уже с 1935 г. он носил имя М. В. Фрунзе; в настоящее время это район улицы Мая-

ковского), Грушевского посёлка и др., где тогда велась наиболее интенсивная застройка[1].

Накануне войны в Минске действовали 142 государственных промышленных предприятия, на которых работали 20 552 человека[2]. Наибольшее развитие получила пищевая, или, как тогда говорили, пищевкусовая промышленность, за ней шли швейная и кожевенно-обувная.

Крупнейшим предприятием пищевой промышленности являлась хорошо известная и сегодня кондитерская фабрика «Коммунарка», построенная в 1932 г. Примечательно, что современная фабрика сохранила не только своё довоенное название, но и почтовый адрес — улица Оранская, 18. Это предприятие еще до войны было практически полностью механизировано и выпускало широкий ассортимент продукции, включая популярные и в настоящее время фирменные конфеты «Белорусская картошка».

К числу крупных предприятий отрасли принадлежали также бисквитная фабрика (сегодня «Слодыч»), пивоваренный завод «Беларусь» («Оливария»), дрожже-паточный завод «Красная Заря» (Минский дрожжевой комбинат), хлебозавод «Автомат» (сохранил название) и др. Ликёро-водочный завод («Кристалл») производил среди прочих такие экзотические напитки, как ликёры «Кюрассо», «Какао шуа», настойку «Доппель Кюммель» и пр.

В швейной отрасли выделялась швейная фабрика им. Н. К. Крупской (сегодня «Элема»), которая была крупнейшим предприятием республики по выпуску белья.

Передовыми предприятиями кожобувной промышленности являлись: кожевенный ордена Трудового Красного Знамени БССР (1929 г.) завод «Большевик» (сегодня головное предприятие Минского производственного кожевенного объединения), который в конце 1940 г. давал 4,6 % хрома от всесоюзного производства; обувная фабрика им. Л. М. Кагановича (бывшее головное предприятие широко известного обувного производственного объеди-

---

[1] Советская Белоруссия. 1941. 6 июня.

[2] Национальный архив Республики Беларусь (далее — НАРБ). Ф. 7. Оп. 3. Д. 1713. Л. 8.

нения «Луч», на основе которого сегодня работают несколько обувных фирм, такие как «ЛеГранд», «Сивельга»); галантерейная фабрика им. М. В. Фрунзе («Милавица»); кожгалантерейная фабрика им. В. В. Куйбышева («Галантэя»); щёточная фабрика им. Н. К. Крупской (сегодня Минская щетинно-щёточная фабрика им. Н. К. Крупской).

Металлопромышленность Минска представляли в первую очередь два крупнейших, основанных ещё до Октябрьской революции, завода, известных далеко за пределами БССР: станкостроительный ордена Трудового Красного Знамени БССР (1929 г.) завод им. К. Е. Ворошилова (ныне Минский завод им. Октябрьской революции) и станкостроительный завод им. С. М. Кирова (сохранил старое название). Не отставали от них весовой завод «Ударник» (сегодня «Амкодор»), вагоноремонтный завод им. А. Ф. Мясникова (сохранил название) и др.

В 1940 г. был введён в действие радиозавод им. В. М. Молотова (сегодня Минский приборостроительный завод). Создание этого предприятия всесоюзного значения началось в декабре 1939 г. на базе Мебельно-лесопильного завода им. В. М. Молотова. Но ещё в октябре, после воссоединения Западной Беларуси, из Вильно в Минск было перевезено оборудование радиозавода «Электрит», прибыли 340 рабочих и инженерно-технических работников этого завода с семьями — всего около 750 человек[1].

В декабре 1940 г. минский радиозавод, который называли «гордостью республики», выпустил в продажу 100 первых радиоприёмников «КИМ» и сотни репродукторов. В марте 1941 г. это предприятие освоило выпуск радиоприёмников «Пионер»[2]. Появились также радиоприёмники «Маршал» и радиоприёмники для легковых автомобилей «ЗИС-101», продукция военного назначения. По мощности (165 тыс. радиоприёмников в год и специальные установки для сельских радиоузлов), а также техническому оснащению радиозавод планировали сделать вторым в СССР и одним из крупнейших в Европе.

---

[1] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 15764. Л. 19, 93.

[2] Советская Белоруссия. 1941. 21 марта.

Важными предприятиями других отраслей являлись следующие: химико-фармацевтический завод им. 1-й пятилетки (сегодня «Белмедпрепараты»), стекольный завод «Пролетарий» («Калибр»), кафельно-изразцовый завод (Минский фарфоровый завод); зеркальная фабрика (сохранила название), обойная фабрика им. В. В. Воровского (Минская обойная фабрика) и др. Крупнейшим полиграфическим предприятием БССР был Дом печати им. И. В. Сталина.

Работали также 55 артелей промышленной кооперации системы Белорусского совета кооперации инвалидов[1]: вышивальная им. Октябрьской революции, мебельная им. 2-й пятилетки, металлообрабатывающая «Красный металлист», музыкально-игрушечная им. 1 Мая, швейно-ремонтная «Восход», ремонтно-обувная «Стахановец», технохимическая «Вперёд», «Трудзеркало», «Красный утильщик» и др.

Активное военное строительство, являвшееся в те годы приоритетным направлением экономического развития Советского Союза, не обошло и Минск. Согласно ежегодным планам оборонных мероприятий, которые составлялись Госпланом при Совнаркоме БССР, многие минские предприятия были задействованы в выполнении оборонных заказов — от производства ручных гранат до ремонта автобронетанкового имущества. На них создавались также склады для хранения имущества Местной противовоздушной обороны (МПВО). Так, 19 мая 1941 г. СНК БССР принял постановление «Об изготовлении магнитных пускателей типа ПМ-1 и ПМ-2 и слаботочной аппаратуры для нужд местной ПВО НКВД БССР». Согласно ему, «в целях обеспечения централизованного управления средствами оповещения (электросиренами и радиотрансляционными узлами) и наружным освещением в городах-пунктах МПВО БССР» необходимо было изготовить на минских заводах им. К. Е. Ворошилова и им. С. М. Кирова 500 штук магнитных пускателей, на радиозаводе — крепёжный материал к ним, на пирофилитовом заводе, выпускавшем керамические изделия, — 500 штук искрогасительных камер для тех же пускателей[2].

---

[1] НАРБ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 1713. Л. 8.

[2] Там же. 4п. Оп. 1. Д. 18405. Л. 86.

17 октября 1940 г. руководство СССР приняло решение об ускоренном строительстве в Минске одного из крупнейших в стране заводов по выпуску самолётов-штурмовиков ИЛ-2 (рассчитан был на 3000 машин в год). Авиазавод № 453 Наркомата авиационной промышленности СССР начали строить в Красной Роще (это место называли ещё Антоновским урочищем) в районе Слепянки. Директором завода был назначен уроженец Витебской области Г. И. Байдаков, который ранее возглавлял Государственный институт проектирования авиационной промышленности в Москве. Введение завода в действие и начало выпуска самолётов планировали в рекордные сроки — в декабре 1941 г., т. е. ровно через год после закладки в фундамент первого строительного камня, но спустя короткое время дата была перенесена на август 1941 г. Такими же скоростными темпами реконструировали переданный в ведение завода небольшой осоавиахимовский аэродром в Слепянке, предназначенный для заводской лётно-испытательной станции, сооружали жилые дома для работников завода на перекрёстке улиц Советской и Долгобродской, на Круглой (площадь Победы) и Вокзальной площадях. В целях подготовки специалистов было принято решение о создании в Минске авиационного техникума на 700 учащихся и авиационного факультета на 300 человек в Политехническом институте. Под эти новые учебные учреждения отдали строившееся здание Медицинского института[1]. К началу июня 1941 г. на авиазавод уже началась поставка оборудования — первые станки прибыли с Минского станкостроительного завода им. С. М. Кирова, а 20 июня были получены 100 станков из Германии, закупленных по торговому соглашению между СССР и Германией о поставках металлообрабатывающих станков в обмен на нефть. Практически ежедневно руководство БССР отчитывалось перед Москвой о ходе важнейшей стройки. Последнюю сводку из Минска, подписанную секретарём ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко, получили в Кремле в 22:50 21 июня 1941 г.[2]

[1] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 3. Д. 1162. Л. 19.

[2] Шапиро В. Л. Живая связь времён. Минск, 1996. С. 11—12, 40, 48, 58, 65—66.

Помещениям и оборудованию вышеперечисленных минских заводов и фабрик был нанесён урон в той или иной степени бомбардировками и пожарами первых дней войны. В начале оккупации немцы восстановили работу большинства из них, некоторые частично перепрофилировали в военных целях. Так, на станкостроительном заводе им. К. Е. Ворошилова ремонтировали танки. Радиозавод был приспособлен под производство миноискателей, радиоаппаратуры для самолётов. На фабрике им. Н. К. Крупской шили бельё и парашюты для немецкой армии. Весовой завод «Ударник» производил детали для автомашин и мотоциклов, фабрика им. Л. М. Кагановича — обувь и другую амуницию для Вермахта, кожзавод «Большевик» — кожу и овчину для полушубков, кожгалантерейная фабрика им. В. В. Куйбышева изготавливала ремни, полевые сумки, планшеты, чемоданы.

Такая же судьба постигла авиационный завод. В 1942 г., согнав до 5 тыс. минчан и жителей окрестных деревень, оккупанты достроили его в объёме, позволявшем производить ремонт транспортных самолётов, завезли необходимое оборудование и материалы. Работали на заводе около 8 тыс. человек, инженерно-технический персонал составляли в основном немцы[1]. После войны на площадях авиазавода был построен Минский тракторный завод. (Юго-восточнее, в Красном Урочище, немцы в 1942 г. возвели корпус авторемонтного завода[2], после войны на его базе началось строительство Минского автомобильного завода.)

До войны помимо авиазавода планировалось построить у деревни Колядичи в четырёх километрах от Минска завод по производству синтетического бензина из торфа. Решение о его возведении, а также о строительстве для работников этого завода жилых домов на Вокзальной площади и Червеньском тракте было принято руководством БССР по рекомендации Наркомата нефтяной промышленности СССР и Наркомата топливной промышленности БССР в январе 1941 г. Введение в действие этого завода

[1] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 645. Л. 45об.

[2] Там же. Л. 40.

обещало большую выгоду — предполагалось, что получаемый на заводе в качестве отхода производства горючий газ будет использоваться для газификации Минска[1].

Война нарушила также планы завершения строительства в Минске автогенного (кислородного) и шиноремонтного заводов, большой авторемонтной станции, предусмотренных для обслуживания боевой и транспортной техники РККА.

Минск являлся крупным транспортным узлом, транзитным пунктом, связывавшим БССР с Москвой, Ленинградом, Украиной и зарубежьем, что имело также большое военное значение. В конце 1938 г. открылась современная автомагистраль Минск — Москва, значительно ускорившая автомобильное сообщение между обеими столицами. Эта дорога, как и многие другие объекты в СССР в те годы, строилась силами заключённых. В данном случае строительство находилось в ведении 5-го отделения Вяземлага[2]. Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О плане железнодорожного строительства на дорогах Юго-Запада, Запада и Северо-Запада СССР и обеспечении его выполнения» от 14 февраля 1941 г. было предусмотрено по Западной железной дороге и г. Минску построить в 1941 г. вторые пути лимитирующих перегонов на направлении Минск — Олехновичи протяженностью 48 км, «произвести работы по развитию Минского узла и путевые работы деповского хозяйства»[3].

Помимо пассажирского вокзала и Товарной станции в белорусской столице имелся аэропорт Гражданского Воздушного Флота (в настоящее время аэропорт Минск-1). 18 мая 1941 г. открылась последняя перед войной новая регулярная авиалиния Минск — Белосток, полёт по которой продолжался 1 час 40 минут.

Постоянно развивалась сфера обслуживания. Минчане пользовались восемью трамвайными маршрутами, имелось также автобусное сообщение.

Крупнейшим магазином являлся Главный универсальный магазин (ГУМ) системы «Союзунивермаг» на улице

[1] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 3. Д. 1145. Л. 213; Д. 1124. Л. 77—78.
[2] Там же. Ф. 7. Оп. 1. Д. 883а. Л. 92.
[3] Там же. Ф. 4п. Оп. 21. Д. 2311. Л. 38—41.

Советской и его филиалы — Детский универмаг и Универмаг культтоваров. Активно торговали 52 магазина Минпромторга, 7 гастрономов, 300 магазинов и ларьков Минпищеторга. Самые большие промтоварные и продуктовые магазины располагались на центральной улице — Советской. Минские кондитерские славились разнообразным на то время ассортиментом мороженого — сливочное, молочное, «Сандвич», «Северный полюс», новыми тогда видами диетического мороженого «Варенец» и «Мечниковское». В конце июля 1941 г. в овощные магазины должны были поступить арбузы из Кировоградской области, черешня и виноград из Измаильской области.

Сеть магазинов меховых изделий предлагала продукцию не только из традиционных каракуля, цигейки, белки, «красно-бурой» или «чёрно-серебристой» лисицы, но также из меха крота и суслика. Отличались разнообразием фасоны рекламируемых мужских головных уборов: помимо шапок-ушанок имелись «финки», «гоголи», «бадейки».

В магазине Минского областного Снабосоавиахима продавались противогазы (каждый житель Минска, включая детей, обязан был иметь личный противогаз), наглядные пособия по противовоздушной, химической обороне, стрелковому делу и пр. Была организована продажа населению чёрной бумаги и принадлежностей для затемнения окон в условиях светомаскировки. Эти товары стали особенно актуальными после 1 сентября 1939 г., когда минчане, пока ещё не напрямую, но всё же оказались втянутыми в орбиту Второй мировой войны.

Белорусская контора «Союзутиль» через свои заготовительные пункты, ларьки и разъездных сборщиков принимала все виды утильсырья: макулатуру, старую резиновую обувь, лом цветного металла, паклю, консервные банки, щетину, конский волос, пух-перо, кости и пр.

Работали девять механизированных прачечных, три гостиницы: 1-я Советская на улице Комсомольской, «Беларусь» на перекрёстке улиц Кирова и Володарского (сегодня «Краун Плаза»), «Европа» на углу улиц Интернациональной и Ленинской (воссоздана в наши дни). В последней размещалась контора «Интурист». В Доме

правительства базировалась Белорусская курортная контора, имелось также Белорусское туристско-экскурсионное бюро Всесоюзного центрального совета профсоюзов (ВЦСПС).

Крупнейшим комбинатом общественного питания являлась Фабрика-кухня в Свердловском тупике (здание сохранилось) с рестораном и столовой; здесь по вечерам к услугам посетителей были бильярд, шахматы, шашки, домино. Рестораны имелись также в гостиницах «Европа» и «Беларусь». Действовала обширная сеть кафе, кафетериев, закусочных, столовых.

В больших магазинах, аптеках, общественных и культурных зданиях были установлены таксофоны, пользование которыми стоило 10 копеек, причём продолжительность каждого разговора не должна была превышать трёх минут. Развивалась и сеть квартирных телефонов, хотя до массовой телефонизации было ещё далеко. В справочнике Минской городской телефонной сети, изданном в июне 1939 г., можно встретить известные фамилии руководителей БССР, писателей, артистов, врачей. С особым чувством читаешь фамилии минчан, которым совсем скоро суждено будет погибнуть на фронте или от рук гитлеровских оккупантов. Так, на улице Советской в доме 179, квартире 6 (дом сохранился, сейчас его адрес — проспект Независимости, 43) жил секретарь ЦК КП(б)Б В. Г. Ванеев, который погиб в бою при прорыве из окружения под Вязьмой в октябре 1941 г., будучи бригадным комиссаром, членом Военного совета 19-й армии Западного фронта. Известный минский врач профессор 1-й городской больницы Е. В. Клумов, проживавший на улице Володарского в доме 19, квартире 8, станет участником Минского антифашистского подполья и погибнет в марте 1944 г., после войны будет удостоен звания Героя Советского Союза. Директор той же больницы профессор Л. Я. Ситерман, замученный в еврейском гетто в конце 1941 г., жил на улице К. Маркса, дом 50, квартира 11 (оба здания не сохранились)[1].

---

[1] Справочник Минской городской телефонной сети. Минск, 1939. С. 60, 74.

Ведущими учреждениями системы здравоохранения являлись 1-й клинический городок на улице Пушкинской и 2-й клинический городок на улице М. Горького, 1-я городская больница на улице Ленинской и 3-я городская больница на улице Кропоткина. Всего в Минске насчитывалось 12 больниц и клиник, 20 поликлиник и амбулаторий, 48 врачебных пунктов, 2 родильных дома[1].

Крупнейшим научным учреждением была Академия наук БССР с 13 научно-исследовательскими институтами[2]. Кроме того, работали 4 научно-исследовательских института всесоюзного значения: Институт болотного хозяйства (опытное болотное поле располагалось в районе нынешней улицы Некрасова), Институт социалистического сельского хозяйства АН СССР, Геофизическая обсерватория, Институт охраны труда ВЦСПС, а также институты республиканского значения[3]: Институт охраны материнства и младенчества, Институт микробиологии и эпидемиологии, Институт местной промышленности, Институт пищевой промышленности и др.

Помимо Белорусского государственного университета, открытого в 1921 г., в столице имелось ещё девять вузов: Коммунистический институт журналистики БССР им. С. М. Кирова, Минский медицинский институт им. К. Е. Ворошилова, Юридический институт, Институт народного хозяйства им. В. В. Куйбышева, Политехнический институт, Минский государственный педагогический институт им. М. Горького, Учительский институт, Ордена Трудового Красного Знамени (1937 г.) Институт физической культуры, Белорусская государственная консерватория им. А. В. Луначарского. Готовили кадры 17 техникумов: финансово-экономический, строительный, дорожно-механический, электросвязи, зооветеринарный и др. Работали педагогическое, театральное, музыкальное училища, хореографическая, зубоврачебная школы, школы ФЗУ Западной железной дороги, типографии им. И. В. Сталина, швейной фабрики им. КИМа и другие средние и специальные учебные заведения. Военные

---

[1] Звязда. 1941. 5 студз.

[2] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 18422. Л. 1—7.

[3] Там же. Ф. 845. Оп. 1. Д. 61. Л. 5—9.

кадры для Красной Армии выпускали Минское ордена Красного Знамени пехотное училище им. М. И. Калинина и открывшаяся в январе 1941 г. на базе минской средней школы № 21 Специальная Военно-Воздушных Сил средняя школа на 500 человек, предназначенная для комплектования военных авиационных училищ, в которую принимали подростков, окончивших 7 классов, в первую очередь курсантов Минского аэроклуба и детей командиров РККА.

Небольшое отступление. 30 января 1941 г. командующий Западным Особым военным округом (ЗапОВО) генерал армии Д. Г. Павлов и член Военного совета округа корпусной комиссар А. Я. Фоминых обратились с письмом в ЦК КП(б)Б по поводу введения в спецшколе решением Наркомата просвещения БССР преподавания белорусского языка. Командование округом сочло этот шаг неправильным, объяснив свою позицию тем, что учащиеся-белорусы до 7 класса уже изучали белорусский язык, «кроме того, единственным командным языком Красной Армии является русский язык». На основании этого Военный совет округа счёл возможным просить ЦК КП(б)Б отменить преподавание белорусского языка, а за счёт освободившихся часов «усилить преподавание русского и одного из иностранных языков, столь необходимых будущим командирам ВВС Красной Армии». Нарком просвещения БССР Е. И. Уралова не смогла найти веских аргументов против данного предложения и согласилась заменить часы, отведенные на преподавание белорусского языка, на часы русского и немецкого языков[1].

В Минске имелись 47 неполных и полных средних школ[2], из них 36 — полных[3]. (По другим данным, школ было 42, из них 2 — начальные, 4 — неполные средние, 36 — средних; в 1941 г. планировалось построить ещё одну среднюю школу[4].) Работали 76 детских садов и 36 яслей[5], 5 детских домов, а также Детский приёмник Го-

[1] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 18406. Л. 12—13.
[2] Там же. Ф. 845. Оп. 1. Д. 61. Л. 5—9.
[3] Там же. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 18422. Л. 1—7.
[4] Там же. Ф. 42. Оп. 1. Д. 2140. Л. 1.
[5] Звязда. 1941. 5 студз.

родского отдела здравоохранения и Детский приёмник НКВД. По планам оборонных мероприятий, минские «сталинские», т. е. новые, наиболее современной постройки, школы изначально были приспособлены к быстрому переоборудованию в госпитали в условиях военного времени.

В столице работали институт «Белгоспроект», Белорусское государственное издательство, Издательство Академии наук БССР, Белорусское телеграфное агентство. Здесь размещались белорусские отделения крупнейших советских центральных газет «Известия» и «Правда», выходили семь газет и пять журналов[1], среди них центральные республиканские газеты «Звязда», «Советская Белоруссия», «Сталинская молодёжь» (сегодня «Знамя юности»), «Standar wolności» («Знамя свободы») на польском языке, «Октябрь» на идиш, а также «Чырвоная змена», «Літаратура і мастацтва», «Піянер Беларусі», «Красноармейская правда» (сегодня «Белорусская военная газета "Во славу Родины"»); журналы «Бальшавік» (сегодня «Беларуская думка»), «Полымя рэвалюцыі» («Полымя»), «Работніца і калгасніца Беларусі» («Алеся») и пр.

В столице располагался Минский областной архив, работали 3 государственных музея: Белорусский государственный исторический (находился в последнем из сохранившихся зданий бывшего Архиерейского подворья возле Дома Красной Армии, уцелело до наших дней), Музей революции БССР (находился в здании Академии наук БССР на перекрёстке улиц Кирова и Ленинской, оно не сохранилось) и его филиал Музей Первого съезда РСДРП, а также Государственная картинная галерея БССР на улице К. Маркса (в настоящее время в этом доме находится Музей связи). Все музеи были открыты с 10 утра до 22 вечера, вход был бесплатным. Существовали и ведомственные музеи. Последним музеем, открытым перед войной, в феврале 1940 г., стал Историко-археологический музей БГУ. На площади Свободы размещался Дом народного творчества БССР.

---

[1] НАРБ. Ф. 845. Оп. 1. Д. 61. Л. 5—9.

В марте 1941 г. в Историческом музее был открыт новый раздел, отражавший «героизм непобедимой Красной Армии в боях за обеспечение безопасности города Ленина», как замысловато назвали в газете окончившуюся год назад советско-финляндскую войну[1]. Вскоре в Музее революции появился раздел о сентябрьском 1939 г. военном походе Красной Армии в Западную Беларусь. В Картинной галерее кроме основной экспозиции накануне войны работала выставка белорусских художников «Ленин-Сталин — организаторы белорусского искусства», а также прибывшая из Москвы экспозиция декоративно-прикладного искусства с работами мастеров знаменитого Палеха.

Читателей принимали публичные библиотеки: Белорусская государственная библиотека им. В. И. Ленина на улице Красноармейской, Правительственная библиотека им. М. Горького в Доме правительства, библиотека им. А. С. Пушкина, детская библиотека им. Н. А. Островского, еврейская библиотека им. И. Переца. Широкой была сеть ведомственных библиотек, одним из крупнейших являлось библиотечное собрание АН БССР.

Минчане любили свои театры — старейший в республике Белорусский ордена Трудового Красного Знамени (1940 г.) первый государственный театр (Национальный академический театр им. Я. Купалы), Государственный ордена Ленина (1940 г.) Большой театр оперы и балета БССР (Национальный академический Большой театр оперы и балета), Государственный театр юного зрителя БССР им. Н. К. Крупской (Белорусский республиканский театр юного зрителя), Государственный еврейский театр БССР (сегодня в его бывшем здании работает Национальный академический драматический театр им. М. Горького). Полный зал собирала Государственная ордена Трудового Красного Знамени (1940 г.) филармония БССР (на улице К. Маркса сохранилось её довоенное здание). В составе филармонии выступали Большой симфонический оркестр, Белорусский ансамбль песни и танца, оркестр народных инструментов, народный хор.

---

[1] Советская Белоруссия. 1941. 13 марта.

23 февраля 1941 г. в помещении Дома Красной Армии был открыт Театр Красной Армии ЗапОВО. В парке культуры и отдыха им. М. Горького работал цирк шапито.

Крупнейшим из кинотеатров был «Чырвоная зорка» на улице Советской, имелись также «Интернационал», «Спартак», «Родина», детский «Новости дня» (ни одно здание не сохранилось). Выпускала документальные фильмы Студия кинохроники. На Могилёвском шоссе приступили к строительству комплекса киностудии «Савецкая Беларусь», работавшей ранее в Ленинграде. Помимо парка им. М. Горького любимым местом времяпрепровождения минчан был Парк культуры и отдыха им. Челюскинцев.

Молодёжь привлекала широкая сеть клубов. Одним из самых популярных являлся аэроклуб им. В. С. Молокова, средоточием многочисленных детских кружков были Дворец пионеров и октябрят им. Н. К. Крупской и Детская техническая станция в районе парка им. Челюскинцев.

Многие жители столицы состояли в Спортивном ордена Ленина обществе «Динамо», спортивных обществах «Спартак» и «Темп». Многочисленные соревнования проходили на стадионах «Динамо», Всебелорусского комитета физкультуры и спорта (находился в районе нынешнего Дворца водного спорта), где была построена парашютная вышка, на стадионе «Пищевик» в парке им. М. Горького, железнодорожном стадионе «Локомотив». Зимой на стадионах заливали катки.

Спортивные общества, а также военизированные оборонные так называемые «общества содействия» — Общество содействия обороне и авиационно-химическому строительству СССР (Осоавиахим), Общество содействия развитию водного транспорта и охраны жизни людей на водных путях СССР (Освод), Красный Крест — обеспечивали военно-физическое воспитание молодых минчан. Форм и методов этой работы было множество. В специальных кружках инструкторы-общественники готовили значкистов «Будь готов к труду и обороне» (БГТО), «Готов к труду и обороне» (ГТО), «Противовоздушная и про-

тивохимическая оборона» (ПВХО), «Ворошиловский стрелок» 1-го и 2-го профилей (ВС-1 и ВС-2), «Юный Ворошиловский стрелок» (ЮВС), «Ворошиловский конник». Врачи-общественники занимались подготовкой значкистов «Будь готов к санитарной обороне» (БГСО), «Готов к санитарной обороне» 1-го и 2-го профилей (ГСО-1 и ГСО-2). В кружках получали первичные знания, а также осваивали авто-, мото- и радиодело, проходили подготовку будущие моряки, водолазы и лётчики, парашютисты и планеристы, телефонисты, телеграфисты и пулемётчики; молодёжь обучала служебных собак и голубей. В тирах, на стадионах и спортивных площадках тренировались будущие «Ворошиловские стрелки», проводились военно-тактические занятия.

Согласно решению Президиума Центрального совета Осоавиахима СССР от 17 апреля 1941 г., Президиум Центрального совета Осоавиахима БССР принял в мае того же года постановление, в соответствии с которым областные, городские и районные советы Осоавиахима должны были организовать подготовку населения по нормам ПВХО 1-й ступени так, чтобы в городах-пунктах ПВО угрожаемой зоны, к каковым относились Минск, Витебск, Орша, Полоцк, Могилёв, Бобруйск, Белосток, Волковыск, Гродно, Барановичи, Лида, Молодечно, Брест, иметь подготовленными к концу 1941 г. 100 % населения от 10 лет и старше. В этих же городах предусматривалось продолжать активную подготовку групп самозащиты жилых домов. В частности, в Минске было запланировано подготовить в течение 1941 г. 75 групп самозащиты и 60 организаций на коллективный значок ПВХО. В каждую группу входило 29 человек: начальник группы, заведующий имуществом, звено охраны порядка и наблюдения, пожарное звено, звенья противохимической защиты и аварийно-восстановительное звено[1].

Созидательный путь экономического и культурного развития Минска в годы двух первых советских пятилеток обусловил позитивную перспективу для третьего пятилетнего плана, стартовавшего в 1938 г., но перечёркнутого вой-

[1] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 18405. Л. 82—85.

ной. Этот период мог быть ещё более успешным, оставить о себе лучшую память, не будь он запятнан кровью массовых политических репрессий, жертвами которых стали также многие минчане. Один из самых тяжёлых ударов обрушился на научную и творческую интеллигенцию Беларуси, которая была практически уничтожена.

В ходе многолетней милитаризации советской экономики, особенно в связи с началом Второй мировой войны, в жизнь советских людей был привнесен ряд экстремальных новаций, далёких от соблюдения прав человека и напомнивших об эпохе российского крепостничества. Так, 26 июня 1940 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений». Согласно указу, не только увеличивалась продолжительность рабочего дня, фактически работники лишались права увольняться по собственному желанию; разрешить это мог только руководитель предприятия, и лишь в случае болезни, инвалидности, ухода на пенсию или поступления в учебное заведение. Нарушителей ожидал народный суд и тюремное заключение от двух до четырёх месяцев. Сурово карались также прогульщики и приравненные к ним опоздавшие на рабочее место без уважительной причины более чем на 20 минут: обязательное увольнение за прогулы отменялось, прогульщиков и опоздавших отправляли на исправительно-трудовые работы по месту работы на срок до 6 месяцев с удержанием заработной платы до 25 %.

2 октября 1940 г. последовало ещё два судьбоносных указа. Один из них — «О государственных трудовых резервах СССР» — ввёл фактически принудительную мобилизацию молодёжи в возрасте от 14 до 17 лет (до 1 млн человек ежегодно) в ремесленные и железнодорожные училища и школы фабрично-заводского обучения для создания так называемых «трудовых резервов», призванных обеспечить постоянный приток рабочей силы в промышленность и на железнодорожный транспорт. Чуть позже было определено, что учащиеся «трудовых резер-

вов» за самовольный уход с места учёбы и грубое нарушение дисциплины могут быть направлены судом в трудовые колонии сроком до 1 года.

Второй указ — «Об установлении платности обучения в старших классах средних школ и в высших учебных заведениях СССР и об изменении порядка назначения стипендий» — хотя и оговорил в качестве причины якобы возросший уровень материального благосостояния трудящихся, на самом деле вуалировал ту же цель: принуждение молодых людей выбирать работу на производстве. Указ фактически нарушил одну из статей «сталинской» Конституции 1936 г. о праве граждан СССР на образование (обеспечивалось всеобщее обязательное восьмилетнее образование и бесплатные все виды образования). Фактически задним числом, с 1 сентября 1940 г., вводилась плата за обучение в 8—10 классах средних школ, техникумах, педагогических училищах, вузах, за проживание в студенческом общежитии, а стипендию могли получать только отличники. Это нововведение поставило многих студентов в безвыходное положение, вынудило оставить учёбу, а в минских вузах были отмечены акции протеста.

Однако в данной главе не ставится цель глубоко и всесторонне осветить все нюансы довоенной жизни Минска, степень воздействия на его жителей сложнейших политических и социальных процессов, происходивших в то непростое время в Советском Союзе в целом и в Белорусской ССР в частности. Здесь лишь сделана попытка воссоздать атмосферу, в которой прожили минчане свои последние мирные дни.

Грозные признаки неизбежности войны появились задолго до её начала, правда, абсолютное большинство рядовых жителей Минска в то время находилось в счастливом неведении, а самые вдумчивые лишь что-то подозревали, строили догадки и предположения. Договор о ненападении, заключённый между Советским Союзом и Германией 23 августа 1939 г., последующее кардинальное изменение официальной политики СССР в отношении Третьего рейха, демонстрация военного единения Красной Армии и Вермахта в ходе Польской кампании

на совместном параде в Бресте 22 сентября 1939 г. и, наконец, Сообщение ТАСС от 13 июня 1941 г., подтвердившее миролюбивую позицию Германии, обусловили неожиданность войны для основной массы минчан.

В ином положении находились лица, облечённые гражданской и военной властью. Бывшая сотрудница Разведывательного управления НКВД СССР З. И. Воскресенская в своих воспоминаниях приводит следующий факт. В 1939 г., после успешного завершения военных действий на территории Западной Беларуси, сотрудники РУ арестовали там и доставили в Москву абверовского разведчика, бывшего капитана царской армии А. С. Нелидова. В середине 1940 г. на основании его показаний решили проанализировать на картах ход военных игр, проведённых в Германии в последнее время.

«Отчётливо помню синие стрелы, направленные на границу Белоруссии[1]», — пишет З. И. Воскресенская. Разведчик пояснил, что во время одной из военных игр Минск предполагалось занять на пятый день после начала немецкого наступления. «Я рассмеялась: как это на пятые сутки? — Он смутился и принялся клясться всеми богами, что именно так было рассчитано самим Кейтелем (главнокомандующим Вермахтом. — *И. В.*)...» Когда З. И. Воскресенская доложила о разговоре начальнику 5-го (иностранного) отдела Главного управления госбезопасности НКВД СССР (с февраля 1941 г. — начальник 1-го главного (разведывательного) управления НКВД СССР) М. П. Фитину, тот возмутился: «Ну и заливает этот подонок! На пятый день уже и Минск». Однако в первых числах июня 1941 г. управлением был получен от советского агента, железнодорожного чиновника в Берлине, адресованный ему пакет с надписью: «Вскрыть по объявлении мобилизации». Там находилось предписание Главного военного командования Германии, обязывавшее этого чиновника прибыть на станцию Минск, начальником которой он назначался, и приступить к исполнению своих обязанностей на пятый день после начала военных действий.

---

[1] Воскресенская-Рыбкина З. И. Теперь я могу сказать правду (Из воспоминаний разведчицы) // Тайна Зои Воскресенской. М., 1998. С. 21, 23—24, 26—27.

Все эти сведения вместе с выполненными германским разведчиком картами-схемами были переданы заместителю начальника Генштаба Красной Армии — начальнику Главного разведывательного управления Генштаба Ф. И. Голикову, однако, по свидетельству З. И. Воскресенской, тоже вызвали у него иронию: «Итак, они решили врезаться клиньями. И подумайте, на пятый день намерены забрать Минск. Ай да Кейтель, силён!»

Подобные сообщения неоднократно приходили и по другим каналам. Так, сводка разведывательного отдела штаба ЗапОВО по состоянию на 15 мая 1941 г. сообщила о подтверждении полученных ранее сведений о вручении железнодорожным чиновникам Генерал-губернаторства (Польши) секретных мобилизационных предписаний с назначением в города и узловые пункты на территории западных областей СССР[1].

С июля 1940 г., когда А. Гитлер принял окончательное решение о сроке начала войны против Советского Союза, советская разведка начала фиксировать развёртывание, а затем явную активизацию германских вооружённых сил вдоль западной границы. Секретарь ЦК КП(б)Б по кадрам Н. Е. Авхимович вспоминал: «Много было фактов перехода населения с немецкой территории на нашу территорию. Много было слухов о том, что немцы готовятся к войне. Причём слухи эти носили нарастающий характер»[2].

Не случайно за месяц до начала войны была организована поездка секретарей и членов Бюро ЦК КП(б)Б в приграничные районы и последующее рассмотрение их выводов об обстановке на границе на Бюро ЦК КП(б)Б. Н. Е. Авхимович, направленный в Августовский район Белостокской области, лично увидел на немецкой стороне новые военные объекты, а из 86-го Августовского по-

[1] Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 25874. Оп. 2. Д. 530. Л. 187. Опубликовано: Накануне. Западный особый военный округ (конец 1939 г. — 1941 г.): док. и материалы / сост.: В. И. Адамушко [и др.]. Минск, 2007. С. 367.

[2] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 697. Л. 1—16. Опубликовано: Беларусь в первые месяцы Великой Отечественной войны (22 июня — август 1941 г.): док. и материалы / сост. В. И. Адамушко [и др.]. Минск, 2006. С. 284.

граничного отряда ему сообщили, что немцы сосредоточивают артиллерию и танки непосредственно на границе, в связи с чем режут колючую проволоку. О всех собранных неутешительных сведениях участники поездки доложили на Бюро ЦК в ходе обсуждения доклада командующего ЗапОВО Д. Г. Павлова «Об обстановке на границе и состоянии войск округа». Однако, как свидетельствует Н. Е. Авхимович, примерно за неделю до войны, во время телефонного разговора с П. К. Пономаренко, И. В. Сталин, выслушав, о чём шла речь на Бюро, заметил, что всё это ему известно, но немцы лишь пробуют наши нервы, а войны не будет.

11 июня 1941 г. НКГБ БССР в спецсообщении на имя П. К. Пономаренко детально изложил слухи, распространявшиеся на сопредельной территории среди польского населения, железнодорожников и немецких военнослужащих, о том, «что война Германии с СССР должна начаться в конце июня месяца 1941 г....»[1] Такие данные были далеко не единичными. Причины их игнорирования советским руководством всех уровней предельно ясно выражены в докладе Ф. И. Голикова в НКО, СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 20 марта 1941 г.: «На основании всех... возможных вариантов действий весною этого года считаю, что наиболее возможным сроком начала действий против СССР будет момент после победы над Англией или после заключения с ней почётного для Германии мира. Слухи и документы, говорящие о неизбежности весною этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской и даже, быть может, германской разведки»[2].

По иронии судьбы, 14 июня 1941 г., в тот самый день, когда в советских газетах было опубликовано уже упоминавшееся Сообщение ТАСС от 13 июня, в Берлине состоялось совещание высшего командного состава Вермахта по вопросу готовности к войне с СССР. Присутствовавший на нём командующий 2-й танковой группой генерал-полковник Г. Гудериан на вопрос А. Гитлера,

[1] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 21. Д. 2470. Л. 1—7.

[2] Россия. XX век. Документы. 1941 год: в 2 кн. / под ред. В. П. Наумова. М., 1998. Кн. 1. С. 780.

сколько ему потребуется времени, чтобы достичь Минска, ответил, как впоследствии оказалось, почти безошибочно: 5—6 дней[1]. Не случайно источник, работавший на советскую разведку в штабе германской авиации в Берлине, сообщил в разведывательное управление НКГБ СССР не позднее 17 июня: «Все военные мероприятия Германии по подготовке вооружённого выступления против СССР полностью закончены, и удар можно ожидать в любое время», а что касается сообщения ТАСС от 14 июня, то оно было воспринято в кругах штаба авиации «весьма иронически... Подчёркивают, что это заявление никакого значения иметь не может»[2].

К сожалению, большинство предвоенных советских разведсводок не только недооценивало военную угрозу, но и рисовало радужную картину критического положения Вермахта и Германии в целом: «Политико-моральное состояние германской армии падает под влиянием общего ухудшения материального положения трудящихся в стране», «усиливаются антивоенные настроения среди солдат», «германские власти... предпринимают меры к подавлению растущих симпатий к СССР», «материальное положение трудящихся Германии ухудшается, наблюдаются революционные настроения среди рабочих военной промышленности», «усталость от войны и опасение за то, что Германия намерена воевать против СССР, расшатывает дисциплину не только среди солдат, но и среди унтер-офицерского состава», «не только в рядовом, но и в офицерском составе германской армии растёт брожение, недовольство существующим режимом»[3]. Эти, по меньшей мере, странные выводы были основаны на широко распространённом советском пропагандистском тезисе неизбежного, в случае агрессии против СССР, антивоенного выступления в его защиту международного,

[1] Гудериан Г. Воспоминания солдата. Ростов н/Д., 1998. С. 126.

[2] На земле Беларуси: канун и начало войны. Боевые действия советских войск в начальном периоде Великой Отечественной войны / В. В. Абатуров [и др.]. Минск, 2006. С. 383.

[3] РГВА. Ф. 25874. Оп. 2. Д. 530. Л. 5, 8об., 16, 27об.—28, 55 об., 86; НАРБ. Ф. 4п. Оп. 21. Д. 2465. Л. 9, 22—23. Опубликовано: Накануне. Западный особый военный округ... С. 335—338.

в том числе германского, пролетариата. На самом деле это лишь выдавало желаемое за действительное. Примечательно, что в разведсводках упомянутый тезис излагался обычно после конкретных фактов, свидетельствовавших об активизации военной подготовки Германии в полосе ЗапОВО. Таким образом, правильно установив факты концентрации немецких войск у границы СССР, интенсификации строительства там военных объектов, советская разведка, включая разведслужбу ЗапОВО, так и не сумела прийти к выводу о том, что время непосредственной угрозы германского вторжения уже наступило.

Вместе с тем политическое и военное руководство СССР и Белорусской ССР безусловно предпринимало меры по инженерной подготовке территории округа, тем более что после сентября 1939 г. его границы значительно расширились. Другое дело, что эти меры не уделяли должного внимания оборонительному аспекту возможных военных действий, их было недостаточно либо они запоздали или касались в основном приграничных районов, в редких случаях речь шла об отдалённой местности, тем более — о Минске. Так, письмо Военного совета ЗапОВО в ЦК КП(б)Б и СНК БССР от 11 апреля 1941 г. констатировало особо тяжёлое положение на военно-строительных работах в гарнизонах Минск, Белосток, Барановичи, Пружаны и др., в связи с чем под угрозой срыва оказалось расквартирование воинских частей, участвовавших в этих работах. В письме содержалась просьба поставить, в частности минскими кирпичными заводами, в апреле — мае 1941 г. 2 млн 800 тыс. штук кирпича, а для удовлетворения хотя бы частично потребности в печном литье — закрепить за Военно-строительным управлением округа минскую 3-ю артель инвалидов, имевшую возможность выпускать 300 комплектов литья в месяц, а также весовой завод «Ударник» и артель металлистов для изготовления скобяных изделий на сумму до 80 тыс. рублей. При этом Военный совет просил приравнять строительство, производимое управлением, «к первоочередным и важнейшим стройкам республики»[1].

---

[1] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 37. Д. 18. Л. 2—4.

28 апреля 1941 г. Военный совет округа вновь обратился в ЦК КП(б) и СНК БССР с письмом о проведении ряда мероприятий для повышения мобилизационной готовности БССР, в числе которых было всемерное ускорение и завершение до 1 августа 1941 г. строительства в Минске автогенного (кислородного) и шиноремонтного заводов и авторемонтной станции. В письме содержалась также просьба до 15 мая 1941 г. приспособить под госпитали на случай военного времени минские школы № 12 и 27, что должно было быть сделано ещё в 1940 г. Для обеспечения нормальной боевой учёбы и жизни воинских частей в лагерях при артполигонах, в частности при Минском окружном артполигоне, необходимо было произвести вырубку строевого леса. В письме с горечью констатировалось также, что укладка вторых путей на линии Минск — Радошковичи ещё не начиналась, а на Минском железнодорожном узле для работ по устройству обходных веток вместо запланированных 1500 человек выделено только 300.

Этот документ точно отметил все недостатки в организации мероприятий по повышению мобилизационной готовности на территории БССР в целом и в Минске в частности. Не случайно на нём стоит следующая резолюция П. К. Пономаренко: «Тов. Ванееву (В. Г. Ванеев — третий секретарь ЦК КП(б)Б. — *И. В.*), Прохорову (Н. И. Прохоров — секретарь ЦК КП(б)Б. — *И. В.*). Замечательный документ... подготовить... на основе этого документа... решение. Пономаренко. 30.4.41»[1].

Война застала также незавершённым начатое во втором квартале 1940 г. строительно-монтажным трестом № 15 Наркомата связи СССР строительство в районе Колодищей «объекта № 16» всесоюзного значения — новой мощной радиостанции на базе существовавшей там радиостанции РВ-10. Но намеченный срок ввода в эксплуатацию станции — 1 июля 1941 г. — ещё накануне войны был сорван[2].

20—21 июня 1941 г. в Минске состоялось совещание главных инженеров строительства и реконструкции по-

[1] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 37. Д. 18. Л. 8—35.
[2] Там же. Оп. 1. Д. 17590. Л. 7—8.

стоянных и оперативных аэродромов на территории БССР, на котором было принято решение к 15 августа завершить 30—40 % строительства, большую часть — до сентября, полностью выполнить задание к 1 октября 1941 г.[1] Указанные сроки говорят сами за себя и не нуждаются в дополнительных комментариях относительно их выполнения.

Спустя месяц после начала войны, 19 июля 1941 г., в связи с тяжёлыми обвинениями, предъявленными советским руководством командованию Западного фронта, допустившему июньскую катастрофу, бывший член Военного совета ЗапОВО корпусной комиссар А. Я. Фоминых в докладе «О некоторых вопросах по обороне западной границы СССР на территории Западного Особого военного округа» начальнику Главного политического управления Красной Армии Л. З. Мехлису не побоялся заявить, что округу «всегда давались задания прорабатывать варианты наступательной операции при явном несоответствии реальных сил... отдельные работники Генерального штаба, зная, что в первый период войны превосходство на стороне Германии, почему-то проводили и разрабатывали, главным образом, наступательные операции и только в последнее время (в конце мая 1941 г.) провели одну игру по прикрытию границы... Животрепещущие вопросы по обороне границы разрешались в Генеральном штабе чрезвычайно медленно, а иногда и отказывались, ссылаясь на невозможность выполнения промышленностью... Это истина, которую можно легко доказать, подняв все документы»[2]. Но никакие документальные доказательства востребованы не были, важнее было наказать лиц, «назначенных» быть виновными.

Последние предвоенные дни Минска прошли в обычном ритме мирной жизни. Как всегда ярко и шумно был отпразднован Первомай. Газеты не поскупились на описание торжественного убранства столицы: площадь Ленина,

---

[1] Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. р-8437. Оп. 1а. Д. 59. Опубликовано: Накануне. Западный особый военный округ... С. 13.

[2] РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 105. Л. 61—65. Опубликовано: Накануне. Западный особый военный округ... С. 390—392.

к примеру, была оформлена на тему «Партия Ленина-Сталина — организатор побед социализма», площадь Свободы воплощала тему «Неустанно крепить экономическое могущество социалистической родины». Острый вопрос был взят за основу художественного оформления сквера на Советской улице (Александровский сквер) — «Всегда держать народ в состоянии мобилизационной готовности».

Предприятия столицы начали рапортовать о досрочном выполнении полугодовых планов. 50 передовых железнодорожников Минского отделения Западной железной дороги были награждены Наркоматом путей сообщения СССР значком «За образцовую стахановскую работу». Белорусский государственный университет готовился к своему двадцатилетнему юбилею; на торжества, которые должны были начаться 24 июня большой научной сессией, ожидалось прибытие более 100 гостей из разных республик.

В высших учебных заведениях завершались экзамены и защита дипломных работ, затем все вузы и техникумы столицы объявили о приёме студентов на 1941/1942 гг., а в школах началась запись учеников в первые классы.

Мингороно занимался отправкой детей в свои пионерские лагеря в Городище, Тальке, Дроздах. Всего в летний сезон 1941 г. на территории Минской области открылись 28 пионерских лагерей, в которых планировался отдых 11600 детей[1].

Киностудия «Савецкая Беларусь» приступила к съёмкам короткометражного фильма «Отвага» под художественным руководством заслуженного деятеля искусств БССР Ю. Тарича. В основе фильма лежал один из эпизодов военного похода Красной Армии в Западную Беларусь в сентябре 1939 г.

В ГУМ поступили новые товары к летнему сезону. Белорусское туристско-экскурсионное бюро ВЦСПС предлагало путёвки «на экскурсии и в путешествия» в Москву с посещением Всесоюзной сельскохозяйственной выставки и канала Москва — Волга, в Ленинград, Киев, Крым, на Кавказ, по Днепру и Волге.

---

[1] НАРБ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 2140. Л. 3.

На стадионе «Локомотив» продолжалась подготовка делегации физкультурников Минской области к Всебелорусскому физкультурному празднику. 10 июня минская футбольная команда «Динамо» со счётом 3:2 проиграла на своём поле матч чемпионата СССР чемпиону страны московскому «Динамо», а 21 июня минские динамовцы со счётом 7:2 разгромили сборную Минска.

11 июня в Белорусской государственной филармонии начался Третий всебелорусский фестиваль отличников музыкальных школ БССР.

15 июня в столице взял старт республиканский профсоюзно-комсомольский кросс.

18 июня, в 3 часа дня, строители минского искусственного озера опустили первые щиты и шлюзы плотины, после чего дно котлована стало постепенно заполняться водами реки Свислочь. В полдень 22 июня должен был состояться городской праздник по случаю открытия озера, построенного в основном силами комсомольцев города и поэтому после войны названного Комсомольским. На озере были запланированы массовые гулянья, выступления шести профессиональных оркестров и художественной самодеятельности, спортивные соревнования. Опробовать водную гладь минчане могли на 40 приготовленных для этой цели лодках. К тому же 22 июня горожан ожидали массовое гулянье, концерты симфонического оркестра Белгосфилармонии и артистов Белгосэстрады в парке им. М. Горького, а также вечернее «большое народное гулянье» в парке им. Челюскинцев[1].

Весьма привлекательно выглядела летняя гастрольная афиша Минска: в июне здесь выступали сразу пять коллективов из Москвы, Одессы и Гродно. 1 июля должны были начаться гастроли Ленинградского драматического театра им. Ленсовета, а 1 августа — Государственного русского драматического театра БССР, работавшего тогда в Могилёве[2], ожидался приезд крупнейшего цыганского циркового аттракциона.

---

[1] Звязда. 1941. 22 чэрв.

[2] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 3. Д. 1177. Л. 75—77.

Гастроли Государственного польского театра БССР из Гродно начались 17 мая 1941 г., они проходили в помещении Государственного еврейского театра БССР. Приехала вся труппа — главный режиссёр А. Венгерко, артисты И. Боровская, Т. Манкевич, С. Бутрим, Ю. Петрашкевич и многие другие. Минчане успели познакомиться со всем репертуаром театра, который составляли спектакли «Оптимистическая трагедия» В. Вишневского, «Пигмалион» Б. Шоу, «Коварство и любовь» Ф. Шиллера, «Женитьба Фигаро» П. Бомарше и прочие. Вечером 22 июня театр должен был представить пьесу, название которой оказалось поистине пророческим, — «Оптимистическая трагедия».

3 июня на сцене БГТ-1 открыл гастроли Одесский украинский театр Революции, художественным руководителем которого являлся народный артист УССР В. С. Василько (сегодня Одесский украинский музыкально-драматический театр им. В. Василько). На свои третьи гастроли в столице Беларуси прибыла вся труппа из 120 человек с 16 спектаклями. В репертуаре были: «В степях Украины» А. Корнейчука, «Легенда» К. Герасименко, «Лес» А. Островского, «Цыганка Аза» Н. Старицкого, «Лимеривна» П. Мирного, «Коварство и любовь» Ф. Шиллера, «Большой выигрыш» по Ш. Алейхему и др. Роли в спектаклях исполняли известные украинские артисты: заслуженный деятель искусств УССР Л. В. Мациевская, заслуженные артисты УССР Г. Ю. Мещерская, И. Ф. Маяк, артисты М. П. Хорош, С. С. Кошачевский, Я. Т. Возиян, И. А. Васильев и др.[1]

4 июня минчане начали знакомство с крупнейшим советским цирковым аттракционом «Аквариум с морскими львами», которым руководил орденоносец, как тогда не забывали упомянуть, Т. И. Сидоркин. В программе принимал участие известный дрессировщик лошадей М. А. Штейн, клоуны — орденоносцы Н. А. Антонов и В. М. Бартенев, а также И. Байда и С. Курепов, работавшие под псевдонимами Пат и Паташон. С 17 июня в цирке выступали также артисты Дроздовы с аттракцио-

[1] Звязда. 1941. 4 чэрв.

ном «Лесная идиллия» и эквилибристы с шестом под руководством Е. Т. Милаева, демонстрировавшие, как писали газеты, «высшее достижение баланса».

14 июня в кинотеатре «Чырвоная зорка» начал гастроли Московский джаз-аккордеон под руководством Е. М. Розенфельда.

С нетерпением ожидали минчане Московский орденов Ленина и Трудового Красного Знамени Художественный Академический театр СССР имени М. Горького, поскольку этот именитый театр, основанный в 1898 г. выдающимися деятелями русского театрального искусства К. С. Станиславским и В. И. Немировичем-Данченко, приезжал в нашу республику впервые.

План гастролей театральных коллективов в крупнейших городах Беларуси на сезон 1941 г. был рассмотрен Бюро ЦК КП(б)Б 18 апреля 1941 г. На этом заседании и было принято решение пригласить в Минск всемирно известный МХАТ. Начальник Управления по делам искусств при Совнаркоме БССР А. Б. Озирский получил задание направить запрос в одноимённый комитет при СНК СССР[1]. Переговоры прошли успешно, соглашение было достигнуто, гастроли решили приурочить к пятилетию со дня смерти М. Горького, для их организации в Минск заранее прибыл директор МХАТа Г. М. Калишьян[2].

Вечером 15 июня 1941 г. с перрона Белорусского вокзала Москвы мхатовцы отбыли в Минск. В гастрольную труппу из 117 человек входили блистательные актёры: народные артисты СССР В. И. Качалов, И. М. Москвин, М. М. Тарханов, Б. Г. Добронравов, Н. П. Хмелёв; народные артисты РСФСР О. Н. Андровская, М. И. Прудкин, А. П. Зуева; заслуженные артисты РСФСР П. В. Массальский, М. М. Яншин, А. П. Кторов, В. А. Вербицкий и многие другие. Никто, за исключением одного из старейших мхатовцев М. М. Тарханова, в Минске ранее не бывал. Михаил Михайлович Тарханов (настоящая фамилия Москвин) в молодости работал во многих провинциальных театрах России, с 1905 г. — на сцене Минского го-

[1] НАРБ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1177. Л. 74—77.

[2] Советская Белоруссия. 1941. 8 мая.

родского театра. Уже в советское время, играя во МХАТе, он одновременно являлся профессором Государственного института театрального искусства имени А. В. Луначарского, где в 1939 г. возглавил студию по подготовке белорусских актёров. Из выпускников его курса в 1940 г. был создан Брестский областной русский драматический театр, причём М. М. Тарханов был назначен его художественным руководителем. И ещё один знаменитый актёр МХАТа имел непосредственное отношение к нашей земле — белорусом был Василий Иванович Качалов (настоящая фамилия Шверубович), родившийся в Вильно.

Москвичи везли великолепные декорации и костюмы, кроме театральных спектаклей планировали давать концерты для воинов ЗапОВО, поскольку МХАТ считался шефом Красной Армии. До 30 июня на сцене театра Красной Армии ЗапОВО в помещении Дома Красной Армии должно было состояться 16 спектаклей по пьесам «На дне» М. Горького, «Дни Турбиных» М. Булгакова, «Тартюф» Ж.-Б. Мольера и «Школа злословия» Р. Шеридана. 23 июня мхатовцы планировали встретиться с артистами красноармейской художественной самодеятельности ЗапОВО и ансамбля народной песни и танца Государственной филармонии БССР. Намечались также встречи с коллективами украинского и польского театров, командно-начальствующим составом округа, первая из которых была запланирована на вечер 22 июня[1]. В типографии газеты «Красноармейская правда» заранее напечатали афиши, программы спектаклей, входные билеты и другую сопутствующую продукцию. Центральные белорусские газеты публиковали многочисленные приветствия «любимому театру трудящихся» от рабочих, служащих, военных, творческих работников, в том числе от Я. Купалы, Я. Коласа, К. Крапивы, М. Лынькова, П. Бровки и др. В Правительственной библиотеке им. М. Горького открылась выставка о писателе и творческом пути МХАТа[2].

Утром 16 июня долгожданные гости прибыли в Минск. Столица встретила их торжественно. На вокзале присут-

---

[1] Звязда. 1941. 22 чэрв.

[2] Там же. 6 чэрв.

ствовали секретари ЦК КП(б)Б Т. С. Горбунов и В. Н. Малин, председатель Мингорсовета К. И. Бударин, второй секретарь Минского горкома КП (б)Б И. А. Банцырев, известный драматург К. Крапива, другие деятели белорусского искусства, многочисленные военные.

Открытие гастролей состоялось в 8 часов вечера 17 июня спектаклем «На дне». Эта пьеса не сходила с мхатовской сцены с 1902 г., с 1932 г. театр носил имя её автора М. Горького, не случайно именно она стояла первой в гастрольной афише. В зале был аншлаг!

Как позднее вспоминали артисты, они были уверены, что едут в глухую провинцию, и их приятно удивил оживлённый город, который, хотя и не мог похвастаться старинными памятниками, зато отличался новыми прекрасными зданиями, а ДКА и вовсе выглядел настоящим дворцом. Мхатовцев поселили в комфортабельной на то время гостинице «Беларусь». Они с удовольствием пользовались бассейном ДКА, по вечерам отдыхали в парке им. М. Горького, смотрели в цирке представления своих земляков-москвичей.

Наступили последние мирные часы субботы 21 июня. В это время в Зелёном театре парка им. М. Горького начался интернациональный вечер памяти К. Цеткин, польский театр играл «Женитьбу Фигаро», украинский — «В степях Украины», большое представление шло в цирке, в клубе им. И. В. Сталина выступал исполнитель еврейских шуточных и бытовых песен из Вильнюса И. Колодный. В кинотеатре «Чырвоная зорка» зрители смотрели художественный фильм «Танкер Дербент». В кинотеатре «Родина» выступал теаджаз (театральный джаз) и демонстрировался фильм «Фронтовые подруги», причём по случаю предвыходного дня здесь был объявлен дополнительный сеанс в 00:30. Кинотеатр «Интернационал» показывал грузинскую ленту «Девушка с того берега», кинотеатр «Спартак» — художественный фильм «Кармелюк», кинотеатр «Новости дня» — документальный фильм «Максим Горький».

Минчане, оставшиеся дома, тоже не скучали. В 19:30 по радио начался концерт советской камерной музыки,

в 21:05 — «популярный концерт при участии джаз-оркестра». Примечательно, что на следующий день, т. е. 22 июня, в радиоэфире ожидались лекция «Шесть условий победы», беседа «Борьба с авиадесантами» и недельный обзор военных действий за рубежом. В 15:30 22 июня в Доме партийного просвещения Минского горкома КП(б)Б лектор из Москвы Кульков должен был выступить с лекцией о международном положении, но вместо неё там состоялось собрание городского партактива, посвящённое началу войны[1].

В 8 часов вечера 21 июня в Доме Красной Армии начался спектакль МХАТа «Тартюф» по пьесе Ж.-Б. Мольера. В театральном зале находились представители руководства БССР и командования ЗапОВО, причём в ложе командующего Д. Г. Павлова был специально установлен аппарат высокочастотной связи для обеспечения постоянной связи с войсками округа и Москвой. В 22:00, по окончании спектакля, в ДКА состоялся ужин, высокопоставленные военные и гражданские лица покинули здание в первом часу ночи, а артисты собрались в одном из гостиничных номеров, чтобы отпраздновать успех. За разговорами незаметно пролетело время, разошлись только в 4 часа утра, не подозревая, что как раз в эти предрассветные минуты история начала новый, трагический отсчёт времени.

Позже критики Д. Г. Павлова не раз вспомнят об этом его пребывании в театре за несколько часов до начала войны, а для полноты впечатления превратят тот злополучный спектакль в весёлую оперетту «Свадьба в Малиновке», которой не было и по определению не могло быть в мхатовском репертуаре.

На самом деле эти считанные часы уже ничего не могли изменить: когда Д. Г. Павлов сидел в театре в Минске, в Москве нарком обороны Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко и начальник Генерального штаба РККА генерал армии Г. К. Жуков всё ещё убеждали И. В. Сталина в необходимости приведения войск пяти приграничных округов в боевую готовность в связи с возможным нападением Германии в течение 22—23 июня.

---

[1] Звязда. 1941. 17 чэрв.

Глава 2

22 ИЮНЯ

Передача на места приказа народного комиссара обороны СССР о приведении войск пяти приграничных округов — Ленинградского, Прибалтийского Особого, Западного Особого, Киевского Особого и Одесского — в полную боевую готовность в связи с возможным нападением Германии 22—23 июня была закончена в 00:30 22 июня[1]. В штабе ЗапОВО приказ был получен и расшифрован только в 1:45, а его дальнейшая передача в штабы приграничных 3-й, 4-й и 10-й армий завершилась в 2:25[2]. Однако уже с двух часов ночи проводная связь работала с перебоями в результате действий заранее заброшенных на советскую территорию вражеских диверсионных групп. Поэтому если в 3-й и 4-й армиях успели получить приказ и принять некоторые меры к его выполнению, то в 10-й армии, дислоцировавшейся на самом уязвимом с военно-оперативной точки зрения участке, он был расшифрован уже после начала боевых действий[3].

Ещё до получения приказа, в 1:00, состоялся телефонный разговор наркома обороны С. К. Тимошенко с командующим ЗапОВО Д. Г. Павловым. Как позже показал на допросе арестованный генерал, нарком тогда предупредил, что может «что-нибудь и случится неприятное», однако «будьте поспокойнее и не паникуйте... ни на какую провокацию не идите»[4]. Магическое «без паники», не раз повторенное затем высшими военными чина-

[1] Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1971. С. 234.

[2] Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее — ЦАМО РФ). Ф. 208. Оп. 2454. Д. 26. Л. 69. Опубликовано: На земле Беларуси: канун и начало войны... С. 392.

[3] Там же. Оп. 355802. Д. 1. Л. 4. Опубликовано: Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 35. М., 1958. Док. № 1; На земле Беларуси: канун и начало войны... С. 402.

[4] Россия. XX век. Документы. 1941 год: в 2 кн. / под ред. В. П. Наумова. М., 1998. Кн. 2. С. 456.

ми и лично И. В. Сталиным в течение первого дня войны, оказало, без сомнения, парализующее действие на командование ЗапОВО и руководство БССР. Не снимая с них ответственности за июньскую трагедию в Беларуси, следует, однако, признать, что в данном случае на всех уровнях сыграла роковую роль культивировавшаяся в СССР система строжайшей централизации власти, которой были свойственны беспрекословное подчинение исполнителей вышестоящим инстанциям, отсутствие инициативы, опасение предпринять самостоятельные действия без соответствующего приказа «сверху» даже в условиях экстремальной ситуации. Так, вышеупомянутый приказ наркома содержал ключевую фразу, фактически исключавшую возможность принимать командованием на местах быстрые и однозначные решения о вооружённом отпоре агрессору: «Задача наших войск не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения»[1]. Документальные и мемуарные источники определённо указывают, что на протяжении, по крайней мере, первых двух суток командование Западного фронта, руководство БССР, а вместе с ними и Москва пребывали в уверенности, что события пойдут по заранее заготовленному советскому сценарию войны «малой кровью на чужой территории»: пограничники и войска первого эшелона будут вести сдерживающие бои до подхода войск второго эшелона, а затем совместными усилиями отбросят противника за линию государственной границы и там уничтожат. Думается, что в Минске такой оптимизм имел и некоторую психологическую подоплёку, основанную на отсутствии бомбардировок в первый день войны.

Таким образом, с первых минут германской агрессии жизни жителей Беларуси попали в прямую зависимость от ряда объективных и субъективных факторов — неблагоприятного для советской стороны развития событий на фронте, во многом обусловленного порочной советской военной доктриной, а также физической и психологиче-

[1] ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2454. Д. 26. Л. 69. Опубликовано: На земле Беларуси: канун и начало войны... С. 392.

ской неготовностью высших эшелонов военной, государственной и политической власти, как республиканской, так и союзной, без промедления преодолеть рамки этой доктрины. По справедливой оценке известного российского исследователя Т. С. Бушуевой, «сегодня с полным правом можно утверждать, что не внезапность нападения и неготовность страны и её вооружённых сил, а именно высшее военное и политическое руководство страны летом 1941-го, прежде всего в силу субъективных причин и обстоятельств, не смогло распорядиться тем огромным военным потенциалом, который был создан трудом миллионов советских людей, и оказалось в состоянии военной катастрофы»[1].

22 июня 1941 г., между 3:00 и 3:30 утра по европейскому времени, т. е. между 4:00 и 4:30 по московскому, Вермахт по приказу А. Гитлера совместно с румынскими частями пересёк «границу своих интересов», атаковав советские войска на территории от Баренцева до Чёрного моря. Получасовой промежуток начала наступления был связан с дифференциацией времени восхода солнца вдоль всей линии фронта[2].

Под главный удар противника в полосе ЗапОВО, развёрнутого с началом боевых действий в Западный фронт, попал так называемый Белостокский выступ, центральный участок, где дислоцировалась 10-я армия, в составе которой были сосредоточены основные силы первого эшелона войск фронта — 19 дивизий из 26, имевшихся накануне войны в округе. К северу и югу позиции занимали две другие армии первого эшелона — 3-я и 4-я соответственно. Для прикрытия государственной границы предназначалась также 13-я армия, но её формирование началось в районе Могилёв — Минск — Слуцк только в мае 1941 г. и к началу войны было далеко до завершения. 22 июня управление армии и техника находились на

---

[1] Цит. по: Бушуева Т. С. Военная политика СССР 1939—1941 годов: достижения и просчёты // Великая война и Великая Победа народа. К 65-летию победы в Великой Отечественной войне: в 2 кн. / редкол.: А. Н. Сахаров (отв. секретарь) [и др.]. М., 2010. Кн. 1. С. 210.

[2] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Von Horst Boog [u. a.] Band 4. Der Angriff auf die Sowjetunion. Stuttgart, 1983. S. 451.

пути следования из Могилёва в Бельск Белостокской области, куда их перебрасывали по приказу командования ЗапОВО от 20 июня 1941 г., чтобы занять позиции на южной оконечности Белостокского выступа. Начало войны изменило планы — 23 июня эшелоны армии выгрузились на станции Молодечно для прикрытия стыка между войсками Западного и Северо-Западного фронтов.

В Минске (пригороде Уручье) на момент начала войны дислоцировалась 100-я ордена Ленина стрелковая дивизия, находившаяся в непосредственном подчинении командования ЗапОВО. В столице базировались также 7-я отдельная зенитно-артиллерийская бригада ПВО Западной зоны ПВО, управление и части 42-й бригады конвойных войск НКВД СССР, управления 44-го и формируемого 2-го стрелковых корпусов, которые предназначались для новой 13-й армии. Во 2-м стрелковом корпусе войск практически ещё не было, в него только планировали включить по одной стрелковой дивизии из состава 4-й и 10-й армий.

Что касается войск, подчинённых 44-му корпусу, война застала 64-ю, 108-ю стрелковые дивизии и другие части в районе Заславля и Ждановичей во время переброски по железной дороге от Смоленска и Вязьмы, откуда они следовали к границе в соответствии с приказом командующего войсками ЗапОВО от 15 июня 1941 г. (в его основе лежал приказ наркома обороны СССР штабам военных округов от 12 июня о выдвижении войск на исходные позиции по плану стратегического развёртывания советских вооружённых сил). Ещё одна стрелковая дивизия корпуса — 161-я — двигалась походным маршем от Могилёва. Вечером 22 июня отдельные её части достигли Минска, другие были срочно переброшены к столице уже по железной дороге, а некоторые так и не успели к ним присоединиться. Передислокация к границе была скрытой, она осуществлялась под видом следования войск в летние лагеря. Прикрытием для переброски войск служили также командно-штабные игры, к примеру, под предлогом участия в них управление 2-го корпуса накануне войны находилось уже в районе Белостока.

В Красном Урочище под Минском шло формирование 26-й танковой дивизии создававшегося с марта 1941 г. 20-го механизированного корпуса с управлением в Борисове.

Таким образом, практически все стрелковые и мотомеханизированные войска, стоявшие в Минске или находившиеся в непосредственной близости от столицы, за исключением 100-й стрелковой дивизии, к началу войны или не были полностью отмобилизованы, или находились в стадии формирования.

Первое тревожное сообщение о массовом нарушении советской границы авиацией противника поступило в Минск на центральный пост 5-го полка воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС) (командир — майор Т. В. Мещеряков) 7-й отдельной бригады ПВО (командир — подполковник А. П. Колесников) Западной зоны ПВО (командующий — помощник командующего войсками ЗапОВО по ПВО генерал-майор артиллерии С. С. Сазонов) уже через 4 минуты после того, как немецкие авиационные армады устремились в глубь советской территории[1], т. е. между 3:10 и 3:20 по среднеевропейскому и 4:10 — 4:20 по московскому времени. В это же время командующий 3-й армией генерал-лейтенант В. И. Кузнецов доложил в штаб округа по телефону из Гродно, что «на всём фронте артиллерийская и оружейно-пулемётная перестрелка. Над Гродно до 50—60 самолётов...»[2] Вслед за ним, между 4:20 и 4:25, командующий 4-й армией генерал-майор А. А. Коробков передал, что «на Кобрин налетела авиация, на фронте страшенная артиллерийская стрельба»[3]. Первая радиограмма от командующего 10-й армией генерал-майора К. Д. Голубева из Белостока об оружейно-пулемётной перестрелке по всему фронту из-за перебоев в связи поступила примерно в 7 часов.

Несколько оправившись от внезапного нападения и направив в приграничные армии распоряжение «поднять войска и действовать по-боевому»[4], командование

[1] Россия. XX век. Документы. 1941 год... Кн. 2. С. 462.
[2] Там же. С. 457.
[3] Там же.
[4] ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2454. Д. 26. Л. 76. Опубликовано: На земле Беларуси: канун и начало войны... С. 393.

округа было уверено, что вскоре события пойдут по запланированной советским военным руководством наступательной схеме начального периода войны, не раз отрабатывавшейся в ходе многочисленных окружных учебных мероприятий. И это не случайно, поскольку подготовленные Генеральным штабом Красной Армии в 1940—1941 гг. как минимум четыре варианта оперативного плана стратегического развёртывания советских войск были нацелены лишь на наступательные действия.

Согласно боевым донесениям из приграничных армий, которые поступали в Минск в условиях нестабильной связи в течение первой половины дня, развернувшиеся военные действия квалифицировались как нарушение государственной границы, прорыв групп и частей противника, что не могло не сказаться на правильности общей оценки ситуации не только штабом фронта, но и Генштабом Красной Армии. В результате штаб фронта направлял на границу приказы: «прорвавшиеся и прорывающиеся банды решительно уничтожать»[1], а Москва довольствовалась отрывочной информацией.

Первое Боевое донесение штаба ЗапОВО начальнику Генерального штаба Красной Армии, направленное в 4:20, содержало только разрозненные факты: «Первое. 3-я армия — до 60 самолётов немцев бомбят Гродно. Наша авиация завязала воздушный бой. Второе. 10-я армия — группа диверсантов перешла границу, из них 2 убито, 2 ранено, 3 захвачено в плен, один бежал. Третье. 4-я армия — 4 часа 20 минут началась бомбёжка Бреста. Количество самолётов не выяснено. Четвёртое. По всей границе по данным постов ВНОС — артиллерийская перестрелка. Пятое. Приказано поднять войска и действовать по-боевому. Начальник штаба Климовских»[2].

Немногим отличалось от первого второе Боевое донесение в Генштаб от 7:00, констатировавшее, что «по всей

---

[1] ЦАМО РФ. Ф. 318. Оп. 4631. Д. 6. Л. 1. Опубликовано: Военно-ист. журн. 1989. № 6. С. 29.

[2] Там же. Ф. 208. Оп. 2454. Д. 26. Л. 75. Опубликовано: Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 35... Док. № 6.

границе ружейно-пулемётный и артиллерийский огонь... Проводной связи с армиями не имеем»[1].

Отсутствие точной информации из приграничья породило в штабе округа неразбериху. Соответствующие факты приводит в своих воспоминаниях батальонный комиссар Д. И. Кочетков, служивший в Управлении политической пропаганды ЗапОВО. В штабе округа, куда он был вызван вместе с другими работниками управления в 6 часов утра, все спрашивали друг друга, что случилось, поскольку на этот час было известно только о бомбардировках Бреста, Кобрина, Лиды, Барановичей и о перебоях в связи с приграничными армиями. Собравшиеся предположили, что это всё-таки не война, а провокация, хотя, по их мнению, от немцев всего можно было ожидать. Несмотря на продолжавшееся отсутствие связи с 10-й армией, находившейся на самом опасном рубеже обороны, начальник Управления политпропаганды дивизионный комиссар Д. А. Лестев (погиб в 1941 г. в бою под Москвой) в 9 часов утра приказал Д. И. Кочеткову и инспектору управления батальонному комиссару В. Лондонскому вылететь в Белосток, чтобы помочь отделу политпропаганды 10-й армии «наладить политическую информацию»[2]. В 11:00 на самолёте У-2 они убыли к месту назначения, где позже разделили судьбу армии, попавшей в огромный «котёл» вражеского окружения.

Туда же, в 10-ю армию, для руководства конно-механизированной группой, предназначенной для контрудара на Гродненском направлении, в первой половине дня вылетел первый заместитель командующего ЗапОВО — начальник Минского военного гарнизона генерал-лейтенант И. В. Болдин. Свои обязанности начальника гарнизона он передал заместителю командующего генерал-лейтенанту В. Н. Курдюмову. Однако последний пробыл на этом посту лишь несколько часов — во второй половине дня он также улетел на запад, передав дела помощнику командующего по ВУЗам генерал-майору

---

[1] ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 71. Л. 85—86. Опубликовано: Военно-ист. журн. 1989. № 6. С. 29—30.

[2] Кочетков Д. И. С закрытыми люками. М., 1962. С. 5—7.

И. Н. Хабарову[1]. Вскоре и его, убывшего в 4-ю армию, сменил командир 100-й стрелковой дивизии генерал-майор И. Н. Руссиянов.

Следует отметить, что до войны советское верховное командование не рассматривало территорию Беларуси как объект возможного главного удара противника, поскольку предполагалось, что основной его целью будут хлеб и уголь Украины, а также кавказская нефть. Однако А. Гитлер бросил главные силы через Минск, Оршу и Смоленск на Москву, стремясь мощным концентрированным ударом быстро покончить с «головой и сердцем советской системы», по выражению командующего 4-й полевой армией генерал-фельдмаршала Г. фон Клюге[2].

План стратегического развёртывания вооружённых сил Германии «Барбаросса» упоминал Минск, наряду с такими городами, как Вильнюс, Смоленск, Москва, в качестве особо важного объекта для быстрой заблаговременной нейтрализации и последующего захвата, поскольку на них базировалась основная система сообщений. На первом этапе операции войска группы армий «Центр» под командованием генерал-фельдмаршала Ф. фон Бока, наступавшие двумя клиньями, должны были, охватывая с двух сторон Минск, соединиться севернее Смоленска, уничтожив при этом советскую группировку на территории Беларуси, что гарантировало успех дальнейшему броску на северо-восток и восток Советского Союза. В результате столица БССР оказалась под ударом крупнейшей группировки войск вторжения, и с первых часов вражеской агрессии события на Белостокско-Минском направлении развивались стремительно. Действовавшие в составе группы армий «Центр» 3-я генерал-полковника Г. Гота и 2-я генерал-полковника Г. Гудериана танковые группы быстро продвигались с северо-запада и юго-запада по флангам войск Западного фронта в направлении Минска и постепенно охватывали «клещами» главные силы фронта с целью их окружения и последующего уничтожения частями 9-й

[1] Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны (далее — БГМИВОВ). Н/В-7989.

[2] Роковые решения. М., 1958. С. 76.

генерал-полковника А. фон Штрауса и 4-й генерал-фельдмаршала Г. фон Клюге полевых армий между Белостоком и Минском. Группу армий «Центр» поддерживал 2-й Воздушный флот генерал-фельдмаршала А. Кессельринга. Максимально сконцентрировав силы и средства на участках прорыва, противник сумел добиться здесь решающего успеха.

В половине пятого утра Д. Г. Павлов позвонил на квартиру первого секретаря ЦК КП(б)Б, члена Военного Совета округа П. К. Пономаренко (руководитель БССР жил тогда в доме на перекрёстке улиц Кирова и Комсомольской, это здание напротив стадиона «Динамо» сохранилось до наших дней) и сообщил о тревожной ситуации на границе. П. К. Пономаренко, отдав через дежурного ЦК распоряжение собрать в 5:30 секретарей и членов Бюро Центрального Комитета, немедленно выехал в штаб округа[1] (штаб размещался на улице Советской, в главном корпусе Университетского городка, сегодня в этом значительно перестроенном здании на площади Независимости находится Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка), где в 4:45 началось совещание командного и начальствующего состава округа. Однако в связи с тем, что с первых часов войны проводная связь с западными районами была нарушена, участники совещания получили от Д. Г. Павлова лишь общую информацию: три четверти часа назад немцы открыли огонь вдоль всей линии границы и бомбардировали погранзаставы, расположение войск, штабы армий и города Гродно, Брест, Кобрин, Лиду и другие, радиус действия немецкой авиации расширяется.

Между 5 и 6 часами утра, в соответствии с принятым ещё до войны планом, командующий ВВС округа генерал-майор авиации И. И. Копец передал приказ командиру 43-й истребительной авиадивизии, дислоцировавшейся на аэродромах от Орши до Могилёва, генерал-майору авиации Г. Н. Захарову двумя из четырёх полков дивизии прикрыть столицу.

---

[1] Архив Института истории Национальной академии наук Беларуси (далее – АИИ НАНБ). Ф. 20. Оп. 1. Д. 7а. Л. 11.

Накануне войны в Минске, на осоавиахимовском аэродроме в Слепянке (в настоящее время не существует), дислоцировалась только одна авиачасть — 313-й отдельный разведывательный авиаполк с 20 самолётами СБ, обеспеченный авиатехникой лишь на 33,3 %[1]. В Мачулищах под Минском, на аэродроме, который в предвоенных документах иногда фигурировал как «старый аэродром ГВФ»[2], размещалось управление 59-й истребительной авиадивизии, создававшейся согласно директиве Генштаба РККА от 25 января 1941 г., здесь же формировались 184-й и 185-й истребительные авиаполки этой дивизии[3].

К полудню 22 июня по завершении полковых антивоенных митингов, сама организация которых свидетельствует о недооценке серьёзности ситуации, 60 истребителей И-153 и 72 лётчика из 160-го истребительного авиаполка майора А. И. Костромина (погиб 4 июля 1941 г. в воздушном бою под Смоленском, в Белорусском государственном музее истории Великой Отечественной войны хранится орден Красной Звезды, который был на груди у майора в момент гибели), а также 59 истребителей И-16 и 72 лётчика из 163-го истребительного полка майора Лагутина перелетели с аэродромов Пронцевка в Шкловском районе и Лубнище в Могилёвском районе соответственно[4] на минский аэродром в Лошице (сегодня аэропорт Минск-1). Во второй половине дня с аэродрома Болбасово под Оршей в Минск передислоцировался и штаб дивизии[5].

Согласно отчёту о боевой деятельности ВВС Западного фронта с 22 июня 1941 г. по 1 января 1942 г., составленному 31 декабря 1941 г., «в результате действий германских диверсантов и польских белогвардейцев с 23:00 21.6.41 г. вся проволочная связь штаба военно-воздушных сил Западного особого военного округа со штабами дивизий и штабов дивизий со своими полками была прервана

---

[1] На земле Беларуси: канун и начало войны... С. 108.
[2] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 18406. Л. 84.
[3] Накануне. Западный особый военный округ... С. 531.
[4] На земле Беларуси: канун и начало войны... С. 104.
[5] Захаров Г. Н. Повесть об истребителях. М., 1977. С. 45.

и каждый аэродром был предоставлен сам себе»[1]. Встревоженный отсутствием связи генерал И. И. Копец утром 22 июня лично поднялся в воздух на истребителе И-16, чтобы прояснить обстановку. Маршал Советского Союза К. А. Мерецков позднее вспоминал, что, будучи заместителем наркома обороны СССР, был поражён, когда в последнее предвоенное воскресенье, во время авиационных учений, на минском военном аэродроме в Лошице, использовавшемся также как гражданский, приземлился немецкий гражданский самолёт, экипаж которого мог наблюдать за происходящим. Несмотря на неоднократные ходатайства командования округа об изменении направления воздушной трассы Москва — Берлин, которая проходила через основные аэроузлы ЗапОВО, в том числе Белосток и Минск, самолёты немецкой компании «Люфтганза» вплоть до начала войны по распоряжению начальника Гражданской авиации СССР продолжали полёты, что вполне отвечало интересам германской разведки. К. А. Мерецков, возмутившись, спросил И. И. Копца, что будет, если начнётся война и авиация округа не сумеет выйти из-под удара противника, на что 34-летний генерал совершенно спокойно ответил: «Тогда буду стреляться»[2]. Он так и поступил. Увидев чудовищную картину разгрома на аэродромах 11-й и 9-й смешанных авиадивизий в районе Лида — Барановичи, особенно 9-й, в которой была сосредоточена пятая часть поступивших в округ новейших истребителей МиГ-3, командующий вернулся в Минск и около 9 часов утра 22 июня застрелился в своём кабинете[3]. Эту дату и время указывает, в частности, в своих воспоминаниях секретарь ЦК КП(б)Б Н. Е. Авхимович. Некоторые исследователи временем гибели генерала считают вторую половину того же дня[4]. Но есть и другие данные.

---

[1] ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 149690. Д. 2. Л. 2—12. Опубликовано: Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 35... Док. № 109.

[2] Мерецков К. А. На службе народу. М., 1983. С. 191.

[3] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 697. Л. 6.

[4] См. Медведь А. Лето 1941 года глазами советского авиационного командования // Авиапанорама. 2010. № 4. С. 45; Абросов С. В. Воздушная война в Испании. Хроника воздушных сражений 1936—1939 гг. М., 2008. С. 501.

В личном деле И. И. Копца, хранящемся в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации, днём его смерти названо 23 июля 1941 г. Справка того же архива, предоставленная Институту истории Национальной академии наук Беларуси, датой смерти указывает 23 июня[1]. Жене И. И. Копца о судьбе мужа сразу не сообщили. Вместе с сыном и дочерью она была отправлена 24 июня в Москву, и только там от друга семьи узнала горькую правду. Генерала похоронили на Военном кладбище Минска, однако после войны, при реконструкции территории, место, где находилась могила, оказалось за пределами кладбища и было застроено.

Следует отметить, что некоторые авторы опровергают факт утреннего полёта И. И. Копца к западной границе, связывая самоубийство генерала с неотвратимостью ареста. Действительно, накануне войны был репрессирован ряд представителей высшего командования советских Военно-Воздушных Сил, среди которых были и близкие товарищи И. И. Копца. А его заместителя генерал-майора авиации А. И. Таюрского, возглавившего после гибели своего начальника ВВС Западного фронта, расстреляли 23 февраля 1942 г.[2] с обвинением в «преступной бездеятельности в руководстве ВВС Западного фронта». Тем не менее трудно согласиться, что такой боевой лётчик, каким был И. И. Копец, Герой Советского Союза, прошедший Испанию, Финскую войну, свёл счёты с жизнью лишь из-за угрозы наказания. Думается, основной причиной было осознание им всей меры личной ответственности за столь неблагоприятное для авиации округа начало войны. Но в те первые часы никто ещё не мог предположить, что советское руководство не пожелает признать собственных очевидных просчётов в подготовке приграничных округов к отражению агрессии и несправедливо возложит всю вину за июньскую катастрофу в Беларуси на командование Западного фронта.

---

[1] Текущий архив Института истории НАНБ. Входящий № 352/02-01-48 от 18 февраля 2008 г.

[2] Зимняя война: работа над ошибками. Материалы комиссий Главного военного совета Красной Армии по обобщению опыта финской кампании. М., 2004. С. 485.

30 июня 1941 г. Д. Г. Павлов был снят с должности. С 1 июля по решению Ставки Главного Командования новым командующим Западным фронтом стал С. К. Тимошенко. 16 июля Государственный Комитет Обороны принял постановление об аресте и предании суду военного трибунала Д. Г. Павлова (хотя он был арестован ещё 3 июля), бывшего начальника штаба фронта генерал-майора В. Е. Климовских и других высокопоставленных военнослужащих. Постановление беспощадно констатировало, что «отдельные командиры и рядовые бойцы проявляют неустойчивость, паникёрство, позорную трусость, бросают оружие и, забывая свой долг перед Родиной, грубо нарушают присягу, превращаются в стадо баранов, в панике бегущих от обнаглевшего противника»[1]. Обвинительное заключение отметило признание Д. Г. Павлова в том, что он «в заговорщических целях не готовил к военным действиям вверенный ему командный состав, ослабляя мобилизационную готовность войск округа, и из жажды мести за разгром заговора открыл фронт врагу». 22 июля 1941 г. состоялось закрытое заседание Военной коллегии Верховного суда по делу Д. Г. Павлова, В. Е. Климовских, бывшего начальника войск связи Западного фронта генерал-майора А. Т. Григорьева, бывшего командующего 4-й армией А. А. Коробкова, на котором все обвиняемые были приговорены к расстрелу с конфискацией имущества. Приговор был окончательный и обжалованию не подлежал, его привели в исполнение в тот же день. Через 16 лет это уголовное дело пересмотрели. Решением Военной коллегии Верховного суда СССР от 31 июля 1957 г. приговор был отменён в связи с открывшимися обстоятельствами, и дело было прекращено за отсутствием состава преступления. Все обвиняемые реабилитированы посмертно. Таким образом, они честно выполняли свой воинский долг, но в силу целого ряда обстоятельств субъективного характера, неблагоприятного для советской стороны развития фронтовых событий, их войска потерпели поражение. Не

---

[1] Цит. по: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. В 2 кн. Кн. 1. М., 2000. С. 332—334.

случайно на первых допросах Д. Г. Павлов изменником себя не признавал, остаётся лишь догадываться, какими методами у него всё-таки было вырвано роковое «признание» в предательстве.

Арест и расстрел командования фронта породили в военной и гражданской среде всевозможные, часто нелепые слухи, а неудачи первых дней и недель войны — своеобразную интерпретацию событий, что способствовало дестабилизации и без того сложной ситуации и было расценено спецслужбами как активизация антисоветских настроений в обществе. Так, спецсообщение НКГБ БССР в ЦК КП(б)Б от 27 июля 1941 г. зафиксировало высказывание белорусского писателя П. У. Бровки о том, что, по слухам, «Тимошенко застрелил Павлова», а относительно начала войны: «Я думал, что граница в полной боевой готовности, оказывается там все спали»[1]. Сотрудник 1-го (разведывательного) отдела НКГБ БССР Хохлов в середине июля 1941 г. услышал из уст одного из командиров, что «Тимошенко перешёл на сторону Германии»[2]. В одном из перлюстрированных писем советского военнослужащего, которое прошло через Гомельский пункт политического контроля в августе 1941 г., утверждалось, что «Павлов продал немцам все планы дислокации и мобилизации, которые касались ЗапОВО»[3].

Но вернёмся к Минску. Уже ранним утром первого дня войны вблизи столицы были отмечены факты диверсионной деятельности противника. Около 6 часов утра в штаб округа поступило сообщение от военного коменданта Минска подполковника Ф. М. Багреева — был обстрелян из автоматов караул гарнизонного склада, находившегося в 5 км от города, при этом один часовой был убит, другой ранен. Когда на место происшествия прибыл Ф. М. Багреев, его вместе с сопровождающими также обстреляли со стороны поля, заросшего кустарником. Ответный пулемётный огонь не дал результатов, диверсантам удалось скрыться[4].

[1] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 29. Д. 2. Л. 167—168.
[2] Там же. Оп. 33а. Д. 64. Л. 58.
[3] Там же. Оп. 29. Д. 2. Л. 12.
[4] БГМИВОВ. Н/В-7989.

В половине шестого утра в здании ЦК партии по улице Красноармейской (на его месте в настоящее время стоит здание ЦК БРСМ) собрались вызванные с пригородных дач секретари и члены Бюро ЦК КП(б)Б. П. К. Пономаренко сообщил им о нападении Германии, предложил срочно продумать первоочередные меры на случай введения мобилизационного плана и в 9 часов утра собраться вновь. В это же время в Москве прибывший в Кремль посол Германии граф Ф. фон Шуленбург передал официальное заявление о вступлении своей страны в войну с Советским Союзом.

В отсутствие постоянной связи штаба фронта с приграничными армиями структуры гражданской власти оказались практически главным источником и аккумулятором информации с мест. В кабинете П. К. Пономаренко у телефонов и аппарата высокочастотной связи было установлено круглосуточное дежурство поочерёдно всех 13 секретарей ЦК. Рядом с дежурным постоянно находился представитель командующего фронтом, который немедленно передавал все полученные сведения оперативному дежурному на командный пункт фронта. Однако и сведения, получаемые от обкомов и райкомов партии, были отрывочными, многие приграничные районы вообще не смогли выйти на связь, из других поступали тревожные известия о бомбардировках, появлении немецких танков и воздушных десантов. Партийные органы требовали оружие для раздачи коммунистам, на что в штабе фронта отвечали: в районы, подвергающиеся опасности, будут высланы войска, а приказ о выдаче партийным организациям оружия уже отдан. К концу дня общая и правительственная телефонная связь с Белостокской, Брестской и Минской областями была окончательно прервана[1]. О потере связи с Минской областью упомянуто в одном из документов Совнаркома БССР, но, возможно, имелись в виду только западные районы Минской области либо Пинская область.

В 6 часов утра заместитель командующего ЗапОВО — начальник Минского военного гарнизона генерал-

[1] БГМИВОВ. КП-34535.

лейтенант И. В. Болдин поднял по боевой тревоге дислоцировавшуюся в Уручье 100-ю стрелковую дивизию. Личному составу было приказано получить боевые патроны, гранаты, снаряды, выйти в районы сосредоточения, оборудованные в ближайших к Уручью лесах, и быть готовым к выполнению боевой задачи[1]. К 9:00 все части дивизии были выведены в районы сосредоточения[2]. В соответствии с планом обороны государственной границы в полосе действий ЗапОВО (Западного фронта), дивизия входила в состав Брестского района прикрытия № 4 (т. е. 4-й армии), куда должна была быть отправлена по железной дороге и автотранспортом, начиная с утра второго дня войны. Однако стремительно развивавшиеся события не позволили воплотить этот план в жизнь, в результате чего одна из самых боеспособных дивизий Красной Армии, получившая боевую закалку в ходе советско-финляндской войны, осталась под Минском, где ей суждено было сыграть важную роль в обороне столицы.

Около 7 часов утра в кабинете П. К. Пономаренко раздался телефонный звонок — на проводе был И. В. Сталин. Заявив, что сведения, полученные от командующего фронтом, его не удовлетворяют, он потребовал от руководителя Беларуси лично разобраться в обстановке, не поддаваясь при этом панике, а для лучшей ориентации постоянно находиться в штабе фронта[3]. П. К. Пономаренко вновь направился в штаб, где в дальнейшем находился практически постоянно, но там ситуация по-прежнему не прояснилась: проводная связь была повреждена в результате бомбардировок или диверсантами, по разным причинам бездействовала и радиосвязь.

Военный комендант Минска Ф. М. Багреев, проезжая ранним утром по городу, с горечью наблюдал из окна своей машины «весёлую, шумливую... спортивную молодёжь и других граждан. Шла уже война, а гражданское население в большинстве об этом не знало, но военных в городе нигде не видно было. Военные машины везде

---

[1] Дневник боевых действий 100-й стрелковой дивизии с 22 по 30 июня 1941 г. БГМИВОВ. КП-30064.

[2] Руссиянов И. Н. В боях рождённая. М., 1982. С. 21.

[3] АИИ НАНБ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 7а. Л. 12.

пропускались беспрепятственно. Работники милиции уже несли службу по военному времени»[1]. Люди даже не подозревали, что, как позже образно напишет Константин Симонов, война уже разделила их всех на живых и мёртвых.

С таким же тяжёлым чувством вышел утром на залитые солнцем минские улицы собственный корреспондент газеты «Правда» по Беларуси П. А. Лидов. В 9 часов в номер гостиницы «Беларусь», где он жил с семьёй, приехавшей на лето из Москвы, позвонил секретарь редакции «Правды» Л. Ф. Ильичёв и тревожным голосом поинтересовался новостями в Минске. П. А. Лидов ответил, что новостей особых нет, а сам он собирается на открытие озера. В ответ услышал распоряжение постоянно находиться на связи, поскольку скоро, возможно, придётся выехать на место недавней командировки. П. А. Лидов сразу понял, что речь идёт о Бресте, где, очевидно, что-то случилось, и заторопился за информацией в ЦК партии.

П. К. Пономаренко, в кабинете которого находился нарком внутренних дел БССР Л. Ф. Цанава, встретил журналиста следующими словами: «Явился? Нюхом учуял? Война уже идёт. Дерутся на нашей территории. Немцы взяли Брест, перешли границу в районе Цехановца и Друсгеник (Друскининкай, Литва. — *И. В.*). Бомбили Белосток, самолёты прорываются к Барановичам»[2]. Однако на просьбу дать интервью, подобное тому, какое руководитель Беларуси дал в своё время в первый день военного похода в Западную Беларусь, П. К. Пономаренко ответил отказом, заявив, что давать интервью ещё рано.

В 9:30 состоялось заседание Бюро ЦК (некоторые мемуарные источники называют другое время: 9:00 и даже 8:00, в данном случае приводится время, указанное в дневнике ЦК КП(б)Б первых дней войны)[3]. Главным являлся вопрос «О нападении Германии на СССР». В качестве первоочередных задач были определены: немед-

---

[1] БГМИВОВ. Н/В-7989.

[2] Тетрадь Петра Лидова // Правдист [Орган партийного бюро, комсомольской организации и месткома редакции газеты «Правда»]. 1947. 5 мая.

[3] НАРБ. Ф. 4 п. Оп. 21. Д. 2321. Л. 81.

ленный перевод работы партийных организаций «на военные рельсы»; установление связи с воинскими частями; введение угрожаемого положения в городах и районах БССР, организация боевой службы ПВО; усиление охраны промышленных предприятий, узлов транспорта, складов, средств связи силами групп по борьбе с авиадесантами, вооружёнными коммунистами, рабочими и колхозниками; оказание помощи в работе военкоматам. Всем обкомам, горкомам и райкомам КП(б)Б надлежало обеспечить немедленное окончание строительства защитных щелей, газоубежищ, оборудование госпиталей. Первый секретарь Минского обкома партии А. И. Колышкин и председатель Мингорисполкома К. И. Бударин должны были «обеспечить по городу все мероприятия в связи с начавшейся войной и немедленно закончить оборудование всех подвальных помещений под бомбо- и газоубежища»[1].

Неблагополучное состояние ПВО столицы и республики в целом вызвало особую тревогу властей. Постановлением СНК СССР «Об организации противовоздушной обороны» от 25 января 1941 г. была определена так называемая угрожаемая территория возможного воздушного нападения из расчёта 1200 км вглубь от западной границы, которая подразделялась на зоны, районы и пункты ПВО[2]. Но накануне войны города-пункты ПВО на территории Белорусской ССР, к которым были причислены крупнейшие промышленные центры и железнодорожные узлы, практически не были подготовлены к противовоздушной обороне, несмотря на регулярно проводимые учения Местной противовоздушной обороны (МПВО). В ходе проверки состояния МПВО в 14 городах-пунктах ПВО (Минск, областные центры Белосток, Барановичи, Брест, Могилёв, Гомель, Витебск, города Гродно, Лида, Волковыск, Орша, Полоцк, Бобруйск, Молодечно), проведённой НКВД СССР весной 1941 г., были выявлены шокирующие факты неготовности МПВО большинства этих городов к «задачам подготовки

[1] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 3. Д. 1214. Л. 2—13.
[2] На земле Беларуси: канун и начало войны... С. 111.

их к возможному нападению с воздуха». Из общего количества населения упомянутых выше городов-пунктов ПВО, составлявшего 1 млн 195 тыс. человек, убежищами, причём далеко не совершенными, были обеспечены только 18 300 человек. Даже столица республики не имела ни одного убежища первой категории защиты.

Строительство так называемых спецобъектов № 1 и № 2 — командных пунктов ПВО с убежищами первой категории в Минске и Белостоке (последний считался наиболее вероятным объектом воздушной атаки), утверждённое постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 января 1941 г., недопустимо затянулось. Они должны были войти в строй к 15 ноября 1941 г., однако до середины апреля 1941 г. в Минске строительство ещё не было развёрнуто, а в Белостоке только проводились геологические и гидрологические изыскания для начала работ.

Командный пункт ПВО в Минске предполагалось разместить в новом здании ЦК КП(б)Б (в настоящее время здание Администрации Президента Республики Беларусь), возведение которого началось Стройконторой НКВД БССР неподалёку от старого, на перекрёстке улиц К. Маркса и Красноармейской, согласно постановлению СНК БССР и ЦК КП(б)Б от 17 февраля 1941 г. Поскольку здание должно было иметь также подземные уровни, проектное задание выполнил московский институт «Метропроект». Однако строительство тормозилось отсутствием инженеров и проходчиков, имевших опыт подземных работ. Так, к началу апреля 1941 г. из Метростроя прибыл только один специалист. Созданные же в Минске курсы рабочих-подземщиков не давали ощутимого эффекта.

К началу войны не было полностью организовано затемнение городов-пунктов ПВО, отсутствовало централизованное выключение уличного освещения. Население не было обучено правилам поведения во время воздушной опасности, крайне несовершенной была система оповещения. Не имели никакой защиты такие жизненно важные городские объекты, как телефонно-телеграфные станции. Не были подготовлены к защите с воздуха большинство промышленных предприятий и железнодорожных стан-

ций — они имели плохую светомаскировку и не могли обеспечить укрытие людей. Противопожарные мероприятия были способны ликвидировать пожары только в условиях мирного времени. Города не имели достаточного количества воды для тушения массовых пожаров, что могло негативно сказаться даже при наличии достаточных технических средств. Плохо были разработаны оперативные планы МПВО городов. Штабы МПВО не имели практических навыков управления своими силами и средствами в условиях воздушного нападения. Слабой подготовкой и дисциплиной отличались участковые команды МПВО, состоявшие из часто менявшегося приписного состава военнообязанных; особо неблагополучно с подготовкой команд обстояло дело в Минске. Плохо в этом направлении работали общественные организации, обязанные готовить группы самозащиты — Осоавиахим и общество Красного Креста.

11 апреля 1941 г. по итогам проверки городов-пунктов ПВО была составлена докладная записка за подписью заместителя наркома внутренних дел СССР комиссара госбезопасности 3-го ранга Круглова, в которой виновниками такого положения названы начальники МПВО городов (председатели горисполкомов), а также городские и районные комитеты партии. Характерна резолюция на этом документе П. К. Пономаренко: «...Многое безусловно правильно... Надо послушать на ЦК и двинуть по-серьёзному дело. В[оенный] о[тдел] ЦК здесь тоже спит, а это основная работа...»[1]

Следует отметить, что одним из первых «двинул» дело руководитель БССР, инженер по специальности. 25 апреля 1941 г. П. К. Пономаренко обратился к И. В. Сталину и В. М. Молотову с письмом «Об одной возможности быстрого и дешёвого строительства бомбоубежищ, по качествам равных 1-й категории». Предполагалось, что таковыми могут быть подземные галереи, оборудованные в естественных возвышенностях шахтным методом, с верхним слоем земли свыше 20 м, закреплённые деревянными прямоугольными клетями[2].

---

[1] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 3. Д. 1177. Л. 29, 78—81.

[2] Там же. Оп. 21. Д. 2336. Л. 60—61.

Постановлением ЦК КП(б)Б «О строительстве подземных убежищ» от 29 апреля 1941 г. было решено построить в Минске до 15 августа 1941 г. таких убежищ на 15 тыс. человек, в Белостоке — на 5 тыс.[1] В столице республики шесть убежищ планировались возле стадиона «Динамо», в парке им. М. Горького, в районе Фабрики-кухни на улице Мясникова и тюрьмы по улице Володарского, в карьере возле кондитерской фабрики «Коммунарка» и швейной фабрики им. Н. К. Крупской, в районе рынка на Юбилейной площади и в сквере на улице Кирова[2].

Не лучше обстояли дела с убежищами второй категории, которыми должны были служить подвалы зданий. Лишь 6 мая 1941 г. ЦК КП(б)Б принял постановление «О мероприятиях по улучшению противовоздушной обороны в БССР», которым предписывалось, в частности, Мингорисполкому к 1 июня 1941 г. обязать советские, хозяйственные, кооперативные и торговые организации освободить все подвальные помещения, пригодные для приспособления под убежища второй категории. К 1 октября 1941 г. следовало приспособить под такие убежища без фильтровентиляционных установок все пригодные подвалы, причём силами и средствами владельцев и арендаторов. До 1 ноября 1941 г. предполагалось дополнительно построить убежища второй категории на 15 тыс. человек, используя подвалы существующих и строившихся зданий.

Нетрудно подсчитать, что абсолютное большинство тогда почти 300-тысячного населения Минска не могло рассчитывать на удовлетворительный уровень защиты. Для жителей столицы предназначались укрытия полевого типа в парках, скверах, огородах и на пустырях. К 1 июля 1941 г. Управлению МПВО НКВД БССР и Мингорисполкому было поручено «провести подготовительные мероприятия, обеспечивающие строительство с трудовым участием населения в военное время». К этой же дате, в соответствии с постановлением СНК БССР от 10 мая 1941 г.,

[1] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 21. Д. 2321. Л. 78.

[2] Государственный архив общественных объединений Гродненской области. Ф. 6196. Оп. 1. Д. 473. Л. 1—3.

следовало закончить распиловку и поставку стройконторам Минска и Белостока 22,5 тыс. кубометров хвойного пиловочника для строительства укрытий. Вначале предполагалось, что материал будут поставлять два предприятия, однако практически сразу выявилась нереальность такого плана и к делу были подключены 11 предприятий, в том числе заводы в Гайновке и Беловеже, работавшие с древесиной из Беловежской пущи. Для поддержания заданных темпов рабочей силы этих предприятий было недостаточно, поэтому 23 мая 1941 г. заместитель наркома лесной промышленности БССР В. В. Казачёк-Савончик обратился к секретарю ЦК КП(б)Б Н. И. Прохорову с ходатайством о привлечении на предприятия дополнительной рабочей силы в целях организации третьей смены[1].

Значительные недостатки в организации МПВО, в том числе Минска, были выявлены также в ходе проведённых на территории Беларуси 21—23 апреля 1941 г. учений по светомаскировке. Выступивший в Минском горкоме партии с сообщением по итогам учений начальник МПВО Минска Огарков отметил, что наряду с улучшением «светомаскировочной дисциплины предприятий, учреждений, трамвая и значительной части жилого сектора» имели место 235 случаев грубого нарушения правил светомаскировки. На эти факты Минский горком КП(б)Б отреагировал достаточно сурово. Так, строгий выговор получил директор Фабрики-кухни Коваленко, прокурору Минска Вербицкому было поручено привлечь к уголовной ответственности коменданта Дома Наркомлеса (так, в том числе в официальных документах, называлось здание на перекрёстке улиц Комсомольской и К. Маркса, где размещался Наркомат лесной промышленности, оно не сохранилось) Рубашкина. Примечательно, что в списке нарушителей оказались военные структуры самого высокого ранга: штаб ЗапОВО в главном корпусе Университетского городка, здание штаба ВВС округа на Советской, отделы штаба округа на улицах Кирова и Красноармейской, воинская часть на улице Ворошилова, театр Дома Красной Армии, военный городок

[1] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 18405. Л. 89.

в Козырево, здание НКВД на перекрёстке улиц Советской и Урицкого, гараж НКВД на улице Урицкого, Управление шоссейных дорог НКВД на перекрёстке Советской и Свердлова, помещения 226-го конвойного полка НКВД на улице Дзержинского и др. Огаркову было предложено ускорить установку централизованного управления светомаскировкой столицы по уже разработанному к тому времени проекту. Минскому горкому комсомола дали задание закрепить комсомольские и пионерские организации за улицами и кварталами «для проведения массово-разъяснительной работы и проверки подготовки к светомаскировке жилого сектора»[1].

Постановлением ЦК КП(б)Б от 6 мая 1941 г. Управлению МПВО НКВД БССР было поручено к 10 мая 1941 г. разработать и внести на утверждение СНК БССР положение о светомаскировке территории БССР; Мингорисполкому, уполномоченному наркомата связи СССР по БССР и Управлению МПВО НКВД БССР — к 1 июня 1941 г. ввести в действие в Минске централизованное управление светомаскировкой уличного освещения и оповещения. Мингорисполком, Белостокский горисполком и Управление МПВО обязали предусмотреть размещение дублирующих узлов междугородной связи на спецобъектах № 1 в Минске и № 2 в Белостоке. Наркомхозу БССР, Управлению противопожарной охраны и Управлению МПВО к 1 июля 1941 г. следовало разработать меры по обеспечению водоснабжения и противопожарных мероприятий Минска и Белостока в военное время и представить их на рассмотрение в ЦК КП(б)Б[2].

Как видим, все эти мероприятия были намечены слишком поздно, о чём говорят предполагаемые даты их завершения, поэтому к началу войны практически ничего сделать не успели. Причины следует искать не только в безусловно имевших место неповоротливости и несогласованности действий различных ведомств, часто низком качестве строительных работ, но и в самоуверенной, «шапкозакидательской» концепции победо-

---

[1] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 18405. Л. 104—105.

[2] Там же. Оп. 21. Д. 2321. Л. 81—81об.

носной войны на территории противника, результатом которой явилась неготовность многих структур к оборонительным, защитным действиям. Все просчёты, в частности в организации МПВО, абсолютно чётко проявились в первый же день войны. Так, по воспоминаниям очевидцев, к вечеру этого дня в некоторых минских дворах уже начали копать укрытия, однако никто толком не знал, как это нужно делать и какими они должны быть. Созданная 22 июня городская комиссия МПВО Минска не имела плана противовоздушной обороны города. Не оказалось его и в городской военной комендатуре, и, судя по некоторым данным, в штабе Западного фронта. Об этом пишет в своих воспоминаниях бывший военный комендант Минска Ф. М. Багреев. Вечером 22 июня ему позвонил вновь назначенный начальник военного гарнизона города генерал-майор И. Н. Хабаров с требованием выдать план МПВО Минска для доклада Совнаркому БССР, однако в комендатуре таковым не располагали[1].

В течение 22—23 июня были предприняты лихорадочные меры по оборудованию убежищ для населения столицы. Трест «Минлеспром» организовал оперативную доставку в Минск 1500 м^3 строительного леса из Узденского, Логойского, Слуцкого, Пуховичского, Ивановского и Борисовского мехпунктов, однако в связи с начавшейся 24 июня бомбардировкой использовать его по назначению не успели[2].

В таком же положении оказались мобилизованные в первый день войны на строительство убежищ бригады рабочих и инженерно-технических специалистов. Одна из таких бригад, сформированная из строителей авиазавода, успела лишь наскоро оборудовать убежище для руководства республики в подвале Дома физкультуры и спорта общества «Темп» по улице Интернациональной[3].

В 10 часов утра председатель Совнаркома БССР И. С. Былинский обсудил со своими заместителями во-

---

[1] БГМИВОВ. Н/В-7989.
[2] Там же. КП-34535.
[3] Бачило Ф. А. Остаюсь жить. Минск, 1981. С. 7.

просы о перераспределении их обязанностей и подготовке к возможному введению в действие мобилизационного плана[1].

За несколько минут до полудня, когда по радио должно было прозвучать выступление заместителя председателя Совнаркома СССР, наркома иностранных дел В. М. Молотова с официальным заявлением о начале войны, П. К. Пономаренко был вновь вызван к телефону И. В. Сталиным, затребовавшим информацию о проводимых мероприятиях. Отметив положительные качества, «безусловную честность и боевую энергию» Д. Г. Павлова, руководитель БССР, тем не менее, заявил, что командующий «в связи с утерей связи... практически потерял возможность руководить войсками и проявляет некоторую растерянность...», поэтому просил «прислать одного из авторитетных маршалов, который бы внимательно изучил обстановку и продумал неотложные мероприятия». Просьба была выполнена: вечером того же дня в Минск прибыл заместитель наркома обороны Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников[2], однако о его конкретных действиях в столице сведений не сохранилось.

Выступление В. М. Молотова руководители республики слушали в кабинете П. К. Пономаренко. «Теперь, когда нападение на Советский Союз уже свершилось, — заявил зампредсовнаркома, — советским правительством дан нашим войскам приказ отбить разбойничье нападение и изгнать германские войска с территории нашей родины... Правительство Советского Союза выражает непоколебимую уверенность в том, что наши доблестные армия и флот и смелые соколы советской авиации с честью выполнят долг перед родиной, перед советским народом, и нанесут сокрушительный удар агрессору...»[3]

Телефонный звонок И. В. Сталина, выступление В. М. Молотова развеяли последнюю надежду, что дело ограничится локальным пограничным конфликтом, однако не лишили руководство БССР уверенности, что дальнейшие события будут развиваться в полном соот-

[1] НАРБ. Ф. 48. Оп. 9. Д. 2. Л. 60—87.
[2] АИИ НАНБ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 7а. Л. 15.
[3] Цит. по: Известия. 1941. 24 июня.

ветствии с планами войны «малой кровью на чужой территории». Иначе П. К. Пономаренко не отверг бы предложение секретаря ЦК КП(б)Б Г. Б. Эйдинова об отмене назначенного на 3 июля Пленума ЦК, а секретарь ЦК В. Г. Ванеев не предложил бы дать телеграммы в обкомы об увеличении плана поставок мяса в четыре раза. Похоже, ближе всех к реальности оказался в тот момент нарком госбезопасности БССР Л. Ф. Цанава, который заявил, что «надо разгрузить тюрьму». Правда, и П. К. Пономаренко высказал намерение поручить специалистам подумать о защите плотины нового озера, поскольку попадание в неё бомбы могло создать Минску серьёзную угрозу наводнения[1].

Во второй половине дня Бюро ЦК КП(б)Б приняло ряд постановлений, в основном партийно-политического характера, вытекавших из содержания речи В. М. Молотова. Например, обязать все партийные, советские, профсоюзные и комсомольские органы «широко популяризовать речь тов. Молотова в народе, мобилизуя весь белорусский народ на борьбу и разгром немецкого фашизма», а также принять меры «к организованному переводу промышленности и транспорта на нужды Красной Армии»; созвать в Минске и областных центрах партийные активы «для мобилизации партийных организаций на разрешение задач, вытекающих из военной обстановки»; провести массовые антивоенные митинги на всех предприятиях, в колхозах, совхозах, учреждениях. Редакциям газет «Советская Белоруссия» и «Звязда» было поручено опубликовать речь В. М. Молотова, передовую статью и другие материалы, по указанию отдела пропаганды ЦК КП(б)Б, с призывом к Отечественной войне против немецких фашистов. Упомянутому отделу пропаганды надлежало также к 24:00 обеспечить выпуск в типографии Белорусского государственного издательства листовок, плакатов и лозунгов, обращённых к населению БССР и солдатам немецкой армии, с текстом Политуправления фронта и ЦК КП(б)Б. Тревога в отношении отсутствия связи с Брестским и Белостокским обкомами КП(б)Б обусловила решение «пе-

[1] Тетрадь Петра Лидова...

редать Брестскому и Белостокскому обкомам директиву ЦК об отправке учётных партийных документов районных парторганизаций в ЦК КП(б)Б»[1].

Однако, как уже не раз упоминалось, в Минске не было достоверной информации о положении на фронте. В военной газете округа «Красноармейская правда» на тот момент имелись лишь сведения о том, как была воспринята в частях речь В. М. Молотова, и что «пограничники, как львы, дрались на улицах Бреста»[2].

Что касается печатных пропагандистских материалов, в Национальном архиве Республики Беларусь удалось обнаружить только листовку «Выступление по радио Заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров и Народного Комиссара Иностранных Дел тов. В. М. Молотова 22 июня 1941 года»[3]. Другие наименования листовок, плакатов и лозунгов, выпущенных в Минске 22—23 июня, ни в НАРБ, ни в Российском государственном архиве социально-политической истории не выявлены. Они или не были напечатаны, или были уничтожены по причине катастрофически быстрого развития событий в последующие дни, когда стало очевидным, что содержание этих материалов не отвечает действительности.

Несоответствующим реальности в связи с отсутствием точной, объективной информации было и решение об отправке в Минск партийных документов из Бреста, поскольку к этому моменту Брест уже был захвачен противником, основная часть работников областного, городского и районного комитетов партии покинула город, не успев уничтожить партийные учётные документы[4]. Что касается документов Белостокского обкома, горкома и трёх городских райкомов партии, их успели доставить в Минск в первой половине дня 24 июня, а затем вывезли в Могилёв вместе с архивом ЦК КП(б)Б.

После того как по радио прозвучало выступление В. М. Молотова, были проведены подготовительные ме-

---

[1] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 3. Д. 1214. Л. 2—13.

[2] Тетрадь Петра Лидова...

[3] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 105. Л. 25.

[4] Там же. Оп. 29. Д. 3. Л. 54—59.

роприятия по введению в действие с 23 июня мобилизационного плана. Так, военкоматы вызвали повестками многих командиров запаса и развернули дополнительные пункты по мобилизации военнообязанных. По тревоге подняли руководителей структур Осоавиахима, где накануне предстоящей мобилизации в ряде случаев произошли кадровые изменения за счёт женского состава. К примеру, командир-инструктор городского и районных советов Осоавиахима М. У. Анушко получила в военном отделе горкома партии назначение председателем городского Совета вместо занимавшего этот пост Стариковича, уходившего в армию[1]. Председатели первичных организаций Осоавиахима собрали командиров звеньев, те — своих бойцов. Было ревизовано имущество пожарных и химических звеньев, комсомольцы-осоавиахимовцы начали разъяснительную работу среди населения. В частности, в средней школе № 47 (это здание на перекрёстке улиц Свердлова и К. Маркса сохранилось в перестроенном виде, в настоящее время в нём находится корпус Белорусского государственного экономического университета) встала на «боевую вахту» осоавиахимовская первичная организация под началом учительницы Н. Л. Правильщиковой, командирами звеньев являлись учащиеся Дубинина, Голубович, Гинзбург и другие, к работе подключились также выпускники, ожидавшие призыва в армию[2]. В школе началась подготовка к возможному размещению военного госпиталя. По воспоминаниям бывшего ученика школы А. Лисовского, только теперь школьникам стало понятно предназначение некоторых помещений: хотя вся эта так называемая «сталинская» школа была новой и хорошо оборудованной, в ней было несколько классов, окрашенных не обычной, а масляной краской, выделявшихся более широкими дверями, а также дополнительными электроразводками. До войны детям объясняли, что эти классы предназначены для лучших учеников[3].

[1] БГМИВОВ. КП-47529.
[2] Звязда. 1941. 23 чэрв.
[3] Лісоўскі А. Я быў членам Асаавіяхіма // Звязда. 2004. 11 сакав.

В то время как в столице, в пока ещё спокойной обстановке, проводились предварительные мероприятия мобилизационного характера, положение в приграничных районах, в частности на Белостокско-Минском направлении, становилось всё более тревожным. Из штаба 10-й армии было получено донесение, что по состоянию на 14:40 противник продолжает наступление по всему фронту армии, а к 13:30 его пехотные части уже заняли районные центры Граево и Цехановец Белостокской области, Семятичи Брестской области и другие населённые пункты; немецкие танки рвутся к райцентру Ломжа, который подвергается бомбардировкам волнами, как и областной центр Белосток, райцентры Бельск Белостокской области и Высокое Брестской области[1].

Абсолютное большинство рядовых жителей Минска узнало о начале войны только в 12 часов из радиовыступления В. М. Молотова. Многих эта весть застала на торжественном открытии озера. Кто-то услышал её на дневном спектакле в театре, в читальном зале библиотеки, во время воскресных хлопот по дому...

«В день, когда началась война, мы были в цирке... Вышли: на улице... все говорят: Война. Мы: Ура! Дети...» — так запомнилась первая реакция сверстников минчанке З. Шиманской[2].

Точно передаёт в своих воспоминаниях психологическую неготовность людей к стремительному переходу от мира к войне М. Г. Виноградова, в ту пору одиннадцатилетняя школьница: «Я услышала из открытого окна радиовыступление Молотова. Закричала: Мама, война началась, нужно что-то делать! А мать продолжает шить платье, как будто не слышит, а как окончила работу, повесила её на стул и тогда уж спохватилась...»[3]

---

[1] ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 3038. Д. 15. Л. 17. Опубликовано: Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 35... Док. № 143.

[2] Шиманская З. И поцеловала в учебнике все портреты... // С. А. Алексиевич. У войны не женское лицо. Последние свидетели. М., 1998. С. 302.

[3] Клімковіч І. Як ад роднай галінкі лісток адарваны... або Акупіраванае дзяцінства // Маладосць. 2004. № 6. С. 110. Перевод с бел. И. Ю. Воронковой.

Вторит ей В. Ф. Исаенко: «В то время мне было 13 лет. 22 июня я хотел пойти на торжественное открытие Комсомольского озера. И тут по радио объявили, что ожидается выступление Молотова... Выступление произвело на меня большое впечатление... Я вышел на крыльцо и крикнул женщинам, которые стирали бельё: "Война началась!" Но они подумали, что это обычные мальчишеские игры. Не знали, что через два дня будут бежать из Минска, бросив и квартиры, и вещи...»[1]

В. И. Ваньшина, которой в 1941 г. тоже было 13 лет, вспоминает: «Мы ведь не думали, что это так серьёзно. Ведь до этого была финская война, освобождение Западной Беларуси... А бабушка тогда сказала: "Нет, детки мои, это не такая война будет"»[2].

Как раз в полдень при полном зале начался утренний спектакль МХАТа «Школа злословия» по пьесе Р. Шеридана. Занятые в нём артисты и зрители услышали ошеломляющую новость о начале войны в антракте, когда на сцену поднялся кто-то из военных. Почти сразу, одну за другой, объявили воздушную тревогу, но налётов не последовало, поэтому лишь немногие покинули зал и спектакль доиграли до конца.

А вот утренний шефский спектакль одесситов «В степях Украины» для воинов минского гарнизона не состоялся. Артисты, занятые в нём, гадали о причине полного отсутствия зрителей, предположения выдвигались разные — от внезапного отъезда в летние лагеря до манёвров. Конечно, они и представить не могли истинную причину, прозвучавшую как гром среди ясного неба.

Вечером, несмотря на получасовую задержку из-за объявленной воздушной тревоги и наполовину пустой зал, мхатовцы сыграли запланированный спектакль «На дне». Застигнутые чрезвычайными обстоятельствами вдали от родного дома, они, вполне естественно, были

---

[1] Клімковіч І. Указ. соч. С. 111. Перевод с бел. И. Ю. Воронковой.

[2] Минчанка Валентина Ваньшина: «Я до сих пор не понимаю, как мы всё это пережили» // Комсомольская правда в Белоруссии. 2010. 26 февр.

встревожены. Ещё днём пытались связаться с Москвой, чтобы успокоить близких, но на телеграфе было не протолкнуться, безуспешными оказались и попытки заказать телефонные переговоры из гостиницы.

В некоторых воспоминаниях можно встретить утверждение, что Минск подвергся бомбовому удару уже утром 22 июня. Это не соответствует действительности, людей просто подводит память. В течение первого дня войны немецкие самолёты несколько раз пытались прорваться к Минску, но были остановлены, на город не упала ни одна бомба, хотя воздушные тревоги уже объявлялись. Поэтому обстановка в столице оставалась достаточно спокойной, многие ещё не успели осознать серьёзности случившегося и по инерции продолжали заниматься ранее запланированными делами.

В 15:00 в Доме партийного актива Минского горкома партии по улице К. Маркса (здание не сохранилось) состоялось собрание партийного актива столицы, на котором с докладом о текущем моменте выступил П. К. Пономаренко. Секретарь ЦК Н. Е. Авхимович вспоминал: «Собрание было короткое. Активу была поставлена задача предотвращать панику, обеспечивать организованный перевод всей партийной и хозяйственной работы на военный лад. Ни о каком отступлении, тем более оставлении территории Минска, на этом активе речи не шло. Более того, речь шла о том, чтобы коммунисты, партийный актив боролись с проявлением фактов бегства, эвакуации семей, так как это внесёт деморализацию и будет использовано паникёрами»[1]. Однако затем, вероятно, не замечая некоторого противоречия в своих словах, автор воспоминаний сообщил, что «на совещании у секретаря ЦК тов. Ванеева В. Г. было решено поручить секретарю ЦК по транспорту тов. Туру И. П. и зав. транспортным отделом тов. Сарычеву М. И. подготовить эшелон на случай эвакуации семей работников ЦК КП(б)Б и правительства, но до особого указания эвакуацию семей не проводить, т. е. не давать дурного примера. Впоследствии этим эшелоном так и не воспользовались».

[1] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 697. Л. 5.

После собрания партактива во всех партийных и государственных структурах прошли совещания по вопросу введения в действие с 23 июня мобилизационного плана.

Во второй половине дня на крупнейших предприятиях и в учреждениях Минска были организованы антивоенные митинги, на которых звучали патриотические воззвания, вносились предложения о сверхурочной работе. На митинге станкостроительного завода им. С. М. Кирова один из старейших рабочих, контрольный мастер 2-го сборочного цеха Жилинский, сказал: «Правящая фашистская клика Германии, несмотря на договор о ненападении между СССР и Германией, который наше правительство выполняло добросовестно, послала сегодня против нас самолёты, танки, пушки, развязала с первой страной социализма войну. В сложившейся обстановке мы вынуждены огнём ответить на вероломство врага. Наш народ будет сражаться до полной победы над агрессором»[1]. После митинга заводчане вновь встали к станкам и, как писали газеты, «совершили производственные подвиги» — расточник Вислоухов выполнил план на 300 %, строгальщик Пекарский — на 280 %, токарь Шустер — на 190 %.

Во время митинга рабочих минского трамвая первым выступил технорук службы движения Борисов: «Каждый из нас на своём участке покажет образцы стахановского труда и героизма». «Раздавить подлую гадину — фашизм!» — призывали в своих выступлениях рабочие швейной фабрики «КИМ» Бравин, Дальман, Тунина и др. Люди, которых не один год уверяли, что в случае агрессии Красная Армия мощным ударом быстро отбросит и разгромит врага, не допускали и мысли о возможности отступления, не могли представить, что уже через пять дней услышат за своими окнами грохот немецких танков. На митинге 1600 рабочих и служащих обувной фабрики им. Л. М. Кагановича стахановец Подкорытов призвал увеличить темпы и повысить качество производства. Такие же призывы звучали из уст секретаря партбю-

[1] Звязда. 1941. 23 чэрв.; Советская Белоруссия. 1941. 23 июня.

ро щёточной фабрики Крутовича, стахановки Кондратюк с кожгалантерейной фабрики им. В. В. Куйбышева и многих других.

На митингах были приняты многочисленные воззвания и обращения представителей разных социальных слоёв и групп населения. Так, с обращением «Наш ответ подлому врагу» выступили рабочие-стахановцы Минского железнодорожного депо В. С. Жигалко, И. В. Логачёв, В. Ф. Неронский, Г. К. Сушинский и другие. «Всё для Родины!» — заявили от имени коллектива вагоноремонтного завода им. А. Ф. Мясникова директор завода Бондаренко, секретарь партбюро Лобач, рабочие-стахановцы Головня, Лукьянский, Илюхина, Камейко. Дружинницы Красного Креста Ворошиловского района Л. И. Малашевская, В. З. Квиткевич, В. З. Комкович, Н. Е. Сухая, М. Г. Колик и другие подписали письмо «Командующему войсками ЗапОВО», в котором объявляли о готовности служить в Красной Армии и просили направить их на фронт. «Наше место в боевых рядах,» — объявили также студентки Минской зубоврачебной школы А. Мицкевич, Н. Карпова, В. Федоренчик, С. Свентицкая. Письмо группы лётно-технического состава и курсантов Минского аэроклуба было озаглавлено «Тройным ударом ответим на вражеский удар!», его подписали Линкевич, Копытин, Тарасенко, Кондовина. «Фашизм будет уничтожен!» — так назвали своё обращение научные работники и врачи Минского государственного института физиатрии, ортопедии и неврологии: директор института академик Д. А. Марков, заслуженный деятель науки БССР профессор М. Н. Шапиро и др.[1]

Во время митинга на одном из предприятий секретарь парткома спросил у присутствовавшего собкора «Правды» П. А. Лидова: «...что можно говорить, а чего нельзя. Не будет ли чересчур, если он скажет о немцах вот так-то, а о Гитлере вот так-то...». Журналист уверенно ответил: «Всё можно. Чем крепче, тем лучше»[2]. В вопросе партработника не было ничего удивительного, ведь

[1] Звязда. 1941. 23 чэрв.; Советская Белоруссия. 1941. 23 июня.
[2] Тетрадь Петра Лидова...

ещё накануне минчан, как и других рядовых советских граждан, власти уверяли, что Германия является надёжным если не другом, то партнёром, свято соблюдающим договор о ненападении.

Но уже вечером 22 июня жители белорусской столицы воочию столкнулись с военной действительностью — на улицах появились первые беженцы. Вновь обратимся к воспоминаниям военного коменданта Ф. М. Багреева: «Около 17 часов... увидел скопление на площади (имеется в виду площадь Свободы, где в здании бывшего Святодухового монастыря размещалась военная комендатура. — *И. В.*) грузовых и легковых машин, а на них женщины, дети в исключительно паническом состоянии и жалком виде: кое-как одетые, грязные, у некоторых разорваны платья, у некоторых кровь на одежде, вещей почти ни у кого не было... Это были семьи военнослужащих из занятых немцами гарнизонов на территории Беларуси и Литвы, отправленные своими мужьями на служебных машинах подальше от места боёв. От них я узнал про исключительно ужасное, тяжёлое положение, создавшееся неожиданным нападением на части-городки, казармы и дома начсостава, они рассказали о создавшейся панике и последствиях неожиданного нападения. Они все ждали от меня помощи и возможности направиться дальше в глубь страны. Водители машин требовали бензин для возвращения в свои части и соединения»[1].

Пересыльный пункт для беженцев, в первую очередь из числа семей начсостава, был оборудован в бывших кавалерийских, так называемых Кошарских, казармах в конце улицы Красноармейской (не сохранились), где до войны размещались пересыльный пункт военной комендатуры и общежитие квартирной части. Штаб фронта выделил 1000 рублей для оказания помощи семьям, не имевшим денег, документов, продуктов и одежды. Комендант Минского железнодорожного узла И. Шмиголь получил приказ подготовить эшелоны для отправки беженцев, но в связи с начавшимися уже назавтра бомбардировками этого сделать не смог. Поскольку автомаши-

---

[1] БГМИВОВ. Н/В-7989.

ны, на которых беженцы прибыли в Минск, были отправлены назад в свои части (остаётся догадываться о дальнейшей судьбе водителей), большинство семей покидало Минск в основном пешком. Двигались они в направлении Могилёва и Орши.

Тем же вечером вместе с гражданскими беженцами в Минской комендатуре стали появляться военнослужащие различных частей, особенно строительных батальонов, и сотрудники милиции из приграничных районов, причём многие из них не имели оружия и документов. Они, как вспоминал Ф. М. Багреев, рассказывали «сплошные ужасы» и выдвигали «панические версии» о своём выходе из окружения. Помимо военных были и гражданские лица призывного возраста. После тщательной проверки всех их, а также военнослужащих, не имевших возможности вернуться в части из отпусков, комендатура направляла в Козырево, где в помещениях Минского пехотного училища были развёрнуты приёмный и питательный пункты. Затем их отправляли в Могилёв[1]. Примечательно, что комендант и после войны считал рассказы очевидцев о событиях в приграничье «паническими версиями», настолько тяжело было даже военным людям осознать и воспринять реальность происходившего.

Тут нельзя не сделать небольшого отступления. Второй раз на протяжении двух с лишним десятилетий Минск оказался на пути германских агрессоров, и его история фактически пошла по второму, гораздо более трагическому кругу. Что касается беженцев из прифронтовых районов, то город уже имел печальный опыт их приёма, а также подготовки госпиталей для прибывавших с фронта раненых в период Первой мировой войны. В конце 1914 г. между Виленским и Долгиновским трактами городские власти вынуждены были специально оборудовать Минское братское военное кладбище, где хоронили не только военнослужащих, но и умерших беженцев.

Вечером 22 июня П. А. Лидов написал и тут же передал по телефону в Москву свою первую военную корре-

---

[1] БГМИВОВ. Н/В-7989.

спонденцию из Минска. На следующий день она была опубликована в «Правде» вместе с материалами из других регионов СССР под общим заголовком «Огромный патриотический подъём». Описывая обстановку в Минске после выступления В. М. Молотова, журналист нисколько не преувеличил, заметив, что внешний облик города не изменился: «В полном спокойствии продолжалось движение по улицам... везде... полный порядок... Везде слышны разговоры об одном и том же: о вопиющем коварстве и подлости зарвавшейся правящей клики Германии, о любимой Красной Армии, на долю которой выпала историческая миссия раз и навсегда покончить с кровавым гитлеризмом... Люди немногословны, сдержаны и строги к себе». Заканчивалась статья оптимистично: «18 часов. Первый день подходит к концу. Полное спокойствие царит в белорусской столице. Народ начеку, уверен в себе, в своей правоте. Такой народ непобедим»[1].

В то самое время, когда П. А. Лидов набрасывал первое военное сообщение из Минска, где, по его словам, царило полное спокойствие, название белорусской столицы появилось в дневнике командующего немецким 2-м Воздушным флотом генерал-фельдмаршала А. Кессельринга: «Воздушная молниеносная война удалась, удалась полностью!.. Немецкий стальной танковый каток беспрепятственно движется на Минск»[2]. Наступавшая на левом фланге группы армий «Центр» 3-я танковая группа, захватив три моста через реку Неман в районах городов Алитус и Меркине в Литве, создала благоприятные условия для быстрого продвижения немецких войск. На правом фланге 2-я танковая группа, при поддержке 12-го армейского корпуса 4-й полевой армии, преодолев в первое утро войны реку Буг в районе Бреста, также продолжала рваться в глубь территории Беларуси. В результате уже к вечеру 22 июня возникла опасность окружения танковыми группами противника советских войск в Белостокском выступе. Но всё ещё находившаяся в плену довоенных планов и не имевшая точных данных о реальной об-

---

[1] Правда. 1941. 23 июня.

[2] Цит. по: Армия. 1997. № 3.

становке Ставка Главного Командования в Москве, а вслед за ней командование Западного фронта совершили трагическую по последствиям ошибку — вместо принятия мер по оперативному отводу войск они отдали приказы на организацию 23 июня контрударов силами механизированных корпусов на Гродненском и Брестско-Барановичском направлениях с целью уничтожить наступавшего противника и к 24 июня занять польские города Сувалки и Люблин. В сложившейся тяжелейшей ситуации эта попытка закончилась полной неудачей. Спустя годы бывший начальник Генерального штаба РККА, заместитель наркома обороны и член Ставки Г. К. Жуков напишет об этом так: «Ставя задачу на контрнаступление, Ставка Главного Командования не знала реальной обстановки, сложившейся к исходу 22 июня. Не знало обстановки и командование фронтов. В своём решении Главное Командование исходило не из анализа реальной обстановки и обоснованных расчётов, а из интуиции и стремления к активности без учёта возможностей войск, чего ни в коем случае нельзя делать в ответственные моменты вооружённой борьбы»[1]. Какое запоздалое прозрение человека, занимавшего столь высокие и ответственные посты в июне 1941 г.!

[1] Цит. по: Жуков Г. К. Указ. соч. С. 252.

Глава 3

23 ИЮНЯ

В ночь на 23 июня над Минском появилась немецкая авиаразведка, но ее отогнали зенитчики[1]. Этой же ночью диверсионные группы врага приблизились вплотную к столице — в лесных массивах, прилегавших к пригородам Заславль, Ратомка, Старое Село, ими были обстреляны военнослужащие 64-й стрелковой дивизии. Вначале командование решило, что имело место неосторожное обращение с оружием, и даже издало соответствующий приказ. Однако, когда днём красноармейцы и командиры начали попадать под обстрел уже на просёлочных дорогах, стало ясно, что действуют опытные диверсанты-снайперы. После этого в каждом стрелковом полку дивизии и в специальных частях были созданы группы противодействия в составе двух-трёх наиболее метких стрелков[2].

Действия диверсантов или их местных пособников были замечены в ночь на 23 июня и в самом Минске — они пускали сигнальные ракеты в районе площади Свободы, где располагались городская военная комендатура, областной и районный военкоматы[3].

Всю ночь в ЦК и Совнарком БССР продолжала поступать по телефону информация из областей и районов, с которыми ещё поддерживалась связь, о воздушных налётах и предпринимавшихся мерах по самообороне. В три часа утра вернувшийся из штаба фронта П. К. Пономаренко проинформировал секретарей ЦК о положении, известном к этому часу: немцы взяли Брест и продвигаются в направлении Барановичей. Одна их танковая колонна прорвалась в районе Цехановца, другая, форсировав Неман у Друскининкая, угрожала Гродно. Под Грод-

---

[1] БГМИВОВ. КП-34362.
[2] Там же. Н/В 9605.
[3] Там же. Н/В 7989.

но был направлен заместитель командующего фронтом И. В. Болдин для организации уничтожения этой группировки. П. К. Пономаренко познакомил собравшихся также с текстом выступления премьер-министра Великобритании У. Черчилля по радио Би-Би-Си вечером 22 июня, в котором прозвучали слова в поддержку Советского Союза.

Утром второго дня войны жизнь в Минске пошла уже по иным законам: были введены в действие подписанные 22 июня указы Президиума Верховного Совета СССР и СНК СССР об объявлении военного положения в местностях, находившихся под угрозой вторжения противника, и о мобилизации военнообязанных 1905—1918 годов рождения на территории 14 военных округов, за исключением Среднеазиатского, Забайкальского и Дальневосточного. На основании этих указов ЦК КП(б)Б принял постановления о полной перестройке работы всех отраслей экономики; первоочередном выполнении предприятиями военных заказов по производству боеприпасов, для чего соответствующие заводы обязаны были работать сверхурочно до трёх часов в смену и в воскресные дни; строгом контроле за беспрепятственным продвижением воинских эшелонов и грузов; быстром и организованном проведении мобилизации и др.

Наряду с крупными предприятиями изменили график работы и более мелкие. Даже пищевые артели системы Белкооппромсовета перешли на трёхсменную работу, чтобы увеличить выпуск своей продукции — газированной воды, мороженого и повидла[1].

В соответствии с мобилизационным планом предприятия, учреждения и организации начали передачу мобилизационных фондов воинским частям. Когда на следующий день остро встал вопрос об эвакуации населения Минска и власти отдали распоряжение руководителям передать весь имеющийся в наличии автотранспорт для этой цели, оно не могло быть выполнено, поскольку почти все автомашины накануне были направлены в Красную Армию.

[1] БГМИВОВ. КП-34535.

Структуры Наркомата здравоохранения БССР приступили к развёртыванию военных эвакогоспиталей и так называемых «оперативных коек» в гражданских больницах, для чего в 8 часов утра на места выехали руководящие работники Наркомздрава. Сверх плана и заявок от РККА были организованы дополнительные койки для раненых воинов и населения. На территории Минской области дополнительные койки подготовили в Ждановичах — 580, в Красном Урочище — 200 и других местах[1].

Вслед за медиками последовали бригады торговых работников с целью учёта продовольственных ресурсов и организации торговли в условиях военного времени. Неизвестно при этом, планировались маршруты таких командировок в западные регионы или заранее было решено ограничиться восточными, с которыми пока была связь.

Практически каждый час на высшем уровне принимались решения о перестройке экономики республики на военный лад. Так, в 12 часов дня Госплан представил правительству соображения относительно экономии использования металлов, топлива и электроэнергии. В 13:00 СНК принял план мероприятий по обеспечению потребностей обороны лесоматериалами и их транспортировке. В 14:00 была обобщена информация наркоматов о выполнении мобплана и направлены руководящие работники в помощь предприятиям, выполнявшим мобилизационные задания[2].

Одновременно крайне ужесточились меры по обеспечению порядка и дисциплины. По радио не переставали звучать призывы к населению не допускать паники, соблюдать спокойствие, всем находиться на рабочих местах, нарушивших это указание ожидал Военный трибунал[3]. Поэтому понедельник 23 июня начался, на первый взгляд, как обычный рабочий день — открылись предприятия, учреждения, магазины... Но вместе с тем, как вспоминал В. Ф. Исаенко, город «как-будто затаился,

---

[1] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 37. Л. 42—46.

[2] Дневник заместителя председателя СНК БССР И. А. Крупени. БГМИВОВ. КП-34517.

[3] Минчанка Валентина Ваньшина: «Я до сих пор не понимаю, как мы всё это пережили»...

чего-то ждал. Идут по улицам военные машины, много машин, полуторки или трёхтонки, за бортами лежат бойцы с... винтовками, машины утыканы ветками, и думаешь, чего это они лежат наизготовку. Где тот фронт, за 400—500 км. Все наши хлопцы думали, что вскоре развернутся воздушные бои над Минском, как над Мадридом, будут сбивать самолёты, кто-то будет прыгать с парашютом...»[1]

Уже в 5:30 прозвучал первый в этот день сигнал воздушной тревоги, по которому все начальники групп самообороны предприятий, учреждений, жилых домов собрали активистов первичных организаций Осоавиахима и командиров звеньев. Ещё раз было проверено боевое имущество групп, установлены дежурства, сформированы и распределены по местам посты охраны порядка. В частности, при Минском городском комитете ЛКСМБ были созданы четыре санитарные дружины в составе 120 человек[2]. Республиканская газета «Звязда» упомянула как одну из лучших группу самообороны дома № 57 по улице Советской (этот жилой дом дореволюционной постройки с крупнейшим книжным магазином на первом этаже находился на углу улиц Советской и Энгельса, был разрушен во время бомбардировки, в настоящее время на его месте — левая оконечность Октябрьской площади). Начальником группы самообороны этого дома была Гринштейн, командирами звеньев — Канер, Кондратович, Севрукова, Сычёва и Шпайзман[3].

По радио минчан призывали готовить индивидуальные укрытия. Но большинство жителей не знало, как правильно следует рыть щели, и поэтому люди копали во дворах обычные ямы, прикрывая их сверху досками и присыпая землёй. В. И. Ваньшина вспоминала: «Когда начиналась бомбёжка, мы сидели в яме, а бабушка говорила: “Детки, молитесь”. Здесь мы выучили молитву “Отче наш”»[4].

---

[1] Клімковіч І. Указ. соч. С. 111. Перевод с бел. И. Ю. Воронковой.

[2] Павлов Я. С. В суровом сорок первом. Минск, 1985. С. 81—82.

[3] Звязда. 1941. 23 чэрв.

[4] Минчанка Валентина Ваньшина: «Я до сих пор не понимаю, как мы всё это пережили»...

Утром в понедельник было официально объявлено о начале мобилизации военнообязанных. Но многие командиры запаса, в первую очередь медицинские работники, технические специалисты, юристы, политработники, были вызваны в военкоматы уже 22 или в ночь на 23 июня. В первый день войны были мобилизованы также водители автомашин, работники связи. Характерно, что повестки о мобилизации, которые они получили, были оформлены на бланках ещё довоенного образца о призыве на военно-учебные сборы. Одна из таких повесток сохранилась в Белорусском государственном музее истории Великой Отечественной войны. Она выписана на имя С. М. Хаповой, рецептера Центральной аптеки Минска, проживавшей по улице Красноармейской, дом 36, квартира 3, которая должна была явиться для прохождения военно-учебного сбора к 3 часам ночи 23 июня в военкомат Сталинского района[1]. Согласно мобилизационному предписанию, в условиях военного времени техник-интендант 1-го ранга С. М. Хапова была приписана к полевому военному госпиталю 2-го стрелкового корпуса[2].

Уже 22 июня были мобилизованы доктор медицинских наук военврач 2-го ранга Л. Г. Школьников, старший военфельдшер Е. И. Пилецкая, военные юристы И. А. Луцевич, М. К. Сокольчик, Ф. А. Москалёв, воентехник Д. С. Гриншпан, батальонный комиссар Н. А. Толкачёв и другие минчане. Завотделом искусства редакции газеты «Літаратура і мастацтва» Ю. Г. Рудько, журналист Л. Я. Прокша и группа других молодых литераторов, прибывших в этот день в пункт сбора политсостава ЗапОВО на пересечении улиц Кирова и Красноармейской, были направлены в Политуправление Западного фронта в качестве пропагандистов[3]. В первый день войны были направлены в стрелковые войска сержант А. В. Каминский, в танковые — старший сержант

---

[1] БГМИВОВ. КП-54071.

[2] Там же. КП-54070.

[3] Беларускія пісьменнікі (1917—1990). Даведнік / склад.: А. К. Гардзіцкі. Мінск, 1994. С. 440—441, 465—466; Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Мінска: у 4 кн. / рэд. кал.: Л. М. Драбовіч [і інш.]. Мінск, 2005. Кн. 4. С. 307—308.

Д. Д. Лысенок. Рабочий радиозавода П. В. Родионов стал радистом штаба Западного фронта[1]. Призванный из запаса старший сержант И. П. Леонов, работавший на Лошицком аэродроме, был назначен старшим электромехаником узла связи Управления ВВС Западного фронта. Он сумел обеспечить непрерывным электропитанием работу телефонно-телеграфной станции этого узла, смонтировать и оборудовать передвижную аккумуляторную станцию, что по тому времени было новшеством в полевых средствах связи. В ходе бомбардировки штаба ВВС 24 июня он ни на одну минуту не оставил силовую машину, осуществляя подачу электропитания и зарядку аккумуляторов и тем самым обеспечивая электропитанием телеграф ВВС и линии связи Западного фронта. Образцовое выполнение минчанином воинского долга было отмечено медалью «За боевые заслуги»[2].

Призванный в первый день войны младший воентехник Л. А. Лившиц воевал на Западном, Сталинградском, Донском, Северо-Кавказском фронтах. В его наградном листе на представление к медали «За отвагу» в июле 1943 г. в графе «Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи» значилось: «Семья уничтожена немецкими бандитами в г. Минске»[3].

Некоторые минчане приходили в военкоматы в воскресенье, не дожидаясь повесток. Кроме того, в этот день подали заявления о призыве в армию 542 добровольца[4].

Понедельник 23 июня стал последним днём мобилизации в городе Минске. С утра столичные военкоматы — областной и Ворошиловский на площади Свободы, Сталинский и Минский сельский на улице Бакунина, Кагановичский на улице Мясникова, а также их дополнительные призывные пункты — были полны. Поступило ещё 1315 заявлений от добровольцев[5]. Городская парторганизация выделила на каждый призывной участок по два-три че-

---

[1] Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Мінска... Кн. 4. С. 311.

[2] ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682524. Ед. хр. 305.

[3] Там же. Оп. 682526. Ед. хр. 392.

[4] НАРБ. Ф. 700. Оп. 4. Д. 127. Л. 21; Гісторыя Беларускай ССР: у 5 т. / рэд. кал: І. С. Краўчанка (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск, 1975. Т. 4. С. 133.

[5] Павлов Я. С. Указ. соч. С. 55.

ловека, которые проводили с призывниками беседы, организовывали питание и проводы.

Таким образом, мобилизация в Минске проходила чётко и слаженно. Однако 24 июня ситуация резко изменилась — сильная бомбардировка фактически лишила военкоматы и их призывные пункты возможности нормально работать, а помещение Кагановичского РВК было разрушено. Военкоматы вынуждены были выехать из Минска и разместились следующим образом: Кагановичский — в Колодищах, областной, Ворошиловский и Сталинский — в Красном Урочище. Там они продолжали призыв до 28 июня, пока не отошли на восток вместе с отступавшими частями.

В сложившейся обстановке к процессу проведения мобилизации привлекли 24 июня и регулярные войска. Так, посты 100-й стрелковой дивизии приказом командования фронта получили задание задерживать в окрестностях Минска всех военных и гражданских лиц, следовавших в одиночку, и направлять их в район хутора Скураты, где было организовано комплектование воинских частей[1].

В белорусской исторической литературе утвердились следующие данные: за период мобилизационной деятельности минскими военкоматами направлено в Красную Армию до 27 тыс. человек рядового и командно-начальствующего состава, свыше 700 автомашин и тракторов, около 20 тыс. обозных лошадей и других видов мобилизационных ресурсов[2]. Однако не все эти мобилизованные были жителями Минска. В некоторых документальных источниках можно обнаружить конкретные цифры мобилизованных по отдельным минским предприятиям и организациям. Так, были мобилизованы 100 работников из 625 рабочих и ИТР обувной фабрики им. Э. Тельмана[3], около 450 человек студентов и преподавателей БГУ, из которых преподаватели составляли около 50 человек[4]. Но многие военнообязанные минчане

[1] БГМИВОВ. КП-30064.

[2] ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2526. Д. 27. Л. 1, 84. Опубликовано: Андрющенко Н. К. На земле Белоруссии летом 1941 г. Минск, 1985. С. 62.

[3] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 667. Л. 23.

[4] Там же. Л. 9.

так и не были мобилизованы, поскольку не знали нового места расположения военкоматов, не сумели до них добраться либо по разным причинам не получили повесток. По свидетельству бывшего начальника пункта по мобилизации военнообязанных Кагановичского РВК П. Г. Мельникова, 22 и 23 июня людей без повесток, приходивших в этот пункт, который размещался в здании школы «против клуба глухонемых» (возможно, речь идёт о 42-й средней школе по улице Комсомольской, на которой располагался Белорусский союз глухонемых), отправляли домой ожидать официальный вызов. А с 14:00 24 июня пункт уже прекратил здесь работу и перебрался на территорию Лютеранского кладбища в районе улицы К. Либкнехта[1].

22—23 июня в Минске призыв шёл в 100-ю и 64-ю стрелковые дивизии, 7-ю отдельную зенитно-артиллерийскую бригаду ПВО, 42-ю бригаду конвойных войск НКВД СССР, 16-й Дзержинский пограничный отряд и др. Около 10 тыс. минчан, мобилизованных Кагановичским военкоматом, влились в 1-й Минский запасной полк, формирование которого началось на станции Колодищи, и другие части[2]. В силу стремительного развития событий полк не успели обмундировать и вооружить как самостоятельную единицу, поэтому практически сразу отправили на пополнение 2-го и 44-го стрелковых корпусов, в составе которых он участвовал затем в обороне города[3].

Более 12 тыс. мобилизованных было направлено по Могилёвскому шоссе на восток, они сражались впоследствии на Березине и Днепре, Западной Двине и Соже[4]. Но некоторые, волею судьбы, вскоре вновь оказались в Минске. Так, 23 июня был мобилизован минчанин К. Л. Матузов. Группа, в которой он находился, практически пешком добралась до г. Калинина (в настоящее время Тверь), где влилась в формировавшуюся там 298-ю стрелковую дивизию. В августе дивизия попала в «мясо-

[1] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 64. Л. 129—134.
[2] Там же.
[3] Павлов Я. С. Указ. соч. С. 55.
[4] Там же. С. 54—55.

рубку» под Киевом. Там К. Л. Матузов был ранен, попал в плен, бежал и, пробираясь по немецким тылам, в ноябре 1941 г. вернулся в Минск, стал подпольщиком[1].

Похожий путь прошёл П. Л. Лавров. 23 июня он, начальник 4-го отделения милиции Минска, был мобилизован в действующую армию. В дни обороны столицы попал в окружение, был пленён и вместе с тысячами других советских военнопленных находился в первых немецких лагерях, сначала в районе Братского кладбища на Сторожёвке, а затем в пригороде Минска — урочище Дрозды. Вырвавшись оттуда, стал подпольщиком, затем партизаном отряда «Мститель»[2].

До конца войны сражался на фронте Г. Г. Захаревич, до войны — секретарь БРК союза рабочих свиноводческих совхозов. В 9 часов утра 23 июня, не дожидаясь повестки, он явился в штаб 118-го зенитного артполка 7-й отдельной зенитно-артиллерийской бригады (размещался в казармах по Логойскому тракту), поскольку был приписан к этому полку. Был назначен политруком во 2-й дивизион, принимал участие в обороне Минска, вместе с полком отступил к Борисову, участвовал в боях на Березине, Смоленском сражении и других событиях Великой Отечественной войны[3].

Призванный Сталинским РВК красноармеец В. П. Теслинов, который проживал до войны на улице Крупской, стал отличным наводчиком орудия. В боях сначала на Западном, затем на Волховском фронте его орудием было сбито четыре немецких самолёта, за что в октябре 1942 г. минчанин был награждён медалью «За боевые заслуги»[4].

Санинструктор И. К. Вольная, проживавшая перед войной на улице Ивановской, отличилась в марте 1942 г. на Брянском фронте: она не только спасала раненых, но и ходила в разведку, за что была удостоена ордена Красной Звезды. Санинструктор Л. М. Каменкович (довоенный адрес — улица Даумана) в ходе боевых действий на Западном фронте в марте 1943 г. вынесла с поля боя 38 ра-

---

[1] БГМИВОВ. Н/В 41590.
[2] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 657. Л. 122об.
[3] БГМИВОВ. Личное дело Г. Г. Захаревича.
[4] ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682525. Ед. хр. 372.

ненных вместе с оружием, была награждена орденом Красной Звезды.

На Западном фронте в марте 1943 г. пал смертью храбрых минчанин гвардии старший лейтенант И. П. Шестаков, заместитель командира по политчасти лыжной роты отдельного лыжного батальона, который при наступлении первым с группой бойцов ворвался в населённый пункт. Посмертно награждён орденом Отечественной войны I степени.

Не вернулись с фронта многие работники Академии наук БССР. Так, сотрудник Института химии С. Ф. Кузьмин, призванный 23 июня, умер от ран 18 августа 1941 г. в г. Ртищево Саратовской области[1]. Старший научный работник этого же института П. Д. Чичунов погиб в 1942 г. под Ржевом, в это время он служил в отделе артобеспечения 29-й армии. Бывший директор Института социалистического сельского хозяйства АН БССР А. Н. Урсулов в звании гвардии старшего лейтенанта командовал подразделением артдивизиона в период боёв под Сталинградом, был награждён медалью «За боевые заслуги»[2]. Погиб в 1945 г. в Польше, будучи уже майором, начальником штаба 32-го гвардейского артиллерийского полка. А. К. Колечиц, сотрудник фольклорной группы Института истории АН БССР, погиб 23 марта 1945 г. в боях на территории Восточной Пруссии[3]. Не стало сотрудников Ботанического сада АН БССР Е. Б. Юркова и Н. П. Шалима, первый пропал без вести в марте 1944 г., второй умер от ран в декабре 1944 г. на территории Польши, являясь рядовым 352-й стрелковой дивизии[4]. Пропал без вести на фронте И. И. Рогачевский — начальник отделения фондов Института геологии АН БССР, призванный 23 июня Ворошиловским РВК в 16-й Дзержинский погранотряд[5].

---

[1] Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Мінска... Кн. 4. С. 900.

[2] ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682526. Ед. хр. 60.

[3] Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Мінска... Кн. 4. С. 899.

[4] Там же. С. 902—904.

[5] БГМИВОВ. Н/В 24981.

Старший лейтенант медслужбы Л. В. Барановская, которая была призвана 23 июня Сталинским РВК, погибла на фронте в мае 1943 г.[1]

Пройдя почти всю войну, пал смертью храбрых в 1944 г. при освобождении Орши сорокадевятилетний сержант И. К. Матусевич, вагоновожатый минского трамвайного парка. Вероятно в это же время погиб и служивший в железнодорожных войсках П. Г. Крук, до войны — начальник одной из пригородных железнодорожных станций[2]. Проводник железнодорожной станции Минск П. И. Сенько был призван в танковую часть. Будучи в звании старшины командиром танка, умер от тяжёлого ранения во время битвы за Днепр в 1943 г.

Пропал без вести И. К. Жулега, который до войны работал мастером по ремонту вагонов[3]. Его судьбу разделили А. Е. Лагацкий — слесарь вагоноремонтного завода им. А. Ф. Мясникова[4], В. И. Субоч — рабочий хлебозавода, Г. Т. Лыньков — ответственный секретарь редакции газеты «Літаратура і мастацтва», младший брат секретаря правления Союза писателей БССР Михася Лынькова[5] и др.

Есть примеры судеб, сложившихся по-другому. Так, мобилизованный в Минске консультант-методист Наркомпроса БССР Е. Т. Кохановский (А. Калубович) в боях под Москвой попал в окружение, сумел вырваться и вернуться в Минск. В начале 1930-х гг. его политические взгляды повлекли за собой срок в лагерях по обвинению в принадлежности к нелегальной националистической организации, а в период оккупации подтолкнули к сотрудничеству с немецкими властями: он вошёл в состав так называемой Белорусской рады доверия при Генеральном комиссаре Беларуси, возглавил Белорусское культурное общество. В 1944 г. покинул родину и жил в Германии[6].

---

[1] Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Мінска... Кн. 4. С. 897.

[2] Там же. С. 900.

[3] Там же. С. 899.

[4] Там же. С. 900.

[5] Там же.

[6] Там же. С. 126.

А двадцатисемилетний минчанин В. А. Ермакович, призванный из запаса Кагановичским райвоенкоматом в 226-й конвойный полк 42-й бригады конвойных войск НКВД СССР, был расстрелян 28 июня на марше бригады из Минска на Могилёв с формулировкой «За измену Родине»[1]. Что случилось на самом деле и был ли поспешный расстрел обоснованным, мы уже никогда не узнаем. Предположительно, именно об этом случае шла речь в Оперативной сводке штаба бригады по состоянию на 5 июля 1941 г., сообщившей о трагической гибели командира бригады полковника А. А. Плеханова и ещё пяти человек во время бомбардировки колонны бригады в ночь на 27 июня в 13 км юго-западнее Смиловичей: «Произведённым осмотром места после обстрела колонны с самолёта были пойманы 2 шпиона, из которых один оказался из переменного состава 226 полка, прибывший по мобилизации, после расследования и признания себя виновным, распоряжением зам. начальника войск комбрига т. Кривенко, оба были расстреляны на месте»[2].

Мы привели лишь несколько характерных примеров судеб минчан, которые встали в воинский строй в родном городе 22—23 июня 1941 г. Те, кто по разным причинам не сделал этого, пошли своей, тоже отмеченной причудливыми поворотами дорогой.

Артист театра оперы и балета Н. Н. Пигулевский, дом которого сгорел 24 июня, а семья переселилась к знакомым, беспокоился, что повестка из военкомата не найдёт его по новому месту жительства. Поэтому 25 июня он вместе с семнадцатилетним сыном Владимиром отправился на поиски военкомата, но безуспешно. Тогда Пигулевские вместе с отступавшей воинской частью ушли по Могилёвскому шоссе на восток и затем выехали в Казань. В дальнейшем отец присоединился к воссозданной в эвакуации труппе своего театра, а Владимир ушёл на фронт, стал наводчиком самоходной артиллерийской установки, воевал до конца войны[3].

---

[1] РГВА. Ф. 38052. Оп. 1. Д. 6. Л. 77—80.

[2] Там же. Л. 72—76.

[3] Глинский Ф. Прошёл солдат через войну и новостройки // Зара. 2001. 1 лістап.

Выпускница одной из минских школ И. И. Гудович (ее мать Кристину Евгеньевну, медсестру 1-го клинического городка, мобилизовали в армию уже 22 июня) тоже осталась без жилья — их дом на улице Садовой был разрушен. Девушке удалось сохранить документы, в том числе удостоверение сандружинницы, полученное во время учёбы в 10-м классе. 24 июня она добралась до Ворошиловского РВК, но он уже не работал, на дверях висело объявление, что военнообязанным следует направляться в Могилёв. Ирина пошла по Могилёвскому шоссе с толпами беженцев. 2 июля в Могилёве её направили на курсы противопожарной обороны, затем в санитарный поезд. Во время рейса поезд разбомбили, И. И. Гудович оказалась в Вязьме, где окончила медицинские курсы, получила удостоверение военного фельдшера и назначение на Юго-Западный фронт. Закончила войну старшим лейтенантом медслужбы. В 1945-м в Берлине встретилась с матерью, также прошедшей всю войну[1].

Начальник отдела снабжения детских садов и домов Главснаба Наркомпроса БССР В. С. Казачёнок 24 июня отправил в эвакуацию жену и сына, но сам остался в Минске, ожидая повестки о призыве в часть, к которой был приписан — 15-й автотранспортный полк в Старых Дорогах. Не найдя 25 июня военкомата, ушёл пешком из города и добрался до Могилёва, где был направлен на сборный пункт начсостава запаса в Чаусы, а затем получил назначение политруком в отдельный батальон связи 49-й Краснознамённой стрелковой дивизии. Однако уже 28 июля был отозван в Гомель в распоряжение ЦК КП(б)Б и отправлен в диверсионно-разведывательную школу в Чёнки. По её окончании действовал в тылу противника, в том числе в Минском подполье[2].

23 июня, ориентируясь на союзные директивные документы о повышении военной и политической бдительности населения, ЦК КП(б)Б принял постановление об организации во всех районах Минска отрядов «вооружённых рабочих и трудящихся» в целях усиления охраны

---

[1] Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Мінска... Кн. 4. С. 314.

[2] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 661. Л. 42.

предприятий и порядка в городе. Предполагалось, что для вооружения этих отрядов Военный совет Западного фронта выделит 5 тыс. винтовок и соответствующее количество патронов[1]. Формированием отрядов занимались минские обком и горком партии при участии генерал-майора И. Н. Руссиянова — командира 100-й стрелковой дивизии, на которую командованием Западного фронта была возложена специальная задача — охрана Минска. Как уже упоминалось выше, 23 июня он был назначен начальником Минского гарнизона вместо убывшего в 4-ю армию генерал-майора И. Н. Хабарова[2].

На совещание в городской комендатуре собрались вызванные И. Н. Руссияновым представители НКВД, партийных и советских организаций, руководители предприятий и учреждений. Город был разбит на участки, за которыми закрепили отряды, созданные при горкоме партии и каждом из трёх райкомов. В их составе находились рабочие, служащие, студенты, учащиеся. Численность отрядов осталась неизвестной, но, безусловно, не приходится говорить, что удалось собрать и вооружить 5 тыс. человек. В результате того, что командование Западного фронта, озабоченное прежде всего вооружением войск, так и не отдало приказа о выдаче оружия с военных складов, эти отряды имели практически 1 винтовку на 10 человек[3]. Реальная возможность обеспечения гражданского населения оружием в той сложнейшей обстановке нашла отражение в директиве ЦК КП(б)Б обкомам, райкомам КП(б)Б и райисполкомам восточных областей БССР о борьбе с вражескими парашютными десантами, принятой 23 июня. Перед населением была поставлена «боевая задача»: в случае появления немецких диверсантов или парашютистов не ожидать прибытия воинских частей, а приступать к уничтожению противника «при отсутствии или недостатке огнестрельного оружия... в рукопашной схватке холодным оружием: вилами, насаженными на палки, штыками, топорами, саб-

[1] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 3. Д. 1214. Л. 2—13.

[2] Руссиянов И. Н. Указ. соч. С. 19.

[3] Мінскае антыфашысцкае падполле / аўт.-уклад. Я. І. Бараноўскі [і інш.]. Мінск, 1995. С. 6.

лями и так далее...»[1] Таким образом, при физической невозможности обеспечить население современными средствами вооружения людям фактически предложили воспользоваться оружием партизан времён Отечественной войны 1812 г.

О конкретных действиях, судьбах бойцов минских отрядов сохранились лишь отрывочные сведения. Люди оказывали помощь милиции в патрулировании улиц, охране предприятий, совместно с регулярными войсками участвовали в боевых действиях против вражеских десантников в окрестностях столицы. Последовавшая через сутки массированная бомбардировка Минска фактически парализовала действия этих отрядов. Позднее, в ходе боёв за город, многие их бойцы сражались в составе действующей Красной Армии. В частности, бойцы состоявшего из трёх взводов отряда Кагановичского района под командованием А. Р. Шлегеля вместе с воинами 64-й стрелковой дивизии трое суток удерживали рубежи в 20 км северо-западнее Минска[2]. В составе отряда находились рабочие вагоноремонтного завода им. А. Ф. Мясникова, швейной фабрики «Октябрь», кожгалантерейной фабрики им. В. В. Куйбышева, железнодорожного узла, преподаватели и учащиеся школы ФЗУ Западной железной дороги. Отряд минчан из 400 человек 26—27 июня оборонял отведённый ему участок в районе Красного Урочища[3], вёл уличные бои в районе завода им. К. Е. Ворошилова.

Один из отрядов возглавлял военрук Педагогического училища Э. С. Соколовский. Этот тридцатичетырёхлетний минчанин, несмотря на молодой возраст, имел большой опыт политической и военной работы, начиная с 1924 г., когда состоял «политбойцом» Части особого назначения в Орше. В 1928 г. он окончил Военно-теоретическую школу ВВС РККА в Ленинграде, в 1929 г. там же — вечернюю школу партийного просвещения и стал курсантом 1-й Военной школы лётчиков им. А. Ф. Мясникова в Каче под Севастополем. Однако

[1] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 2. Л. 2.
[2] Андрющенко Н. К. Указ. соч. С. 62—63.
[3] Павлов Я. С. Указ. соч. С. 84.

по состоянию здоровья учёбу не закончил, работал в комсомольских и профсоюзных органах Беларуси. В Минске жил, с небольшим перерывом, с 1931 г., работал начальником авиации Центрального совета Осоавиахима БССР, начальником Минского аэроклуба, военруком в учебных заведениях[1].

Костяк постоянных групп и отрядов по уничтожению авиадесантов противника был сформирован на территории Беларуси ещё до войны, согласно постановлению ЦК КП(б)Б от 26 мая 1941 г. в рамках активизации мероприятий военно-оборонительного характера. Организацией и обучением занимался Центральный совет Осоавиахима БССР. Упоминавшаяся выше директива ЦК КП(Б) от 23 июня лишь подтвердила существование этих осоавиахимовских формирований, которые проявили себя в основном в районах, подвергшихся оккупации позже, чем Минск. Именно на их базе, а также на базе рабочих отрядов и групп самообороны предприятий и учреждений 24 июня, согласно постановлениям СНК СССР «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе» и «Об охране предприятий и учреждений и создании истребительных батальонов», началось создание истребительных батальонов НКВД СССР.

Что касается минских рабочих отрядов, их бойцы в основном ушли из города вместе с войсками и затем были мобилизованы в армию. Так, Э. С. Соколовский был мобилизован 6 июля в Смоленске в 3-ю зональную стрелковую бригаду, в должности начальника связи бригады участвовал в Смоленском сражении. С июня 1942 по май 1943 г. преподавал в Тамбовском военно-пехотном училище. Затем был отозван ЦК КП(б)Б в распоряжение Белорусского штаба партизанского движения (БШПД) и направлен на Калининский (позже 1-й Прибалтийский) фронт уполномоченным по авиаперевозкам в тыл врага. Майор Э. С. Соколовский был награждён орденом Красной Звезды и медалью «Партизану Отечественной войны» I степени[2].

---

[1] АИИ НАНБ. Ф. 1. Оп. 1 персоналии. Д. 2. Л. 3—3об.
[2] Там же. Л. 5—6.

Крупный немецкий десант был выброшен на рассвете 23 июня в районе железнодорожной станции Олехновичи, в 10 часов утра — у деревни Королёв Стан. Оба они были уничтожены регулярными частями[1]. Днём противник выбросил несколько парашютных десантов на артиллерийский полигон между Уручьем и Городищем, но направленным туда курсантам Минского пехотного училища ликвидировать их не удалось[2]. В середине дня 24 июня десанты появились в районе деревень Лошица и Новый Двор, часть их уничтожили регулярные войска. По воспоминаниям жителя Лошицы Аксёнчика, вражеские самолёты «пробегали по полю, не выключая моторов, а из них выбрасывали десант»[3]. Десанты наблюдались также в районах Ждановичей и Уручья[4].

В подобной напряжённой ситуации имели место и ложные сообщения об авиадесантах. Так, в ночь на 24 июня в штабе 44-го стрелкового корпуса стало известно о высадке десанта численностью до 1 тыс. человек в районе Радошковичи — Олехновичи — Заславль. На его ликвидацию немедленно выступила группа в составе нескольких подразделений 64-й и 108-й стрелковых дивизий во главе с командиром корпуса комдивом В. А. Юшкевичем. Однако в 9 часов утра штаб Западного фронта получил от него сообщение, что сведения о десанте не подтвердились[5].

23 июня в Минске увидели свет первые военные номера газет, хотя обычно газеты по понедельникам не выходили. Печатное слово не вызывало особой тревоги, несмотря на то, что были опубликованы указы о введении военного положения и мобилизации. Республиканские издания «Звязда» и «Советская Белоруссия» поместили репортажи с многочисленных антивоенных митингов, прошедших по всей республике. Была опубликована и первая сводка Главного командования Красной Армии

---

[1] БГМИВОВ. Н/В 7753.

[2] Там же. Н/В 7989.

[3] Там же. КП-34362.

[4] Мінскае антыфашысцкае падполле... С. 6.

[5] ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 10169. Д. 7. Л. 28—30. Опубликовано: На земле Беларуси: канун и начало войны... С. 424.

за 22 июня — очень короткая и абсолютно не отражавшая истинного положения дел. Сообщалось, что «с рассветом 22 июня регулярные войска германской армии атаковали наши пограничные части на фронте от Балтийского до Чёрного моря и в течение первой половины дня сдерживались ими. Со второй половины дня германские войска встретились с передовыми частями полевых войск Красной Армии. После ожесточённых боёв противник был отбит с большими потерями. Только на Гродненском и Кристынопольском (Украина. — *И. В.*) направлениях противнику удалось достичь незначительных тактических успехов и занять местечки Кальвария, Стоянув и Цехановец... Авиация противника атаковала ряд наших аэродромов и населённых пунктов, но всюду встречала решительный отпор наших истребителей и зенитной артиллерии, наносивших большие потери противнику...»[1]

Как видим, первая сводка выдала желаемое за действительность, фактически изложив элементы довоенного плана обороны госграницы. В действительности помимо Цехановца, который тогда являлся не просто «местечком», а районным центром Белостокской области БССР, были захвачены райцентры этой же области Граево и Ломжа, а также четыре райцентра Брестской области — Гайновка, Домачёво, Малорита и Семятичи и областной центр Брест. О Бресте и Ломже, без указания даты захвата, объявила лишь сводка за 23 июня.

«Зловещим ненастьем» назвал развернувшиеся события народный поэт БССР Якуб Колас в стихотворении, опубликованном в номере «Советской Белоруссии» за 23 июня. К сожалению, броское название этого произведения — «На цепь — кровожадного пса!» — было далеко от действительности, поскольку в те первые часы и дни для этой цепи ещё не смогли отлить ни одного грамма металла.

24 июня газеты вышли в Минске в последний раз, рано утром в город ещё успели доставить московскую прессу. Гранки подготовленного к печати номера «Звязды» за 25 июня были уничтожены во время бомбарди-

---

[1] Советская Белоруссия. 1941. 23 июня.

ровки вместе со зданием редакции по улице Советской. Предназначавшаяся для него Сводка Главного командования Красной Армии за 23 июня сообщала, что в течение дня противник стремился развить наступление по всему фронту от Балтийского до Чёрного моря, направляя главные свои усилия в Прибалтике — на Шауляйском и Каунасском направлениях, в Беларуси — на Гродненско-Волковысском и Кобринском, на Украине — на Владимир-Волынском, Рава-Русском и Бродском направлениях, «но успеха не имел... Наша авиация вела успешные бои, прикрывая войска, аэродромы, населённые пункты и военные объекты от воздушных атак противника и содействуя контратакам наземных войск. В воздушных боях и огнём зенитной артиллерии в течение дня на нашей территории сбит 51 самолёт противника; один самолёт нашими истребителями посажен на аэродром в районе Минска»[1].

Вероятно, были и другие подобные эпизоды с немецкими самолётами, причём не только 23, но уже и 22 июня. Минчанину И. Ф. Кудрявцеву запомнилось, как солдаты вели по городу пилота самолёта, посаженного в первый день войны в районе озера, причём немец вёл себя крайне агрессивно и громко что-то выкрикивал. В дневнике боевых действий 100-й стрелковой дивизии зафиксировано, что 23 июня в районе деревни Озерище принудили сесть трёх немецких бомбардировщиков[2].

Утром 23 июня к Минску прорвались первые немецкие самолёты-истребители — они обстреляли аэродром в Лошице и людей на шоссе у восточной окраины. Тогда же в столице прекратились радиопередачи, в течение дня в эфире звучала только одна фраза: «Городу Минску дан сигнал воздушной тревоги». Однако, поскольку налёта на город сразу не последовало, паники по-прежнему не было. Единственной реакцией людей, особенно женщин, была закупка продуктов. Вот как прокомментировал ситуацию П. А. Лидов: «На улицах полно народа, на лицах не заметно ни уныния, ни страха. Никто не обращает

---

[1] Правда. 1941. 24 июня.
[2] БГМИВОВ. КП-30064.

внимания на частые воздушные тревоги. На улицах женщины досадуют на то, что по тревоге закрываются магазины и на покупки уходит много времени. У нас в гостинице посмеиваются над артистами МХАТ, которые по тревоге спускаются в подвал. Кроме них, пожалуй, никто не верит в действительную возможность воздушной бомбардировки... Поехал в ЦК и попал на совещание сотрудников агитпропа... Кто-то, между прочим, высказал возмущение частыми тревогами, которые зря нервируют население. Потом пошёл в особый сектор. Здесь шла разборка архивов и уничтожение ненужных бумаг и книг. Кое-что отправлялось в Могилёв — на всякий случай, как объяснил Каминский (Л. И. Каминский — заведующий особым сектором ЦК КП(б)Б. — *И. В.*). Минску, конечно, ничего не угрожает, но предосторожность не повредит. Узнаю, что утром немецкие истребители обстреляли минский аэродром и мирных жителей у шоссе у самого города. Есть раненые, убито несколько коров и лошадей. Из ЦК кому-то звонили, чтобы коров забрали на бойню. В автобусе привезли партийный архив горкома партии из Вильно...»[1]

Действительно, беспокойства минчане по-прежнему не проявляли, и всё же во второй половине дня в городе начались перебои с хлебом, в связи с чем некоторые магазины временно прекращали работу, а Совнарком на специальном заседании в 23 часа рассмотрел план Наркомпищепрома по увеличению выпечки хлеба для населения и армии[2].

Первые немецкие бомбардировщики появились над Минском около полудня, но в этот день бомбили только Товарную станцию (район улицы Суражской) и аэродром в Лошице, а в 21:00 сбросили бомбы на расположение 69-го отдельного разведывательного батальона 100-й стрелковой дивизии в Уручье[3].

Разведсводка штаба Западного фронта, составленная в 23:00 23 июня за подписями начальника штаба фронта

---

[1] Тетрадь Петра Лидова...
[2] БГМИВОВ. КП-34535.
[3] Там же. КП-30064.

генерал-майора В. Е. Климовских и начальника развед-отдела полковника С. В. Блохина, констатировала: «В течение 23 июня 1941 г. авиация противника подвергла бомбардировке Волковыск, Барановичи, Минск, Бобруйск, главным образом аэродромы... В течение дня Минский аэродром Лошица подвергся нападению 11 раз. Сбито 7 самолётов ДО-17 и Ме-109...»[1]

В Лошицу были направлены кареты скорой помощи и группа врачей для оказания помощи раненым. Противник нанёс огромный ущерб, поскольку аэродром не имел зенитного прикрытия, самолёты не успели замаскировать, часть их была уничтожена прямо на земле, сгорели также склады с горючим.

До войны Лошицкий аэродром имел как военное, так и гражданское назначение. С ноября 1933 г. здесь действовал Минский аэропорт, базировался Минский авиаотряд, который входил в созданную в июле 1940 г. Белорусскую авиагруппу, подчинявшуюся непосредственно Главному управлению Гражданского Воздушного Флота Наркомата обороны СССР. Личный состав Минского авиаотряда был мобилизован уже в первый день войны и переведён на казарменное положение, чтобы лётчики в любой момент могли вылететь на задание. 23 июня, ещё до бомбардировки, два звена санитарных самолётов успели вылететь в Лиду с грузом в 1000 кг медикаментов. Были также выполнены полёты на запад с офицерами связи в целях поиска некоторых частей наземных войск.

Оставшиеся целыми после бомбардировки самолёты, в том числе санитарные, 23 июня были переброшены на аэродром Осоавиахима в Слепянку в 10 км от Минска, где их можно было замаскировать в лесу, а 25 июня — на учебный военный аэродром в Борисове[2]. На высоте 100 м над Минском самолёты подверглись обстрелу частями ПВО, которые приняли их за немецкие. В результате было сбито несколько машин, получила ранение часть лётного и технического состава. В дальнейшем пилоты

[1] ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 3038. Д. 5. Л. 4—5. Опубликовано: На земле Беларуси: канун и начало войны... С. 419.

[2] Россия XX век. Документы. 1941 год... Кн. 2. С. 462; Шароваров А. Пилоты Аэрофлота на фронте // Во славу Родины. 2001. 15 авг.

Минского авиаотряда выполняли боевые задания на разных фронтах в составе 105-го и 62-го гвардейских авиаполков, которые после войны стали основой Белорусского управления гражданской авиации[1].

Секретарь ЦК Н. Е. Авхимович вспоминал: «...23 немцы пытались город бомбить жутко... 23 его отбили. В город не пустили немцев с воздуха. По окраинам он бомбил... К вечеру... затишье наступило»[2].

Из дневника П. А. Лидова: «Всё время из ПВО поступают сведения, что немецкие самолёты стремятся прорваться к Минску. Выходим на балкон, глядим вверх, но кроме наших истребителей ничего не видим. Около полудня вышел зачем-то на улицу и услышал серию сильных, гулких взрывов. Бомбы! Гляжу наверх и вижу в прозрачном голубом небе девятку серебристых бомбардировщиков. Они летят очень правильным и чётким строем, разворачиваясь над городом где-то в районе вокзала. Запомнился звук их моторов — какой-то звенящий, наглый, вызывающий. Вот их нагоняют истребители. Немцы продолжают идти, не меняя курса и строя. Задний самолёт из вражеской девятки, атакованный и подбитый истребителями, падает вниз. Остальные медленно удаляются...»[3]

И другие очевидцы вспоминают, что 23 июня с любопытством наблюдали за немецкими бомбардировщиками, стоя прямо на улице, так как чувства опасности абсолютно не было. Когда советский истребитель сбил «немца», раздались восторженные аплодисменты зрителей, большинство которых было уверено, что пройдёт ещё два-три дня и жизнь войдёт в привычную колею. Молоденькой минчанке Людмиле Лавровой, выпускнице 42-й школы, родные не разрешили выходить из дома, но она не послушалась, так как страха не было, а была уверенность, что под родным небом её не могут не только убить, но даже ранить[4].

---

[1] Шароваров А. Указ. соч.

[2] НАРБ. Ф. 750п. Оп. 1. Д. 125. Л. 40об.—50.

[3] Тетрадь Петра Лидова...

[4] БГМИВОВ. Н/В 45058.

Писатель Я. Мавр указал в своём дневнике: «Весь день сновали над городом “безвредные” немецкие самолёты. Ночью снова тишина»[1].

И всё-таки чувство тревоги нарастало. Даже военный человек, комендант Ф. М. Багреев, отметил, что постепенно «обстановка становилась напряжённой, тяжёлой»[2].

В этот тревожный день руководителю гастрольной труппы МХАТа И. М. Москвину наконец удалось связаться по телефону с дирекцией театра в Москве. Вопрос был один: «Что делать?» Ответ оказался столь же кратким: «Продолжать гастроли». Такая настойчивость объяснялась не только незнанием подлинной обстановки. Дирекция МХАТа в Москве и минская администрация ДКА по инерции продолжали мыслить категориями мирного времени, в связи с чем никак не могли решить вопрос, кто возместит убытки в случае прекращения гастролей. Кроме того, во исполнение строжайшего приказа властей не поддаваться паническим настроениям, москвичей призывали не способствовать своим внезапным отъездом распространению паники. Поэтому вечером 23 июня мхатовцы вновь вышли на сцену в спектакле «Школа злословия», не подозревая, что он будет последним. В театральном зале ДКА сидели коллеги из одесского театра и несколько десятков совсем молодых людей, для которых, видимо, разразившиеся события предоставили единственную возможность попасть на спектакли знаменитых артистов. При каждом движении на сцене поворотного круга, сменявшего декорации, зрители вздрагивали — не началась ли бомбардировка? — поскольку звука настоящей бомбёжки ещё не знали.

Вероятно именно появление над Минском первых вражеских самолётов заставило руководителей БССР осознать реальную опасность, нависшую не только над столицей, но и республикой в целом. Эта ситуация вынудила Бюро ЦК КП(б)Б прийти, по словам П. К. Пономаренко,

---

[1] Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства (далее — БГАМЛИ). Ф. 290. Оп. 1. Д. 64. Л. 1—1об. Опубликовано: Неман. 1989. № 11. С. 131—133; На земле Беларуси: канун и начало войны... С. 112—116.

[2] БГМИВОВ. Н/В 7989.

«к тяжёлому решению о необходимости начать частичную эвакуацию» с территории Беларуси. (В данном случае имелась в виду эвакуация организованная, поскольку стихийная эвакуация из западных районов республики фактически осуществлялась уже с первых часов войны.) Следующей короткой фразой руководитель БССР отразил в своих послевоенных воспоминаниях всю гамму испытываемых при этом сложных чувств: «Ещё тяжелее было поставить этот вопрос перед ЦК ВКП(б) и СНК».

В середине дня после бомбардировок стратегически важных объектов столицы, каковыми являлись Товарная станция и аэродром, П. К. Пономаренко всё-таки позвонил И. В. Сталину с просьбой разрешить эвакуацию государственных ценностей и детских учреждений. Сталин, удивившись — не рано ли? — разрешение дал, но при этом в очередной раз потребовал не поддаваться панике[1].

Советская военная доктрина не предусматривала заранее разработанного плана и соответствующих структур для организации эвакуационных мероприятий. На уровне союзного правительства работа в этом направлении началась лишь 24 июня после создания Совета по эвакуации при СНК СССР. Центральная эвакуационная комиссия при СНК БССР под руководством председателя СНК И. С. Былинского была сформирована только 25 июня, когда руководство республики находилось уже в Могилёве. Поэтому 23 июня белорусские власти действовали в спешке, исходя из собственного понимания и оценки ситуации. Образованной в этот день республиканской комиссии под началом заместителя председателя СНК БССР В. Б. Гайсина было поручено лишь размещение и обеспечение беженцев из западных районов.

Получив «добро» вождя, во второй половине дня ЦК КП(б)Б принял постановления об эвакуации в двухдневный срок детей из детских домов, садов, лагерей, городов, подвергавшихся бомбардировке в полосе военных действий, и из города Минска, а также ценностей и денежных знаков из Белорусского отделения Государствен-

[1] АИИ НАНБ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 7а. Л. 27.

ного банка СССР. Дирекции строившегося важнейшего объекта военного значения — авиационного завода № 453 — и стройуправлению № 1 было разрешено вывезти «в адреса, по указанию НКАП (Наркомата авиационной промышленности. — *И. В.*), станки, материалы, секретные документы, имущество, строймеханизмы, квалифицированных рабочих и ИТР...»[1] Одновременно было вынесено решение о подготовке к эвакуации «секретных архивов и партдокументов ЦК КП(б)Б и ЦК ЛКСМБ»[2].

Дальние маршруты эвакуации за пределы БССР были предусмотрены только для организаций союзного подчинения — Госбанка и авиазавода. Самыми безопасными местами для минских детей всё ещё виделись ближайшие к столице районы — Червеньский, Пуховичский и др. Но и в том и другом случае имелось в виду лишь обезопасить детей и ценное имущество от бомбардировок. Тогда ещё никто — от руководителей республики и военного командования до простых жителей — не допускал возможности оккупации Минска противником.

На эвакуацию ценностей и архива Госбанка были даны сутки под личную ответственность заместителя управляющего Госбанком Кузнецова. Руководителей Минского железнодорожного узла Миронова и Карасёва обязали «немедленно обеспечить эвакуацию банка вагонами»[3]. Однако исполняющий обязанности управляющего Белорусской республиканской конторой госбанка И. А. Позняков в докладе об эвакуации, составленном для СНК БССР в середине 1942 г., утверждал, что о предоставленных для вывоза ценностей вагонах ему стало известно лишь вечером 24 июня.

В изложении И. А. Познякова картина выглядела следующим образом. В связи с отсутствием автотранспорта вначале перевозка ценностей к вагонам производилась только одной полуторатонной грузовой машиной, и лишь в 22:00 или 23:00 24 июня из НКВД прибыли ещё два грузовика, один из которых оказался непригодным, поскольку в его кузов была вмонтирована цистерна с горю-

[1] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 3. Д. 1214. Л. 2—13.
[2] Там же. Оп. 29. Д. 1. Л. 1—55.
[3] Там же. Оп. 3. Д. 1214. Л. 2—13.

чим. И. А. Позняков утверждает, что погрузка и вывоз ценностей со двора Госбанка, находившегося на перекрёстке Ленинской и Советской улиц, «проводились под непрерывной бомбёжкой, когда двор банка засыпался искрами от пожара горевших зданий рядом с банком». В данном случае полностью соответствует истине вторая часть описания — об искрах от пожаров. Что касается непрерывной бомбёжки, то речь может идти лишь о вывозе ценностей до 21:00, поскольку с этого времени бомбёжки временно прекратились вплоть до утра 25 июня. Так или иначе, перевозка и погрузка ценностей в железнодорожные вагоны продолжались, по информации И. А. Познякова, до 4:00 — 5:00 утра 25 июня. Были погружены упакованные в стандартные мешки ценности в количестве 1250 мест, а также имущество полевой конторы и полевых отделений Госбанка. Поскольку эвакуацию проводили в спешке, не хватило времени для вывоза ветхих денежных знаков, разменной монеты и части документов бухгалтерского учёта. По свидетельству очевидцев, между 10:00 и 12:00 25 июня здание республиканской конторы Госбанка уже горело.

Таким образом, ценности Белорусской республиканской конторы Госбанка были вывезены на рассвете 25 июня и по распоряжению Правления Госбанка СССР направлены в Тамбов, куда прибыли 1 июля. Вместе с ними удалось эвакуировать доставленные в Минск ценности пяти (из девяти) областных контор (Барановичской, Белостокской, Вилейской, Пинской, Полесской) и четырех районных отделений (Августовского, Бельского, Ломжинского, Цехановецкого) западных областей БССР. Этим эшелоном выехали также 89 сотрудников республиканской конторы с семьями[1]. В октябре 1941 г. новым местом эвакуации республиканской конторы стал г. Караганда Казахской ССР, где она числилась при областной конторе Госбанка СССР, а к середине 1942 г. находилась уже в г. Горьком[2].

---

[1] НАРБ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 5. Л. 206—217.

[2] Там же. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 91. Л. 95—95об., 116; Ф. 7. Оп. 3. Д. 5. Л. 216.

В воспоминаниях участника обороны Минска Гудвиловича содержатся любопытные сведения об обстоятельствах прибытия в Минск банковских ценностей из Белостока. 24 июня в составе двух батальонов курсантов Минского пехотного училища он охранял здания ЦК КП(б)Б и ДКА. Во время патрулирования по прилегающему к этим зданиям скверу курсанты обнаружили там грузовой автомобиль, в котором стонали раненые бойцы. Оказалось, что в машине находятся банковские ценности из Белостока, а раненых водитель подобрал по дороге. Попав в Минске под бомбёжку, он поставил машину под деревьями сквера, а сам бежал[1].

Намного хуже обстояло дело с эвакуацией ценностей и документов сберегательных касс. По ним специального решения принято не было, поэтому Управлению гострудсберкасс и госкредита БССР не удалось обеспечить организованную эвакуацию большей части сберкасс республики. 27 апреля 1942 г. исполняющий обязанности начальника этого управления М. В. Чишевич сообщил в докладной записке в ЦК КП(б)Б и СНК БССР, что из 22 центральных и районных сберкасс Минской области данные об эвакуации имеются только по 11 кассам и «до сих пор ещё не установлено, что из документов вывезено Минской центральной сберегательной кассой № 16»[2]. Спустя три месяца ситуация несколько прояснилась — было выявлено, что Минская центральная сберкасса № 16 всётаки вывезла в Москву и сдала в Управление производством государственных знаков, монет и орденов (Гознак) ценности, бланки аккредитивов, переводов, сберкнижек, квитанций и др., денежную наличность, облигации госзаймов, принятые на хранение от граждан, значительную часть лицевых счетов вкладчиков и прочие документы. Однако всё это было уничтожено в Гознаке в 1941 г.[3], вероятно, накануне поспешной московской эвакуации 16 октября.

---

[1] БГМИВОВ. Личное дело Гудвиловича.

[2] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 35. Л. 1—8. Опубликовано: Беларусь в первые месяцы Великой Отечественной войны... С. 270.

[3] Там же. Ф. 94. Оп. 4. Д. 2. Л. 343—353. Опубликовано: Белорусы в советском тылу. Июль 1941 г. — 1944 г.: сб. док. и материалов. Вып. 1. Июль 1941 г. — 1942 г. / сост.: В. И. Адамушко [и др.]. Минск, 2010. С. 137.

Что касается массовой эвакуации промышленных предприятий Минска, то 23 июня дело ограничилось лишь совещанием руководителей ЦК и СНК с наркомами на предмет такой возможности. Как уже упоминалось, единственным минским предприятием, которому 23 июня была разрешена эвакуация, являлся строившийся авиазавод. Однако это разрешение, последовавшее во второй половине дня, не успели претворить в жизнь, сумела уехать лишь часть коллектива завода. Правда, через много лет после окончания войны появились утверждения, что с завода всё-таки удалось вывезти в Куйбышев (в настоящее время Самара) несколько десятков новых, только что прибывших из Германии и ещё не распакованных станков, а в некоторых публикациях, без ссылки на источники, упоминалось, что «в Куйбышев было отправлено оборудование строящегося авиационного завода»[1]. На запрос Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны Государственный архив Самарской области ответил в июле 2001 г., что в архивных фондах Куйбышевского облисполкома и горисполкома за 1941 г. «документов о прибытии эвакуированного из Минска оборудования авиазавода № 453 не обнаружено»[2]. Вместе с тем в Национальном архиве Республики Беларусь хранится справка Куйбышевского обкома партии об эвакуации в Куйбышевскую область предприятий и населения, составленная для ЦК КП(б)Б в октябре 1941 г., в которой упоминается «размещение на авиазаводе № 122 в Куйбышеве завода № 453 из Минска»[3]. Данная формулировка не отличается точностью, но в любом случае речь может идти только об эвакуации в Куйбышев части коллектива минского авиазавода. Некоторые заводчане попали на профильные предприятия в других городах. Как это происходило, рассказала в своих воспоминаниях бывший инженер авиазавода минчанка А. Е. Адам. По её словам, в первой половине дня 24 июня семьи москвичей, командированных на строительство завода, выехали из Минска

[1] См.: Паўлаў Я., Андрушчанка М. Год сорак першы. Абарона Мінска // Полымя. 1974. № 4. Перевод с бел. И. Ю. Воронковой.

[2] БГМИВОВ. Текущий архив. Вх. № 219, 18 июля 2001 г.

[3] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 91. Л. 86.

автотранспортом, а минчане, метавшиеся по горевшему городу в поисках своих близких, к назначенному времени отъезда опоздали. Некоторые бежали вслед за машинами, но те продолжали движение. Вмешался случай — над пятью открытыми грузовиками начал кружить немецкий самолёт. Опасаясь обстрела, колонна остановилась, однако самолёт улетел. Этой небольшой остановки хватило, чтобы минчане погрузились в машины. Через Борисов, Вязьму и Смоленск колонна добралась до Можайска, где транспорт был мобилизован на военные нужды, а людей отправили в Москву поездом. Они прибыли туда 28 июня. В Наркомате авиационной промышленности эвакуированным выдали необходимые документы и направили на работу на авиационные предприятия в Куйбышев, Казань[1] и Горький.

Полностью сорвался вывоз в безопасные места воспитанников минских детских домов, садов и пионерских лагерей, организация которого была поручена Совнаркому БССР в лице его председателя И. С. Былинского, Наркомпросу и лично наркому Е. И. Ураловой, ЦК ЛКСМБ и лично первому секретарю М. В. Зимянину, председателю Мингорсовета К. И. Бударину. Посланцы их подведомственных структур вечером 23 июня выехали в Червеньский, Пуховичский и другие ближайшие к столице районы, где детей предполагалось разместить в зданиях школ и на территориях пионерских лагерей. Так, директор минской средней школы № 6 К. И. Король по распоряжению Миноблоно направился в Червень, где на заседании местного райисполкома был намечен план размещения в школах Червеньского района минских детских садов и яслей. Однако на следующий день, как вспоминал К. И. Король, он «встретил многих работников облоно, обкома и ЦК комсомола, обкома партии, которые сообщили... что положение изменилось и что мои полномочия по эвакуации детей окончились»[2]. Неуклонное

---

[1] Адам А. Е. Три дня июня 1941. Минск // Новый мир. 2002. № 12. С. 131—136.

[2] БГМИВОВ. Н/В 14530; НАРБ. Ф. 1346. Оп. 1. Д. 157. Л. 1—3. Опубликовано: Беларусь в первые месяцы Великой Отечественной войны... С. 321.

расширение радиуса действия вражеской авиации со всей ясностью показало неэффективность намеченного мероприятия.

Что касается населения Минска в целом, то вопрос о его массовой эвакуации 23 июня не поднимался. Самыми злободневными представлялись ещё проблемы беженцев из западных районов. Поскольку они всё прибывали, Бюро ЦК КП(б)Б образовало, как уже упоминалось, республиканскую комиссию во главе с заместителем председателя СНК В. Б. Гайсиным и приняло решение о создании специальных транспортных пунктов в Минске и других железнодорожных узлах, считавшихся на тот момент безопасными в силу достаточной удалённости от границы: Слуцке, Борисове, Заславле, Смолевичах, Пуховичах, Бобруйске Жлобине и Орше. В Минске таким транспортным пунктом стал пересыльный пункт военной комендатуры в бывших кавалерийских казармах на улице Красноармейской. В транспортных пунктах беженцы должны были получать питание, медицинское обслуживание, в случае необходимости — денежную помощь, после чего следовать далее. В постановлении подчёркивалось, что необходимое количество вагонов должно выделяться в первую очередь для семей комсостава. На начальника УНКВД по Витебской области И. Е. Пташкина была возложена обязанность соблюдать порядок на территории транспортных пунктов и создать заслоны для рассредоточения людских потоков, прекратить пропуск в Минск. Примечательно, что сохранявшаяся уверенность в скором позитивном изменении обстановки на фронте породила решение СНК и ЦК КП(б)Б обязать областные и районные советы депутатов трудящихся немедленно устраивать на работу в колхозы, совхозы и на предприятия «всех граждан, находящихся в пути следования, и приостановить дальнейшее движение эвакуированных»[1].

Вместе с тем семьи многих руководителей Беларуси уже 23 июня были направлены в пригород, на дачи ЦК и СНК, ставшие своеобразным сборным пунктом на случай дальнейшей эвакуации на восток. В этот же день вы-

---

[1] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 3. Д. 1214. Л. 2—13.

ехали из города семьи командного и начальствующего состава штаба Западного фронта, а в 9 часов утра 24 июня началась эвакуация семей военнослужащих из военного городка в Уручье[1].

В числе покинувших Минск 23 июня была семья В. Л. Шапиро, отец которого — кадровый военный — являлся начальником библиотеки Дома Красной Армии. Семьи сотрудников ДКА сначала вывезли на грузовиках в пригород Дрозды. По словам В. Л. Шапиро, все очень боялись, разнёсся даже слух, что у немцев есть специальные приборы, позволяющие прослушивать с воздуха разговоры на земле, поэтому следует говорить очень тихо. Ночью, когда Володя, его мать и сестра спали, машины уехали. Утром мать вышла на дорогу и сумела остановить машину с военными, проезжавшими через Минск в направлении Борисова. Горевший Минск изменился до такой степени, что женщина долго не могла найти и показать выезд на Московское шоссе. Запомнился увиденный в пламени пожаров мираж — домик возле озера и ива на берегу. Военные довезли семью до Борисова, где она смогла сесть в эшелон и выехать в Новосибирск[2].

К концу 23 июня обстановка на Западном фронте значительно осложнилась. Отступление частей 3-й армии Западного фронта в юго-восточном направлении и 8-й армии Северо-Западного фронта в северо-восточном привело к возникновению свободного «коридора» шириной около 100 км, по которому беспрепятственно устремился от Вильнюса к Минску 39-й механизированный корпус 3-й танковой группы генерала Г. Гота. Со стороны Бреста продолжалось неуклонное наступление на Минск 47-го механизированного корпуса 2-й танковой группы генерал-полковника Г. Гудериана. Во второй день войны противник захватил крупные районные центры БССР — Гродно Белостокской области, Кобрин и Пружаны Брестской области, Вороново Барановичской области и др. Однако Главное разведывательное управление Генштаба РККА, по сути, не оценило опасности глубо-

---

[1] Руссиянов И. Н. Указ. соч. С. 19.

[2] Воспоминания В. Л. Шапиро. Личный архив И. Ю. Воронковой.

ких прорывов противника с целью окружить войска Западного фронта в районе Белосток — Минск. Подтверждением этому является составленная им разведсводка по состоянию на 23:00 23 июня, в которой сделаны губительные выводы о положительных в целом действиях советских войск в течение 22—23 июня и низких темпах продвижения противника[1]. Причём эти выводы находились в прямом противоречии с содержанием сводки.

Тревожными фактами, касавшимися боевых действий в полосе Западного фронта, была насыщена и Оперативная сводка штаба фронта, составленная в 22:00 23 июня. Однако в отношении Минска её строки звучали достаточно оптимистично: «Налёты на Минск авиацией противника продолжаются, но успешными действиями зенитной артиллерии и истребительной авиацией нападения успешно отражаются»[2].

---

[1] Иринархов Р. С. Западный Особый... Минск, 2002. С. 278.

[2] ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 10169. Д. 7. Л. 32—34. Опубликовано: На земле Беларуси: канун и начало войны... С. 419.

Глава 4

24 ИЮНЯ

24 июня перечеркнуло все надежды минчан на благополучный исход событий.

В час ночи на совещании в Совнаркоме БССР ещё решались вопросы об оказании помощи беженцам из западных районов, так как, по осторожному высказыванию заместителя председателя СНК И. А. Крупени, «к этому периоду количество беженцев приняло довольно большие размеры»[1].

В 8:40 утра прозвучал сигнал воздушной тревоги. В 9:40 началась первая массированная бомбардировка Минска, в которой участвовало 47 самолётов. За ней с небольшими перерывами последовали другие налёты. В материалах из личного архива П. К. Пономаренко сообщается, что в этот день было не менее 18 бомбардировок силами по 35—40 самолётов каждая[2]. Этот ад продолжался до 21 часа.

Минчане, которым некогда пришлось пережить в своём родном городе события Первой мировой войны, безусловно, не могли не вспомнить и не сравнить первую германскую атаку с воздуха без малого 26 лет назад — в ночь с 1 на 2 октября 1915 г., когда немецкий дирижабль сбросил на город 43 бомбы. Причём история распорядилась так, что в 1916 г. три немецких аэроплана налетели на Минск, где располагался штаб войск Западного фронта, 22 июня, в день, который спустя десятилетия станет знаковым. Поскольку специальных зенитных орудий тогда ещё не было, противника встретили огнём из всех видов стрелкового оружия и артиллерийских орудий, приспособленных для поражения воздушных целей. Немцы заторопились и сбросили 23 бомбы и зажигатель-

[1] Цит. по: Беларусь в первые месяцы Великой Отечественной войны... С. 66.

[2] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 637. Л. 86.

ный снаряд хаотично в районе Серебрянки, Виленского железнодорожного вокзала, близлежащей к нему Коломенской улицы (в настоящее время улица Свердлова) и в торговой части города. Разрушений практически не было, лишь во многих домах вылетели стёкла.

Совершенно иную картину оставили события 24 июня 1941 г., самого, пожалуй, трагического из шести военных дней, предшествовавших оккупации Минска противником.

Из отчётных материалов СНК БССР от мая 1942 г.: «В 9 часов 40 минут город Минск был подвергнут ожесточённой бомбардировке зажигательными и фугасными бомбами... Спустя 30 минут... был совершён вторичный налёт крупного эшелона противника, который нанёс ещё большие разрушения и вызвал новые очаги пожара... Затем периодически, через каждые 20—30 минут, волнами совершались налёты крупных эшелонов, продолжавшиеся до 9 часов вечера... К концу дня работа промышленности, учреждений и торговых предприятий города была парализована...»[1]

Значительно «очеловечивают» это бесстрастное сообщение личные заметки заместителя председателя СНК БССР И. А. Крупени. Будучи далеко не сентиментальным, он, тем не менее, написал в 1942 г. следующие строки: «И вот наступил третий день войны — 24 июня 1941 г. Кто был в этот день и ночью в Минске, тот может сказать: из всего страшного, что я видел в жизни, самое страшное было здесь. Минские электростанции разрушены. Одна из них охвачена огнём... Повреждены трамвайные пути — изрыты воронками, валяются обломки рельсов и шпал, порваны электропровода. Раскиданы как пушинки камни, которыми были вымощены улицы. На перекрёстке Советской и Урицкого лежали опрокинутые [трамвайные] вагоны, превратившиеся в братскую могилу людей всех возрастов. В лучших магазинах города, размещавшихся по Советской и Ленинской улицам, царил хаос: пробиты осколками бомб прилавки, полки, стены. Продукты, пересыпанные осколками стекла от

[1] БГМИВОВ. КП-34535.

люстр и окон, валялись на полу, на тротуарах. В 3-м Доме Советов (сохранившийся до настоящего времени жилой дом на перекрёстке улиц М. Богдановича и Сторожёвской. — *И. В.*) женщины и дети решили укрыться в подвале многоэтажного дома. Взорвавшаяся рядом бомба вызвала пожар. Все подъезды и подходы были охвачены пламенем. Там погибло более 100 человек...»[1]

Действительно, многие минчане сгорели или задохнулись от дыма в плохо приспособленных для укрытия подвалах домов. Подобная трагедия произошла, по утверждению её свидетелей, и в подвале жилого дома на перекрёстке улиц Кирова и Володарского (этот дом по улице Кирова, 11 сохранился до наших дней).

По свидетельству бывшего заместителя командира кавэскадрона минской милиции Л. Н. Гинзбурга, одна из первых бомб упала на Центральную аптеку и Детский универмаг на перекрёстке Советской и Ленина. Много погибших лежало на улицах, среди них были дети. Около разбитого моста через реку Свислочь на улице Ворошилова было восемь погибших, их похоронили неподалёку, возле стадиона «Динамо». В тот страшный день погибла и семья Л. Н. Гинзбурга[2].

Минчане, погибшие на глазах у родных, или извлечённые из-под завалов и опознанные, были похоронены на городских кладбищах. На Военном кладбище сохранились могилы погибших 24 июня Александра Фёдоровича Белятко, 1892 года рождения, и его двадцатилетней дочери Веры; Веры Фёдоровны Леонович, не дожившей до 30 лет; Марии Петровны Качеревской. Жена и дети похоронили Ивана Петровича Статкевича, жизнь которого унесла бомбардировка 26 июня. Рядом с ними покоятся и другие жертвы страшных июньских дней: оплаканный матерью тринадцатилетний подросток «Мишенька Лабенский»; отец и дочь Фроловы — Леонтий Фадеевич и Раиса Леонтьевна; Ада и Валерий Ритиковы и др.

Некоторые минчане были похоронены прямо на месте гибели. Вот что вспоминает Л. С. Касмович: «Настоя-

---

[1] БГМИВОВ. КП-34535.

[2] Там же. КП-34362.

щая война в Минск пришла уже 24 июня: утром объявили тревогу, стали слышны взрывы бомб, началась массированная бомбардировка города. После обеда сплошная лавина огня приблизилась к нашему дому со стороны улицы Куйбышева... Рядом с нашим домом размещался милицейский детский сад с большим фруктовым садом (семья жила на улице Красной, 7, в соседнем доме под номером 9 находился детский сад № 2 НКВД. — *И. В.*). Сюда начали стекаться люди со стороны пожарища, а потом и больные из военного госпиталя, размещённого близко от нас. Мы также вышли в этот сад, вынесли необходимые вещи, сложили их возле дерева. Послышался гул самолётов. Когда отец крикнул: "Ложись!", я упал и услышал свист, который усиливался, а потом и грохот близкого взрыва бомбы. Земля подо мной не просто задрожала, а прошла волной. Когда рассеялся дым, я встал и увидел, что дерево сломало, возле его основания — воронка от взрыва бомбы, вещи наши порваны и разбросаны, а мама, отец, бабушка и Миша... (М. А. Касмович, двоюродный брат автора воспоминаний, работал на заводе им. С. М. Кирова. — *И. В.*) убиты... Мне стало страшно, и я пошёл к тёте Зине на Грушевскую... 28 июня мы с лопатами отправились на Красную, чтобы похоронить погибших... после войны тут началось строительство, и могила исчезла»[1].

Отец автора этих скорбных строк — Степан Васильевич — до войны преподавал в педагогическом техникуме, мать — Ульяна Павловна — работала методистом в techникуме пединституте. Погибшую вместе с ними бабушку звали Анна Ивановна Карачко.

Это были первые, но, к несчастью, не последние жертвы войны в большой семье Касмовичей, в истории которой, как в капле воды, отражена трагедия тысяч минских семей, разрушенных военным лихолетьем. Старшего сына Анатолия война застала на службе в армии на Украине, с фронта он не вернулся. Троих детей упомянутой выше тёти — Зинаиды Павловны Русако-

[1] Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Мінска... Кн. 4. С. 257—258. Перевод с бел. И. Ю. Воронковой.

вой — Аркадия, Анатолия и Анну, отец которых был евреем, оккупанты схватили и увезли в неизвестном направлении. Сама она попала в лагерь на улице Широкой по подозрению в помощи партизанам, но сумела бежать. Её муж — Ефим Соломонович Русаков, который до войны заведовал магазином в Грушевском посёлке, был мобилизован в армию 23 июня 1941 г., прошёл всю войну и после победы вернулся домой. Дочь ещё одной тётки — Ираида Ивановна Гаранович, воспитательница детского сада, проживавшая в Минске на Слонимской улице, с 1942 г. жила и учительствовала на родине матери в Несвижском районе, там была арестована за сотрудничество с партизанами, брошена в Колдычевский лагерь на территории Барановичского района, где погибла весной 1944 г. Вдова и семилетний сын двоюродного брата Анатолия Александровича Касмовича, работавшего некогда в Госплане и репрессированного в 1937 г., — Бина Данцигер и Евгений, в начале оккупации ушли из своей квартиры в Доме специалистов на улице Советской, направляясь в западные районы Беларуси, дальнейшая их судьба неизвестна. Наконец, тесть автора воспоминаний — Антон Иосифович Адашкевич, проживавший некогда в Восточном переулке, работавший проводником на железной дороге и мобилизованный в армию в Минске, погиб на фронте[1].

Из воспоминаний военного коменданта Минска Ф. М. Багреева: «24 июня около 10 часов воздушный наблюдатель на воротах двора управления доложил мне, что на город летит “туча” самолётов. Я вышел во двор и в бинокль увидел в строю большую группу самолётов, которые при приближении к городу разошлись веером, и на окраину города уже полетели бомбы... Налёты продолжались периодически один за одним в течение 2—3 часов... Город во многих местах горел, началась паника в городе, в который к этому времени было заслано много диверсантов. На улицах лежали убитые граждане, то ли от бомбёжки, то ли от рук диверсантов...»[2]

[1] Памяць. Гісторыка-дакументальная хроніка Мінска... Кн. 4. С. 257—258. Перевод с бел. И. Ю. Воронковой.

[2] БГМИВОВ. Н/В-7989.

Вот как запомнил этот жуткий день П. А. Лидов: «В 8 часов встал... Наши пришли из подвала... Галя (жена. — *И. В.*) сходила на рынок и, как всегда, приготовила замечательный весенний завтрак... Садимся за стол. Стараюсь быть весёлым, шучу с дочерью. — Повезло тебе, Светлана. Никто из твоих школьных подруг не был под бомбёжкой, а ты побудешь. Это очень интересно. Вот будут они тебе завидовать осенью! У Светы загораются глазки, — это, наверно, действительно интересно. Она очень рада. Сильный гул моторов прерывает разговор. Бросаемся к открытому окну. Высоко в небе прямо на нас идёт целая армада бомбардировщиков. Несколько секунд мы рассматриваем их, Светлана считает и успевает насчитать 27. Слышна стрельба зениток... Раздаётся какой-то свист страшной силы, скрежещущий, воющий свист. Взрывы где-то близко, один, другой, третий — много взрывов. В комнату врывается буря, распахивается дверь, и я отчётливо ощущаю, как шатается весь... дом. Потом всё проходит, и взрывы слышны где-то далеко. Спускаюсь в подвал, где теперь собрались все жильцы и служащие гостиницы... Стараюсь шутками развеселить приунывших женщин. Одну из них, мечущуюся и причитающую в панике, уговариваю замолчать, потом топаю на неё, угрожаю вывести. Другая бросается ко мне и шепчет: "Посмотрите, вон генерал. Какое он имеет право здесь прятаться? Почему он нас не защищает?" — Говорю ей: "Какое вам дело. Оставьте генерала в покое. Идите займитесь своим ребёнком, развлеките его, старайтесь, чтобы он видел поменьше слёз". Третья плачет, а её дочь поочерёдно подбегает ко всем взрослым с вопросом: "Скажите, нас убьют?"... В вестибюль вносят с улицы мальчика лет 13. Он сидит на носилках. Его голое тело осыпано землёй и известью, он плачет и размазывает по телу кровь...»[1]

Артистам МХАТа, жившим в гостинице «Беларусь», врезались в память погибшие, которые лежали и в развалинах дома напротив, нелепо выглядевшие красивые цветочные вазоны, чудом оставшиеся стоять в проёмах

[1] Тетрадь Петра Лидова....

окон. В перерыве между бомбёжками сотрудники постановочной части МХАТа бросились в ДКА, чтобы узнать о судьбе театрального имущества. Оказалось, что бомба разрушила как раз правую часть здания, где хранились декорации и костюмы стоимостью 1,5 млн рублей. Однако в сложившейся ситуации вывезти их всё равно бы не удалось. Спустя время, уже после освобождения Минска, руководство МХАТа всё-таки попыталось уточнить судьбу своего имущества. Сохранилась телеграмма-молния от 15 сентября 1944 г., направленная по двум адресам — секретарю ЦК КП(б)Б по пропаганде Т. С. Горбунову и начальнику Комитета искусств при СНК БССР писателю П. Пестраку: «Прошу телеграфьте ответ сохранилось ли доме красной армии имущество мхат гастрольной поездки 1941 года = директор мхат москвин». В Минске на бланке телеграммы была сделана следующая пометка за неразборчивой подписью: «1) Костюмов нет. 2) Декорации сохранились». По получении ответа предполагался приезд в Минск помощника директора МХАТа Ф. М. Михальского, о чём свидетельствуют телеграммы из Москвы от 23 и 25 сентября 1944 г.[1] Однако состоялся ли этот визит, и чем закончилась история с мхатовскими декорациями, история умалчивает.

Свидетелем первой утренней бомбардировки был белорусский писатель И. Ф. Кудрявцев. Как раз в это время он, тогда студент филологического факультета БГУ, сдавал экзамен по истории СССР: «Экзаменатор К. Шабуня, член-корреспондент АН БССР, ходил по аудитории, слушал очередного студента — то внимательно, сосредоточенно, то, казалось, как-то отстранённо, и оборачивался в сторону вокзала (отсюда, с третьего этажа биологического корпуса университета, он был как на ладони). Подошла моя очередь... Когда закончил говорить по третьему вопросу, в аудиторию из открытого окна неожиданно ворвался непонятный гул. С каждой минутой он всё крепчал и крепчал и вскоре был заглушён близкими протяжными взрывами. Мы все кинулись к окну и увидели вокзал в столбах дыма, пепла, огня. Онемев, всматрива-

[1] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 47. Д. 7. Л. 266, 269, 280.

лись в это безумство смерти, которое творилось так близёхонько от нас, на наших глазах... Это был первый налёт на Минск, первая его бомбёжка. Мы вскоре покинули аудиторию и подались кто куда. Конечно, никто из нас не знал, состоится ли, согласно расписанию, следующий экзамен. А кто мог представить, что через четыре дня в город войдут немцы?..»[1]

Из дневника писателя Я. Мавра: «9 часов — стальной густой треугольник из 40 самолётов. Город запылал. А дальше — через каждые 15 минут. "Хоть бы передышку дали!" — крикнула одна женщина в очереди за хлебом. Пришла страшная ночь. Море огня и дыму. Часа в два вдруг взрывы бомб. Но самолётов нет. Оказывается, это были бомбы замедленного действия. Мужественная смерть электростанции»[2].

Минчанка В. И. Ваньшина: «...Моя сестра стала плакать: "Я боюсь!" И попросила маму взять её с собой на работу... Началась сильная бомбёжка. Выглянув из ямы, я была в ужасе: сколько было самолётов! Сейчас, когда вижу стаю ворон, сразу вспоминаю эту картину в небе. А бомбы летели, похожие на чёрточки... И наступила ночь. Минск горел так, что было светло, как днём»[3].

Оперативная сводка № 5 штаба Западного фронта по состоянию на 22:00 24 июня зафиксировала: «В воздухе полное господство авиации противника, город Минск в течение дня подвергался многократным бомбардировкам волнами численностью от 8 до 50 самолётов. В городе большие пожары и разрушения...»[4]

Более подробная информация содержалась в Разведывательной сводке № 5 штаба Западного фронта по состоянию на 23:00 24 июня: «В течение 24 июня 1941 г. Минск подвергался неоднократным бомбардировкам

[1] Кудраўцаў І. З памяці здабытае... // Літаратура і мастацтва. 2003. 4 ліп. Перевод с бел. И. Ю. Воронковой.

[2] БГАМЛИ. Ф. 290. Оп. 1. Д. 64. Л. 1—1об. Опубликовано: Неман. 1989. № 11. С. 131—133; Беларусь в первые месяцы Великой Отечественной войны... С. 112—116.

[3] Минчанка Валентина Ваньшина: «Я до сих пор не понимаю, как мы всё это пережили»...

[4] ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 10169. Д. 7. Л. 35—37. Опубликовано: На земле Беларуси: канун и начало войны... С. 427.

группой до 60 бомбардировщиков с применением пикирования... По данным двух пленных лётчиков, над Минском действовали "Мессершмитт-110" с кёнигсбергского аэродрома. Лётчики прибыли 23 июня 1941 г. из Берлина на Кёнигсберг и через 5 часов направились в полёт... Над Минском действовали с высоты 1800—2000 м... Бомбардировщиков сопровождают истребители из расчёта 8 истребителей на 30 бомбардировщиков. Возрастной состав лётчиков — до 40 % молодых лётчиков...»[1]

Заметим, что созданное 24 июня 1941 г. при СНК СССР Советское информационное бюро в первом сообщении от 24 июня заявило, что в этот день «в ответ на **двукратный** налёт немецких бомбардировщиков на Киев, Минск, Либаву и Ригу советские бомбардировщики трижды бомбили Данциг, Кёнигсберг, Люблин, Варшаву и произвели большие разрушения военных объектов...»[2]

В перерывах между бомбёжками по радио звучали настойчивые призывы к населению покинуть центральные кварталы. Но многие, особенно старики, женщины и дети, просто не успели этого сделать. По свидетельству секретаря ЦК КП(б)Б Н. Е. Авхимовича, немецкие самолёты «спускались ниже верхних этажей зданий на Советской улице (при том, что застройка этой центральной улицы Минска не отличалась многоэтажностью. — *И. В.*) и из пулемётов били по окнам...»[3]

Из воспоминаний Л. П. Булата: «Почти у самого дома увидел на "бреющем" самолёт. Казалось, прямо на меня летит. В переулке я был один и, глядя на воющего "крестоносца", почему-то замер. И тут буквально в метре — полоска вздыбившихся песчаных фонтанчиков... А в кабине отчётливо виден пилот... показалось, что он смотрит прямо на меня...»[4]

Минск бомбили фугасными и зажигательными бомбами, поэтому к разрухе прибавились пожары, огонь

---

[1] ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 3038. Д. 15. Л. 7—9. Опубликовано: На земле Беларуси: канун и начало войны... С. 428.

[2] Сообщения Советского Информбюро: в 8 т. М., 1944. Т. 1. С. 3—9.

[3] НАРБ. Ф. 750п. Оп. 1. Д. 125. Л. 47об. — 50. Опубликовано: Беларусь в первые месяцы Великой Отечественной войны... С. 276.

[4] Булат Л. А завтра была война... // Труд. 2001. 21 июня.

молниеносно перебрасывался от здания к зданию. По свидетельству Г. Д. Мурашко, который до войны заведовал кабинетом молодого автора при Доме писателей, а с 5 августа 1943 г. под псевдонимом «Микита» являлся агентурным разведчиком десантированной под Минском группы специального назначения ЦШПД и БШПД под командованием майора С. И. Казанцева, «зажигательные бомбы и специальные зажигательные пакеты с самолётов, жидкий фосфор в руках диверсантов на земле — всё было использовано, чтобы уничтожить сердце города — его центр»[1].

В центре Минска особенно пострадали улицы Советская (пр. Независимости), Володарского, Урицкого (Романовская Слобода), Комсомольская, Ленина, Красноармейская, Свердлова, Долгобродская (Козлова), Провиантская (Захарова), Пролетарская, Коммунистическая (две последние располагались в районе нынешних Октябрьской площади — улицы Я. Купалы) и др.

Минчанка Е. П. Майзлес, позже ставшая партизанкой, рассказала после выхода за линию фронта в октябре 1942 г. следующее: «Вследствие бомбардировки 24 июня были уничтожены и сожжены следующие улицы: начиная от университетского городка до Комаровских вил (так минчане называли место, где расходятся сегодня проспект Независимости и улица Я. Коласа. — *И. В.*) по Советской улице все дома уничтожены, за исключением отдельных домов. Улица К. Маркса почти полностью сохранилась. Район Ляховки уничтожен до моста. Заводы остались целы. Район улицы Провиантской полностью уничтожен пожаром. Все улицы, прилегающие к району оперного театра, уничтожены до завода Беларусь, по улице Коммунистической сохранились отдельные дома, такие как школа АБВШ (имеется в виду Объединённая Белорусская военная школа, размещавшаяся в здании, где сегодня находится Суворовское училище. — *И. В.*). Пушкинская улица полностью сохранилась, как и все окраины и рабочие посёлки. Полностью уничтожены Комсомольская, Пролетарская, Красноармейская от библиоте-

[1] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 611. Л. 46—61.

ки Ленина до завода Кирова. Вокзалы — пассажирский и товарная станция, а также аэродром целы»[1].

Подробнейшее описание разрушений Минска в первые дни войны дал в 1944 г. агент разведывательной спецгруппы майора С. И. Казанцева — писатель Г. Д. Мурашко. По его данным, «целиком уничтожена бомбами с немецких самолётов и возникшими... пожарами Советская улица от Комаровки и почти до Западного моста»[2]. Здесь на стороне с нечётной нумерацией домов уцелели считанные здания: Дом правительства; Красный костёл (костёл св. Симеона и Елены); клуб Белорусского общества слепых по улице Советской, 17; так называемый 1-й Дом Советов по Советской, 19, где жили в основном профессора БГУ (все здания сохранились до наших дней); Педагогическое училище (находилось на перекрёстке сегодняшних проспекта Независимости и улицы Я. Купалы, снесено после войны); штаб ВВС ЗапОВО (его здание на проспекте Независимости сохранилось, оно по-прежнему принадлежит военному ведомству); большой дом под номером 179, в котором жили многие представители органов власти (сегодня его адрес — проспект Независимости, 43).

На стороне с чётной нумерацией по улице Советской уцелели два жилых дома напротив прижелезнодорожного бульвара (сохранились до наших дней), здания Университетского городка, кроме сильно повреждённого бомбой главного корпуса, где размещался штаб ЗапОВО, квартал напротив Дома правительства.

По нечётной стороне улицы Советской граница уничтожения определялась выгоревшими улицами Ленинской, Школьной, Д. Бедного, Немигой, начиная от бывших Рыбного базара, Мясницкой и Подзамковой; Нижним базаром, половиной Торговой улицы до 1-го отделения милиции на Торговой, Красноармейской, Пролетарской (находилась в районе современной Октябрьской площади), Садовой (в настоящее время Я. Купалы) и дальше вплоть до Комаровки. Здесь северо-западная линия пожара начи-

[1] НАРБ. Ф. 1450. Оп. 11а. Д. 8. Л. 42об—43.

[2] Там же. Ф. 4 п. Оп. 33а. Д. 611. Л. 46—61.

налась от улицы М. Горького (сегодня М. Богдановича) у площади им. Парижской Коммуны, перерезала на половине Мопровскую улицу, доходила до Братского кладбища на Сторожёвке и упиралась в Комаровское болото. Здесь уцелели лишь части некоторых улиц: Интернациональной, Бакунина, Коммунально-Набережной, Октябрьской, Революционной, Комсомольской, Коммунистической, Горького, Володарского, Урицкого, Сторожёвской, площадей Свободы и Парижской Коммуны.

По чётной стороне улицы Советской граница разрушений проходила по условной линии, от железнодорожного пассажирского вокзала до переезда на слиянии Свердловской улицы с Червеньским трактом, проходила на север до Ляховки у Свислочи по Кожевенной улице, захватывала всё восточное продолжение улицы Красноармейской, станкостроительный завод им. С. М. Кирова, поднималась вдоль парка им. М. Горького на север, захватывала мостик на улице Провиантской (Захарова), поднималась на северо-восток, захватывала весь район, определявшийся улицей Долгобродской, удалялась на северо-восток до места пересечения с условным перпендикуляром, протянутым от Комаровки в районе «Комаровских вил» (площадь Я. Коласа). Здесь полностью уцелела лишь улица Ленинградская, незначительно — Свердловская, К. Маркса, Ленинская, Кирова, Энгельса, Красноармейская, Долгобродская (та её часть, которая переименована в улицу Козлова).

В пожарах и при бомбардировках первых дней войны были разрушены: станкостроительный завод им. С. М. Кирова, весовой завод «Ударник», электростанция № 1, фабрики: картографическая, кондитерская «Коммунарка», галантерейная им. М. В. Фрунзе, швейная «КИМ», трикотажная «Красный текстильщик», щёточная им. Н. К. Крупской, обувная индивидуального заказа, типография газеты «Звязда», литография типографии им. И. В. Сталина, в одном здании с которой находился Литфонд, книжная база Белгосиздата, библиотечный коллектор Минской области, Госбанк и Коммунальный банк, Дом связи с центральным почтамтом и телеграфом, НИИ физиатрии, орто-

педии и неврологии, НИИ туберкулёза, оба родильных дома, клиника детских болезней, детская больница, Центральный детский диспансер, туберкулёзный детский диспансер, зуболечебница Красного Креста, кинотеатры «Родина», «Красная звезда», «Спартак», «Детский», гостиницы «Европа», «Беларусь», 2-я Советская, универмаг, детский универмаг № 1, крупнейшие гастрономические, книжные и другие магазины, столовые, клубы, другие объекты.

«Таким образом, — заключает свой печальный обзор Г. Д. Мурашко, — выгорел весь центр города с лучшими зданиями, остатки которых немцы взорвали, ища золота и драгоценностей, а также собирая и увозя в Германию всю арматуру и металлолом». В частности, с городских скверов на Советской улице и площади Свободы были сняты металлические решётки и перила[1].

В те дни Минск лишился и многих зданий исторического значения, в том числе музейных, культовых сооружений, другие были сильно повреждены. К примеру, судьбу почти полностью выгоревшей улицы Пролетарской (проходила между проспектом Независимости и улицей Интернациональной, от улицы Ленина до улицы Я. Купалы, в настоящее время не существует) разделил дом постройки XVIII века, стоявший в районе современной Октябрьской площади, который некогда принадлежал семье известных магнатов Сапегов и в котором в 1706 г. останавливался российский император Пётр I. Сгорел дом на улице Сторожёвской, где в своё время жил революционер И. П. Пулихов, казнённый в 1906 г. за покушение на минского губернатора П. Г. Курлова. Сгорели со всеми экспонатами Музей революции БССР и его филиал — Дом Первого съезда РСДРП. (Последний был заново выстроен в 1948 г., но передвинут ближе к реке Свислочь.) Взрывной волной был снесён купол Свято-Александро-Невского храма на Военном кладбище, загорелась крыша, но вскоре, по свидетельству очевидцев, пламя потухло само. Этот храм был закрыт советскими властями в 1938 г., немцы же не препятствовали возобновлению богослужений, поэтому 5 июля 1941 г. он был

[1] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 612. Л. 1—5.

освящён, купол восстановлен, а накануне освобождения, в 1944 г., в подвале храма некоторые жители Минска спасались от угона в Германию.

Спустя почти год после начала войны военкор «Правды» П. А. Лидов, много повидавший на фронте, но никогда не забывавший о Минске, где ему и его семье впервые пришлось столкнуться с тяжёлой военной действительностью, опубликует очерк «На развалинах Минска и Витебска». В нем он с болью напишет, что белорусская столица после бомбардировок напоминала «развалины Помпеи, погребённые в лаве и пепле при извержении Этны»[1].

Уже в первой половине дня вышли из строя электроснабжение и водопровод, прекратили работу хлебозаводы и магазины, предприятия и учреждения, городской транспорт. Городские и добровольные пожарные отряды, санитарные дружины, группы самозащиты из последних сил пытались выполнить свой долг: вытаскивали из-под завалов раненых, пока была вода, боролись с огнём. В этой неравной схватке участвовали 400 бойцов шести минских пожарных команд под руководством начальника Управления пожарной охраны НКВД БССР А. Козаченко. В их распоряжении было всего 17 автоходов. При бомбардировках и ликвидации пожаров погибли начальник отдела пожарной охраны Минской области Евнин, начальник политотдела Управления пожарной охраны НКВД БССР Федченко, заместитель начальника учебного отряда по политчасти Жигалов, десятки рядовых пожарных[2]. Пожарные во главе с А. Козаченко покинули Минск вместе с последними частями Красной Армии, ушли на восток. В дальнейшем они участвовали в тушении пожаров в Орше, Могилёве, Витебске, Ярцево, Смоленске[3].

Несомненно, многим минчанам вспомнились в тот день довоенные учения МПВО, первое из которых состоя-

---

[1] Лидов П. А. На развалинах Минска и Витебска // Правда. 1942. 15 апр.

[2] Тетерник А. Белорусские пожарные в годы Великой Отечественной войны // Служба спасения 01. 2004. Июнь.

[3] Яковчук В. И. Пожарная служба Беларуси. История развития. Минск, 2005. С. 179—180.

лось 26—27 августа 1936 г. По его сценарию противник сбрасывал на Минск не только фугасные и зажигательные, но и химические бомбы, чего, к счастью, в действительности не случилось[1]. Зато сценарий учения, состоявшегося в начале сентября 1940 г., с мистической точностью предвосхитил реальные события, разыгравшиеся год спустя. Газета «Советская Белоруссия» писала об этих учениях: «Перед их началом завыли сирены. Радиорупоры объявили: "Воздушная тревога!" Зенитная артиллерия открыла "огонь" по самолётам. Нескольким из них удалось прорваться в город. "Бомбы" упали на площадь Свободы. "Загорелась" гостиница "Европа". В сквере много раненых...»[2]

24 июня 1941 г. так и случится: сгорит крупнейшая в столице шестиэтажная гостиница «Европа» — одно из красивейших, ещё дореволюционных зданий на перекрёстке площади Свободы и улицы Ленина. А спустя короткое время оккупанты, предпринимавшие некоторые меры для очистки центра города от руин, взорвут оставшиеся от него развалины.

Немецкие лётчики бомбили Минск прицельно, по данным аэрофотосъёмки, полученным уже в ходе первых полётов над городом 23 июня. Варианты этой аэрофотосъёмки, сохранившиеся у одного из бывших немецких военнослужащих, через много лет после войны были переданы его родственниками в Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны. Роль аэрофотосъёмки в ходе прицельной бомбардировки Минска подчёркивал П. К. Пономаренко: «Немецкая авиация проводит огромную разведывательную работу. Широко применяется фотосъёмка. Город сначала тщательно разведывают, а потом бомбят. К примеру, во время бомбардировки Минска, на здание ЦК, штаб округа, НКВД и штаб ВВС самолёты специально пикировали и здания разнесли вдребезги»[3]. Позволим, однако, не согласиться со второй частью данного утверждения: все перечисленные здания не были «разнесены вдребезги», а получили

[1] Звязда. 1941. 28 жн.

[2] Советская Белоруссия. 1940. 7 сент.

[3] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 637. Л. 86.

лишь частичные повреждения и после войны были восстановлены, за исключением старого здания ЦК.

Во время первого утреннего налёта бомба попала в левое крыло Дома правительства, после чего сотрудники СНК, наркоматов и Верховного Совета, которые там располагались, вынуждены были перебраться в другие помещения. Совнарком разместился вначале в здании Кинотехникума, а потом в пригороде Слепянка. Там, согласно отчётным документам СНК, были «приняты меры по обеспечению населения хлебом на 25.06, водой, по восстановлению 2-й ГЭС, по сбору дневной выручки от торгующих организаций в связи с прекращением банковских операций»[1]. Однако, какие конкретно это были меры и удалось ли их претворить в жизнь, документ умалчивает.

Бомба разрушила одну из стен здания ЦК, несколько человек погибли. По свидетельству Н. Е. Авхимовича, была попытка обосноваться в подвалах нового, недостроенного здания ЦК, однако работать там было трудно, так как всё помещение было отдано под убежище семьям работников Центрального комитета. Руководящий состав ЦК практически весь день оставался в убежище в спортклубе, где наладили связь с командным пунктом фронта, на котором большую часть времени находился П. К. Пономаренко.

Совсем другую картину рисует П. А. Лидов, утверждая, что «штаб» находился именно в подвалах нового здания ЦК и связи с командованием фронта там не имели: «Решено перейти в подвал напротив, под новым недостроенным зданием ЦК... Иду в тот конец подвала, где находится своего рода оперативный штаб ЦК. Приводят Эйдинова, он был контужен взрывной волной в вестибюле ЦК, упал и по нему пробежало несколько десятков человек. Он сидит в полузабытьи, держа на коленях свою дочь. Проходит час, и он, оправившись от потрясенья, уже у телефона, устанавливает связи, отдаёт распоряжения. Гаснет электричество. Электростанция разрушена.

---

[1] Краткое изложение основных мероприятий, проводимых Советом Народных Комиссаров Белорусской ССР за период Отечественной войны (с 22.06.1941 по 22.04.1942), июнь 1942 г. БГМИВОВ. КП-34535.

Появляются свечи. Разрушен водопровод — пожаров не тушат. Горит вокзал, сгорел завод им. Ворошилова, зажжены цехи строящегося авиазавода. Видимо, повреждена телефонная станция, так как соединение происходит всё медленнее, слышимость ухудшается. Всё же мне удаётся добиться Москвы. Соединяю Эйдинова с одним из заместителей Маленкова, а сам тем временем набрасываю небольшую заметку о бомбардировке Минска. Заканчиваю её бодрым обращением минчан к москвичам и передаю в "Правду" (эта заметка не была напечатана, поскольку её содержание, вероятно, не совсем соответствовало характеру «бодрого обращения». — *И. В.*). Проходит ещё несколько томительных минут. Никто не знает, что происходит, далеко ли немцы. Неизвестно, где штаб округа — связи с ним нет целый день...»[1]

Во время четвёртой бомбардировки было прямое попадание в здание главного корпуса Университетского городка, где размещался штаб Западного фронта[2], при этом был разрушен кабинет Д. Г. Павлова, в котором, к счастью, в то время никого не было. Штаб фронта вынужден был перебраться в подвалы Дома Красной Армии, а затем на запасной командный пункт в районе деревни Боровая под Минском. От прямого попадания авиабомбы было сильно повреждено также здание штаба ВВС фронта на улице Советской[3].

В отношении Минска немцы применили уже испытанную ими в Варшаве и других городах Западной Европы тактику мощного воздушного удара, который наносил гораздо больший ущерб, нежели наземные операции. Но даже они признавали, что по сравнению с Минском сильно разрушенная Варшава производила впечатление нетронутого города. По такой же схеме бомбили Витебск и Смоленск, когда уничтожался весь центр, в том числе жилые кварталы, и лишь частично — окраины, где располагались промышленные предприятия.

---

[1] Тетрадь Петра Лидова...

[2] ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 10169. Д. 7. Л. 28—30. Опубликовано: На земле Беларуси: канун и начало войны... С. 424.

[3] Там же. Л. 35—37. Опубликовано: На земле Беларуси: канун и начало войны... С. 427.

Командующий 2-м Воздушным флотом Германии генерал-фельдмаршал А. Кессельринг позже заявил, что уже 24 июня его лётчики в основном выполнили свою задачу относительно Минска и искали другие цели — отступавшие или находившиеся на марше советские войска[1].

Силы, защищавшие воздушное пространство над Минском, не смогли противостоять такому удару. Как уже упоминалось, в столице Беларуси дислоцировалась 7-я отдельная зенитно-артиллерийская бригада Западной зоны ПВО, которой с мая 1941 г. командовал подполковник А. П. Колесников, уроженец Лиозненского района Витебской области. Начальником штаба бригады был майор Ф. Я. Летугин.

Формирование бригад ПВО, начавшееся незадолго до войны, требовало большого количества командиров-зенитчиков, их готовили по ускоренной программе, новое зенитное вооружение лишь начало поступать. К началу войны зенитно-артиллерийские части Западной зоны ПВО ещё находились в стадии переформирования, они не были полностью обеспечены личным составом и материальной частью, в частности радиолокационными средствами для стрельбы по ненаблюдаемым целям[2].

Основную часть подразделений 7-й бригады ПВО война застала на лагерных сборах под Крупками, куда они были направлены в мае 1941 г. На позициях в Минске оставалось восемь батарей двухорудийного состава. Несмотря на это, 24 июня, в тяжелейшей обстановке, зенитчики сбили шесть вражеских самолётов. Участник этих боёв Г. Захаревич сообщил о случаях, когда из сбитых немецких самолётов спускались на парашютах лётчики в советской авиационной форме, которой немецких пилотов снабжали, вероятно, для того, чтобы иметь шанс затеряться на территории противника.

Красноармейца 191-го отдельного зенитного пулемётного батальона, входившего в состав бригады, В. Л. Башкатова и его товарищей первый день войны застал на полигоне в 4-х км от лагеря под Крупками. По сигналу тре-

---

[1] Kesselring Albert. Soldat bis zum letzen Tag. Bonn, 1953. S. 120.

[2] На земле Беларуси: канун и начало войны... С. 112.

воги зенитчики вернулись в лагерь, где состоялся антивоенный митинг, на котором было объявлено о возвращении к месту постоянной дислокации в Минск[1]. Части и подразделения бригады добрались до столицы лишь 25 июня, вместе с ними прибыл также находившийся в Крупках 7-й отдельный зенитный артиллерийский дивизион из состава 7-й танковой дивизии, дислоцировавшейся под Белостоком. Дивизион был включён в состав 7-й бригады и, по свидетельству В. Л. Башкатова, выполнял задачу обороны «аэродрома и новостройки» (вероятно, имеются в виду аэродром в Слепянке и новостройка авиазавода. — *И. В.*)[2]. Зенитные точки батальона размещались на одном из кладбищ в западной части Минска, В. Л. Башкатов находился у крупнокалиберного пулемёта в расчёте В. И. Трегубенко на крыше Дома правительства.

Заместитель председателя СНК БССР И. А. Крупеня запомнил неизвестного мужественного зенитчика, который не отошёл от своего пулемёта на крыше строившегося здания ЦК КП(б)Б до позднего вечера, пока у него не кончились боеприпасы[3].

Минчанин Н. А. Яницкий, в ту пору тринадцатилетний подросток, вспоминал: «Над Сторожёвкой зенитчики сбили немецкий самолёт. Население кинулось смотреть, что за лётчики? Когда подбежали, один из немцев выхватил пистолет, и одному мальчику пуля попала в ногу. Тогда все остальные жители повыдёргивали колья из плетней и двинулись на этих немцев. И там бы им был конец, но приехала машина “М-1” с энкаведистами, забрали немцев и увезли»[4].

С помощью подкрепления, вернувшегося из-под Крупок, удалось сбить ещё пять самолётов, но 26 июня обстановка в районе Минска обострилась и зенитная бригада по приказу отошла к Борисову[5].

---

[1] АИИ НАНБ. Ф. 1. Оп. 1 персоналии. Д. 3. Л. 1—8.

[2] Боевое донесение штаба 7-го отдельного зенитного артиллерийского дивизиона от 8.07.1941 г. БГМИВОВ. Н/В 26400/23.

[3] БГМИВОВ. КП-34535.

[4] Клімковіч І. Указ. соч. С. 110. Перевод с бел. И. Ю. Воронковой.

[5] Ашкеров В. П. Зенитные войска и зенитная артиллерия. М., 1968. С. 10.

Мы уже упоминали, что к началу массированных бомбардировок столицы действия прикрывавших город 160-го и 163-го авиаполков 43-й истребительной авиадивизии 23 июня были фактически парализованы бомбовыми ударами по аэродрому в Лошице. Но и сохранившие боеспособность силы не представляли для врага серьёзной опасности. Формирование этих полков, как и дивизии, началось только в июле 1940 г.[1] Документы Организационно-мобилизационного управления РККА за подписями командира 43-й дивизии генерал-майора авиации Г. Ф. Захарова и специалистов штаба ЗапОВО констатировали, что на декабрь 1940 г. 160-й полк по мобилизационной готовности был укомплектован на 67 % и поэтому, ввиду неполной обеспеченности самолётами и наличия молодого необученного лётного состава, к выполнению боевых заданий не готов. Такой же вывод был сделан и в отношении 163-го полка, не обеспеченного самолётами и руководящим составом лётчиков[2]. Подобное положение сохранялось и к началу войны: полки испытывали нехватку кадров и материального обеспечения.

Таким образом, Минск не имел должного прикрытия с воздуха. Секретарь ЦК КП(б)Б П. З. Калинин вспоминал по этому поводу следующее: «Наши зенитные части оказывали очень слабое сопротивление. А наши истребители вообще не появлялись в воздухе. Как потом выяснилось, наша истребительная авиация, базировавшаяся вблизи Минска, была уничтожена на аэродромах. Лишь немногим лётчикам удалось подняться в воздух»[3].

К сожалению, следует признать лишь единичные успехи и случаи готовности к самопожертвованию советских лётчиков и зенитчиков. Командир 43-й истребительной авиадивизии Г. Н. Захаров позже заметил, что в сложившейся ситуации командиры полков даже не располагали точными данными о количестве вражеских самолётов, которые всё-таки удалось сбить: «Предположи-

---

[1] РГВА. Ф. 40442. Оп. 2а. Д. 129. Л. 171—176. Опубликовано: Накануне. Западный особый военный округ... С. 144.

[2] Там же. Ф. 40443. Оп. 3. Д. 230. Л. 1—83. Опубликовано: Накануне. Западный особый военный округ... С. 505—506.

[3] Калинин П. З. Партизанская республика. М., 1964. С. 10—11.

тельно считали, что сбито не менее 10»[1]. Очевидцы вспоминают о неизвестном лётчике — герое, который один вступил в бой с 10 немецкими самолётами над Переспой (район Комсомольского озера) и 2 из них уничтожил. Младший лейтенант Ахметов из 163-го полка сумел разогнать на своём истребителе 15 немецких бомбардировщиков, не дав им сбросить бомбы. Командир эскадрильи того же полка майор Плотников во главе шестёрки И-16 вступил в бой с 26 немецкими истребителями, из которых сбили шесть, сами потерь не имели. Если верить документам, лётчики 160-го полка на «Чайках» сбили 27 самолётов, в основном Ю-88, Ме-109 и Ме-110. 24 июня 163-й полк уничтожил 21 самолёт[2]. Один из «Юнкерсов» сбил на своей «Чайке» 23 июня командир звена 160-го авиаполка младший лейтенант А. П. Силантьев (в декабре 1941 г. в боях на Ленинградском фронте он был удостоен звания Героя Советского Союза, впоследствии стал маршалом авиации). Двух бомбардировщиков Ю-88 сбил над Минском командир 43-й дивизии генерал-майор Г. Ф. Захаров. Согласно воспоминаниям генерала, это произошло при его подлёте к Минску в ходе перебазирования полков. К тому же он сообщает, что Минск в указанное время уже горел. Если это так, то получается, что Г. Ф. Захаров прилетел в Минск всё-таки не 22-го вместе с полками, а во второй половине дня 23 июня, когда состоялась массированная бомбардировка Лошицкого аэродрома. Перелетая в Минск, генерал был уверен, что прикрытие города полками его дивизии — задача скорее почётная, чем боевая, и не сразу понял, чьи бомбардировщики летают над Минском под его истребителем на малой высоте. Сообразив, наконец, в чём дело, он спикировал на один из них, который кружил над штабом округа, и сбил длинной очередью. Вражеская машина упала где-то в районе театра оперы и балета. Второй бомбардировщик генерал атаковал и сжёг на окраине города при подлёте к Лошицкому аэродрому[3].

---

[1] Захаров Г. Н. Указ. соч. С. 45—46.

[2] ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2589. Д. 47.

[3] Захаров Г. Н. Я — истребитель. М., 1985. С. 118—119.

На фоне слабого противодействия противнику, нападавшему с воздуха, каждый сбитый немецкий самолёт становился своего рода событием, о котором немедленно информировали население. Так, газета «Правда» опубликовала заметку П. А. Лидова «Конец профессионального разбойника», в которой шла речь о немецком самолёте-истребителе, сбитом в районе Минска 27 июня. Под обломками были обнаружены документы лётчика на имя ефрейтора Ф. Иорда, 25 лет, кавалера Железного креста и знака отличия лётчика-истребителя, который до Восточного фронта участвовал в военных действиях на Средиземном море[1].

Пусть слабое, но всё-таки сопротивление привело к тому, что 25 июня немецкие бомбардировщики начали летать на Минск уже только в сопровождении своих истребителей, хотя ранее самоуверенно считали это лишним.

Что касается жителей Минска, то многие из них с надеждой передавали из уст в уста неизвестно откуда появившийся слух, что утром 24 июня 400 советских самолётов бомбили Берлин. П. А. Лидов пишет: «Радость была настолько велика, что, казалось, все забыли о собственных страданиях»[2]. Надо сказать, слух не был лишён основания — в этот день советская авиация действительно впервые нанесла удар по Кёнигсбергу (в настоящее время Калининград, Россия), Данцигу (Гданьск, Польша), другим городам на территории противника, о чём сообщила сводка Совинформбюро.

Положение в Минске приблизилось к критическому. П. К. Пономаренко позднее вспоминал: «События нарастали столь стремительно, что... ЦК и СНК Белоруссии поставили вопрос об общей эвакуации. После получения от нас шифровки об этом Сталин позвонил и сказал, что санкционирует наше предложение». Вечером состоялся ещё один телефонный разговор, в ходе которого И. В. Сталин посоветовал не забывать об эвакуации лошадей как средства транспорта. Руководитель Беларуси ответил, что та-

[1] Лидов П. А. Конец профессионального разбойника // Правда. 1941. 28 июня.

[2] Тетрадь Петра Лидова...

кие меры уже приняты — во всех узловых транспортных пунктах эвакуации организовано, наряду со снабжением эвакуируемого населения и заправкой горючим машин, снабжение фуражом угоняемого скота и лошадей[1].

Однако факты упрямо свидетельствуют, что в экстремальной ситуации, сложившейся в Минске 24 июня, едва ли не самой главной заботой властей была эвакуация партийных документов. И это не случайно — их утрата на любом уровне расценивалась в те годы как одно из самых тяжких преступлений. Уже говорилось, что ЦК КП(б)Б вынес решение о подготовке к эвакуации секретных архивов и партдокументов ЦК КП(б)Б и ЦК ЛКСМБ во второй половине дня 23 июня. Но ещё утром того же дня с разрешения ЦК ВКП(б) были даны указания всем обкомам, горкомам и райкомам партии, с которыми на тот момент имелась связь, немедленно эвакуировать учётные и другие партийные документы.

Некоторые партийные органы — Каменецкий и Гайновский райкомы Брестской области, Белостокский обком, горком и три городских райкома, а также Гродненский, Ломжинский и Сокулковский райкомы — ещё успели доставить свои документы 24 июня в Минск, где, по свидетельству заведующего отделом транспорта и связи ЦК М. И. Сарычева, уже с утра шла погрузка секретного архива ЦК и учётных дел партийных кадров. Вот как описывает ситуацию П. А. Лидов: «Во дворе [ЦК] на грузовики складываются архивы. Поднимаемся наверх. По тёмным лестницам и коридорам пробегают люди с запакованными в мешки бумагами — мужчины и женщины, работники особого сектора, инструктора ЦК, милиционеры... Машин не хватает. Эйдинов распоряжается часть бумаг сжечь во дворе (в огонь попала значительная часть текущего архива. — *И. В.*). Работающим на эвакуации архивов не хватит места на грузовиках. Они спрашивают, что им делать. Женщин — посадить, мужчинам — кончать работу и вливаться в отходящие части. Но где эти части, их не видно... Многие просят вывезти их семьи. На чём?..»[2]

---

[1] АИИ НАНБ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 7а. Л. 27—28.

[2] Тетрадь Петра Лидова...

Как только вечером был получен непосредственный приказ об эвакуации от командующего Западным фронтом Д. Г. Павлова, архивы, в том числе доставленные из западных районов, были, по словам М. И. Сарычева, «с молниеносной быстротой погружены на машины и под прикрытием темноты отправлены в Могилёв»[1]. Это произошло в 21:00 24 июня[2]. По тому же адресу увезли архивы ЦК ЛКСМБ. Документы Минского обкома и горкома партии, Ворошиловского, Кагановичского и Сталинского райкомов Минска отправили в Москву в сопровождении заведующего Особым сектором обкома И. М. Мироновича[3]. В ночь на 26 июня всё доставленное из Минска партийное имущество, а также документы работавшего до войны в Могилёве партийного архива ЦК КП(б)Б и Могилёвского обкома партии силами местных строительных рабочих и учащихся школы ФЗУ погрузили в восемь железнодорожных вагонов, которые 4 июля прибыли в Москву, а оттуда по распоряжению ЦК ВКП(б) были направлены в Уфу, до которой добрались 10 июля. Примечательно, что документы размещавшихся до войны в Могилёве Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства БССР, Центрального государственного исторического архива БССР, Государственного архива Могилёвской области эвакуированы не были[4].

Не вывезли и Государственный архив Минской области, работавший в белорусской столице. До войны все государственные архивы республики находились в подчинении НКВД БССР. Руководители этого наркомата, в том числе начальник отдела госархивов И. А. Переплётчиков, уехали из Минска, не отдав никаких распоряжений относительно областного архива, которые и отдавать, видимо, было поздно[5]. Когда Минск был оккупи-

[1] БГМИВОВ. Н/В 4715.

[2] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 29. Д. 1. Л. 1—55. Опубликовано: Беларусь в первые месяцы Великой Отечественной войны... С. 33.

[3] Там же. Оп. 33а. Д. 637. Л. 35—39, 41.

[4] Шумейко М. Ф. Собрать рассеянное. О реституции белорусских архивов в прошлом и настоящем. Минск, 1997. С. 51.

[5] НАРБ. Ф. 249. Оп. 5. Д. 3. Л. 7.

рован, из фондов Госархива Минской области немцы изъяли и выбросили прямо на улицу все документы советского периода. Позднее их разместили в подвале, затем ещё несколько раз перемещали по подвальным помещениям. Тем не менее практически все материалы архива чудом сохранились до освобождения, оккупанты не успели их вывезти перед бегством из Минска[1].

Что касается секретных архивов НКВД, а также НКГБ БССР, то, согласно уже упоминавшейся докладной записке П. К. Пономаренко «Об итогах эвакуации из Белорусской ССР» от 17 августа 1941 г., их эвакуировали полностью. По свидетельствам некоторых участников событий, вместе с архивами НКВД НКГБ были вывезены архивы их низовых структур. К примеру, начальник Сопоцкинского районного отделения НКГБ Белостокской области С. Д. Кокорин с сотрудниками сумели доставить в Минск документы райотделения, сдать их в НКГБ, а затем эвакуироваться в Могилёв вместе с аппаратами НКГБ и НКВД[2]. Однако в немецкой официальной переписке 1942 г. можно найти сведения, что «архивы ГПУ» были оставлены в Минске[3]. Как отмечает историк архивного дела М. Ф. Шумейко, пока не удалось установить, о каких именно документах идёт речь.

С архивами Совнаркома, наркоматов и Верховного Совета БССР, находившимися в Доме правительства, возникли непредвиденные сложности. Поскольку уже утром 24 июня повреждённое при первой же бомбардировке здание было оставлено сотрудниками, архивы подготовить к вывозу не успели. После получения приказа об эвакуации заместители председателя СНК И. А. Крупеня, В. Б. Гайсин, А. С. Шавров и секретарь СНК по оборонным вопросам И. П. Кутейников в 23:30 выехали из Слепянки, где к тому времени разместился СНК, в Дом правительства, чтобы проконтролировать отправку секретных дел Совнаркома и наркоматов. Однако эти документы не удалось ни эвакуировать, ни уничтожить. В руки немцев, вошедших через несколько дней в город,

[1] Шумейко М. Ф. Указ. соч. С. 52.
[2] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 64. Л. 214.
[3] Там же. Коллекция микрофильмов. Т. 233. Рол. 21. Кадры 480—482.

попали почти все дела, касавшиеся государственного управления БССР, в том числе списки членов правительства и их семей с указанием адресов, членов Верховного Совета и их семей, ответственных работников Наркомата местной промышленности, руководящих работников ЦК ЛКСМБ, перечень важнейших государственных структур БССР. Были найдены также все мобилизационные дела БССР[1]. В докладной записке от 17 августа 1941 г. П. К. Пономаренко объяснил это следующим образом: «Архив Совнаркома БССР и ряда наркоматов остался в Минске и не уничтожен. Получилось это из-за преступной растерянности, проявленной работниками и Председателем СНК БССР, друг другу поручали вывезти или сжечь и не проследили. Сейчас дело расследуется. Мною был послан отряд 27.VI.1941 г. для уничтожения, но пробраться в Минск уже не мог»[2]. Успели уничтожить лишь секретные документы некоторых наркоматов и Президиума Верховного Совета БССР. На момент составления докладной записки руководители Беларуси ещё не знали, что часть документов СНК, среди которых были подлинники протоколов заседаний и постановлений СНК за 1928—1941 гг., всё же была вывезена в трёх несгораемых ящиках в Москву, откуда в октябре 1941 г., в тяжелейшие дни эвакуации Москвы, они были направлены в г. Чкалов (в настоящее время Оренбург) и хранились среди фондов эвакуированного туда же из Москвы Центрального архива Красной Армии. Эти сведения предоставил в ноябре 1942 г. председателю СНК БССР И. С. Былинскому довоенный заместитель начальника отдела госархивов НКВД БССР П. П. Старовойтов. Однако после войны эти документы не были возвращены в БССР, несмотря на все попытки разыскать их, предпринятые Национальным архивом Республики Беларусь уже в наше время[3].

Не смогли вывезти также основные документы Прокуратуры БССР, размещавшейся в Доме правительства,

---

[1] НАРБ. Ф. 4683. Оп. 31. Д. 1046. Л. 17; Мінскае антыфашысцкае падполле... С. 9.

[2] Там же. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 6. Л. 21—24. Опубликовано: Беларусь в первые месяцы Великой Отечественной войны... С. 254.

[3] Там же. Ф. 249. Оп. 5. Д. 3. Л. 9—14.

и Прокуратуры Минской области, находившейся на улице Комсомольской, лишь некоторые из них успели сжечь. 24 июня после бомбардировки Дома правительства была сделана попытка организовать работу Прокуратуры БССР в здании прокуратуры Минской области, а потом в Юридическом институте, но из-за бомбёжек это оказалось невозможным[1]. В августе 1941 г. по представлению Прокуратуры СССР решением Оргбюро ЦК ВКП(б) прокурор БССР И. Д. Ветров был снят со своего поста за необеспечение эвакуации дел прокуратуры из Минска и направлен на службу в военные советы Брянского фронта и 3-й Ударной армии[2], позже стал первым секретарём Полесского подпольного обкома КП(б)Б, командиром Полесского партизанского соединения. Более никакого наказания не последовало, а после освобождения Беларуси И. Д. Ветров вообще вернулся на занимаемую в довоенное время должность прокурора БССР. Здесь уместно заметить, что упомянутый пример едва ли не единственный в отношении понесённого наказания за провальную, по сути, эвакуацию Минска. Фактически никто из руководителей Беларуси не был привлечён за это к ответственности высшим руководством СССР, что выглядит довольно странным, особенно на фоне трагической судьбы командования Западного фронта и учитывая крайнюю популярность репрессивной политики в целом.

По утверждению бывшего старшего инструктора Политуправления ЗапОВО А. Колесова, из повреждённого при бомбардировке здания штаба округа не вывезли личные дела командного и начальствующего состава округа, многие из которых попали в руки немцев[3].

Документы и личные дела лётного состава Минского аэропорта в течение 23—24 июня были перевезены в подсобное помещение жилого дома лётчиков по 7-й Линии, где и остались. Л. Н. Шильдяева, работавшая в аэропорту и проживавшая в этом доме, сумела уничтожить часть

---

[1] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 29. Д. 3. Л. 48—50. Опубликовано: Беларусь в первые месяцы Великой Отечественной войны... С. 131; НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 37. Л. 48, 55.

[2] Там же. Оп. 33а. Д. 207. Л. 111.

[3] Колесов А. В те роковые часы // Красная Звезда. 1998. 19 июня.

документов: когда дом заняли немцы, она начала незаметно топить бумагами печи. В результате оккупанты обнаружили и увезли только один несгораемый шкаф[1].

Ведомственные архивы предприятий, учреждений и организаций Минска в основном были оставлены на произвол судьбы и уничтожены лишь там, где руководители проявили инициативу и распорядительность. К примеру, сотрудники «Военпроекта», не дождавшись машины для эвакуации архива, сожгли его в ближайшем сквере. Члены парторганизации БГУ во главе с секретарём Зальцманом, перед тем как покинуть Минск, уничтожили свой архив и другие документы, кроме партийных билетов[2]. А архив Белкоопсоюза, который сумели отправить из Минска, был сожжён в Гомеле накануне захвата этого города противником[3].

Не было вывезено на восток оборудование ни одного из минских промышленных предприятий. В конце июля 1941 г. находившийся в Гомеле вместе с руководством БССР секретарь ЦК КП(б)Б Г. Б. Эйдинов сообщил в докладной записке в ЦК ВКП(б), что из республики заканчивается эвакуация промышленного оборудования, материальных ценностей и запасов, оговорив при этом осторожно, что «из Минска много оборудования вывезти было нельзя»[4].

Вообще не упоминается Минск в докладных записках «О ходе эвакуации материальных ценностей и людей из Белорусской ССР» председателя СНК БССР И. С. Былинского заместителю председателя СНК СССР А. Н. Косыгину от 20 июля 1941 г.[5] и И. С. Былинского и секретаря ЦК КП(б)Б П. З. Калинина на имя И. В. Сталина от 22 июля 1941 г.[6]

---

[1] БГМИВОВ. Н/В 13313.

[2] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 667. Л. 9—11.

[3] Там же. Ф. 7. Оп. 3. Д. 8а. Л. 73—77. Опубликовано: Белорусы в советском тылу. Июль 1941 г. — 1944 г.: сб. док. и материалов. Вып. 1. Июль 1941 г. — 1942 г. / сост.: В. И. Адамушко [и др.]. Минск, 2010. С. 151.

[4] Там же. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 637. Л. 5.

[5] Там же. Д. 5. Л. 1—4. Опубликовано: Беларусь в первые месяцы Великой Отечественной войны... С. 235—238.

[6] ГАРФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 422. Л. 85—88. Опубликовано: Белорусы в советском тылу... Вып. 1. С. 9—11.

Однако в дальнейшем вопрос об эвакуации промышленных предприятий столицы БССР, вероятно, нельзя уже было обходить молчанием. Поэтому в докладной записке «Об итогах эвакуации из Белорусской ССР» на имя И. В. Сталина, В. М. Молотова и Л. М. Кагановича от 17 августа 1941 г. П. К. Пономаренко вынужден был прямо заявить о том, что ни одно из минских предприятий эвакуировать не успели: «Минские предприятия не эвакуированы вследствие перехвата коммуникаций врагом, разрушений и общего пожара в городе в результате беспрерывных бомбардировок. Станкостроительный завод им. Кирова разгромлен и сожжён в первые же дни целиком. На заводе им. Ворошилова оборудование испорчено»[1].

Из воспоминаний военного коменданта Ф. М. Багреева: «Являлись ко мне... представители фабрик и заводов, просили дать им автотранспорт для вывоза в тыл готовой продукции... некоторые доставляли сейфы с деньгами и ценностями на предмет эвакуации. Что я им мог ответить или посоветовать? Машин у меня нет, если противник займёт город, продукцию уничтожать, если не удастся запрятать... Несгораемые шкафы с ценностями я погрузил на две автомашины и отправил в Могилёв»[2].

Не было также вывезено или уничтожено оборудование междугородной и городских телефонных станций, радиостанций, радиоузлов и пр.[3]

Печальная участь постигла оставшиеся в Минске библиотечные собрания, в том числе Государственную библиотеку БССР им. В. И. Ленина. Их судьбу разделили ценные музейные коллекции, один из самых характерных примеров — Государственная картинная галерея БССР, которая размещалась в здании бывшей Мариинской женской гимназии по улице К. Маркса (в настоящее время здесь находится Музей связи). По состоянию на 1939 г. галерея насчитывала 3 тыс. экспонатов, многие из которых были весьма ценными: переданная Эрмитажем так называемая «синяя спальня» императора Александра II,

---

[1] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 6. Л. 21—24. Опубликовано: Беларусь в первые месяцы Великой Отечественной войны... С. 254.

[2] БГМИВОВ. Н/В 7989.

[3] Там же. КП-34535.

которая когда-то украшала Зимний дворец, картины И. Е. Репина, собрание произведений русских художников-передвижников. После присоединения Западной Беларуси в фондах галереи появились 32 слуцких пояса, мебель эпохи Людовика XIV, французские гобелены, кавказские ковры, китайский фарфор, статуэтки из слоновой кости, каминные часы, другие экспонаты.

24 июня в ЦК партии, куда обратился директор галереи художник-керамист Н. П. Михалап, он не получил никаких указаний об эвакуации, а нескольким сотрудникам музея было не под силу спасти фонды, тем более что водитель единственного музейного грузовика был мобилизован в армию. Музейные работники сумели лишь спрятать в ящики коллекцию слуцких поясов и замаскировать их дровами, однако немцы всё-таки нашли и вывезли эти реликвии.

26 июня Н. П. Михалап принял решение уйти из города. В четыре часа дня он закрыл галерею и вывел своих сотрудников из горящего Минска. Спустя много лет после войны этих людей ещё продолжали обвинять в том, что они не выполнили свой моральный долг и не остались охранять музей, хотя эти обвинения были далеки от понимания реальной ситуации.

Сразу после ухода сотрудников мародёры взломали дверь галереи и унесли немало ценных вещей. Грабёж продолжили немцы. Если грабители из числа местного населения и первых немецких частей похитили в основном небольшие экспонаты — белорусские постилки, ковры, шкатулки работы палехских мастеров[1], то затем хищение приняло крупные формы. Его масштабы вызвали даже возмущение руководства гражданской оккупационной администрации. В письме генерального комиссара Беларуси В. Кубе имперскому министру по делам оккупированных восточных территорий А. Розенбергу от 19 сентября 1941 г. говорится: «В Минске имелись большие и ценные собрания картин и художественных изделий, которые почти целиком вывезены из города. По приказу рейхсфюрера СС рейхсляйтера Г. Гиммлера большое ко-

[1] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 47. Д. 4. Л. 175.

личество картин служба СС отправила в Германию... СС отдали на разграбление вермахту уцелевшие картины и другие произведения искусства, среди которых были очень ценные полотна XVIII и XIX веков, вазы, изделия из мрамора, часы и так далее. Генерал Штубенраух вывез из Минска в район боевых действий большое количество ценностей... Вообще речь идёт об окончательно утраченных ценностях на миллионы марок... Стоимость этих коллекций должна быть возвращена министерству по делам оккупированных восточных территорий...»[1] Позже часть экспонатов — вазы, мебель — можно было встретить в немецких учреждениях оккупированного Минска. Наименее ценные были переброшены в исторический музей[2].

Ни сотрудники галереи, сумевшие эвакуироваться в советский тыл, ни, соответственно, руководящие органы Беларуси, работавшие там же, долгое время ничего не знали о судьбе оставленных в Минске ценностей. Это озвучил председатель Союза советских художников БССР А. В. Грубе на одном из заседаний Совнаркома в конце сентября 1942 г.: «Директор художественного музея тов. Михолап находится в Куйбышеве, ключи от музея у него есть, но он не знает, сгорел музей или нет...»[3]

В сентябре 1944 г. работники галереи, вернувшиеся в Минск, обнаружили из 3 тыс. экспонатов лишь три скульптуры. Рамы и книги из богатой библиотеки немцы сожгли в печках, гипсовые скульптуры советских художников выбросили из окон третьего этажа. В середине 1950-х гг. началось возрождение галереи, которая постепенно выросла в крупнейший Национальный художественный музей Беларуси[4].

Погибли многие ценные коллекции Белорусского государственного исторического музея: предметы из драгоценных металлов, оружие, народная одежда, керамика,

---

[1] Цит. по: Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: в 7 т. М., 1958. Т. 3. С. 585.

[2] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 47. Д. 4. Л. 175.

[3] Там же. Ф. 7. Оп. 3. Д. 8а. Л. 30—38. Опубликовано: Белорусы в советском тылу... Вып. 1. С. 163—164.

[4] Литературная газета. 2004. 10—16 нояб.

оккупанты полностью уничтожили все экспонаты, связанные с советским периодом истории, некоторые предметы религиозного культа передали православной церкви, всё более или менее ценное вывезли в августе 1941 г. в Кёнигсберг и Вену. Назначенная немцами администрация музея предприняла слабые попытки возрождения его деятельности и сохранения того, что ещё можно было спасти. Но в 1944 г., отступая, немцы «эвакуировали» фонды музея сначала в Восточную Пруссию, затем в Баварию, где позже экспонаты вновь подверглись грабежу, на этот раз со стороны американских оккупационных войск. Лишь в 1947 г. жалкие остатки некогда богатого музейного собрания были переданы в Берлин, в распоряжение Управления репараций и поставок Советской военной администрации Германии, а затем доставлены в Минск. Вместе с ними находились некоторые предметы, принадлежавшие АН БССР и Государственной картинной галерее. Однако точное количество и перечень утраченных в годы войны ценностей минских музеев так и остались неизвестными, поскольку не сохранились довоенные учётные документы. Неизвестно также, что было вывезено немцами и что после войны по разным причинам оказалось в других музеях СССР.

Обратившись к аналогичным событиям в истории Минска периода Первой мировой войны, заметим, что тогда, в отсутствие столь быстрых темпов наступления германских войск, минские власти сумели осуществить ряд серьёзных эвакуационных мероприятий. В конце октября 1915 г., когда город стал прифронтовым, началась эвакуация важнейших предприятий, в первую очередь тех, которые выпускали боеприпасы для армии. Всего вывезли тогда оборудование 16 предприятий и 942 наиболее квалифицированных рабочих[1]. Были эвакуированы также отдельные учреждения и культурные ценности. Но в начале 1916 г. фронт стабилизировался и опасность вражеского вторжения миновала. В Минске даже решили открыть музей войны, для чего привезли с фронта трофей-

---

[1] Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Мінска: у 4 кн. / рэд. кал.: Г. К. Кісялёў [і інш.]. Мінск, 2002. Кн. 2. С. 244.

ное оружие, начали сбор различных предметов военного значения, печатных изданий. Последующие революционные события не позволили воплотить эту идею в жизнь.

Во второй половине дня 24 июня 1941 г. власти, наконец, решились поставить перед Москвой вопрос об общей эвакуации населения белорусской столицы. После получения по телефону соответствующего разрешения И. В. Сталина ЦК КП(б)Б постановил «считать необходимым произвести немедленную эвакуацию детей и матерей из города», Минскому горсовету предоставить для этой цели весь имеющийся автотранспорт, а Минскому отделению железной дороги «организовать специальные эшелоны для эвакуируемого населения» и дополнительно организовать пункты погрузки на станциях Минск-Товарная, 747-й км, Ратомка, Колодищи, Смолевичи. Горком и райком партии, райисполкомы обязывали немедленно проинформировать об этом минчан. Перед руководителями Смолевичского, Руденского, Пуховичского, Червеньского и Узденского районов была поставлена задача для «населения, следующего в сельские районы... представлять подводы и размещать население в колхозах»[1].

Как следует из этого и других документов, а также воспоминаний участников событий, власти хотя и в последний момент, но всё-таки попытались предпринять некоторые меры к организованной эвакуации части населения столицы, и меры эти в ряде случаев увенчались успехом.

Самая большая трудность заключалась в том, что в условиях практически непрерывных бомбардировок организовать массовую эвакуацию непосредственно из Минска было уже невозможно. Подъездные пути Минского железнодорожного узла оказались разрушенными, часть подвижного состава была уничтожена. Бюро ЦК КП(б)Б, срочно обсудив вопрос о восстановительных работах по городу Минску, постановило «в связи с большими разрушениями в городе, вызванными бомбардировкой... обязать горисполком и райсоветы... силами восстанови-

---

[1] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 3. Д. 1214. Л. 2—13. Опубликовано: Беларусь в первые месяцы Великой Отечественной войны... С. 17.

тельных команд МПВО немедленно приступить к восстановлению разрушенных мостовых... организовать ограждение неразорвавшихся бомб сигнальными флагами... ввести трудовую повинность и привлечь население к обязательному участию в восстановительных работах по городу... немедленно восстановить работу ГЭС и устранить повреждения водопровода»[1].

В перерывах между бомбёжками отряды МПВО, группы мобилизованных рабочих, служащих и студентов пытались восстановить проезжую часть центральных улиц, железнодорожное полотно и взлётную полосу аэродрома в Лошице. На 50—70 % эти группы состояли из молодёжи. Только на аэродроме работали свыше 1 тыс. молодых минчан, направленных городской комсомольской организацией и комитетами комсомола вузов[2].

Неимоверные усилия предпринимались железнодорожниками, чтобы сформировать составы из разномастных вагонов, стоявших на запасных путях. Плечом к плечу с ними работали и сотрудники Минского линейного отделения милиции. Многие из них погибли во время бомбардировки, так как не ушли со своих постов: тушили пожары и обезвреживали зажигательные бомбы. В суматохе не всех погибших удалось опознать, многие считаются пропавшими без вести. Поэтому на скромном обелиске, который стоит у старой водокачки во дворе больницы Белорусской железной дороги по улице Аэродромной, написано только шесть фамилий. Это старший лейтенант милиции А. П. Куропаткин — начальник Минского линейного отделения милиции Западной железной дороги и его товарищи: политрук младший лейтенант милиции И. Н. Щербаков, помощник оперуполномоченного сержант милиции А. Н. Лещенко, оперуполномоченный младший лейтенант милиции П. П. Пукалов, помощник оперуполномоченного А. А. Бардыга, старший уполномоченный линейного отделения милиции станции Минск младший лейтенант милиции П. И. Стиплин. Вместе с ними погиб и похоронен в этой же братской могиле ми-

---

[1] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 3. Д. 1214. Л. 2—13. Опубликовано: Беларусь в первые месяцы Великой Отечественной войны... С. 17.

[2] Там же. Ф. 63. Оп. 16. Д. 2. Л. 3.

лиционер Борисовского опорного пункта железнодорожной милиции Е. А. Башун, который, вероятно, находился в Минске по долгу службы[1].

Из-за нехватки транспорта и возникшей в связи с бомбёжками паникой столичный вокзал прекратил принимать желавших уехать «неорганизованных» граждан. Врач Н. В. Хатченко в полдень, когда образовался небольшой перерыв в налётах, бросилась на вокзал с 5-летним сыном и вторым, грудным, ребёнком на руках, но там была такая давка, что уехать не представлялось возможным. Женщина ушла из города пешком, но, как и тысячи других минчан, вынуждена была вернуться домой. Её брат, принимавший участие в уничтожении немецкого десанта, погиб в бою, отец вскоре умер от осколочного ранения, полученного при бомбёжке, сама она стала подпольщицей[2].

Сколько удалось отправить эшелонов с людьми из Минска и дополнительных пунктов погрузки — неизвестно. Не существует также данных об общем количестве минчан, которым удалось эвакуироваться по железной дороге или автотранспортом. По свидетельству руководства Западной железной дороги, документов об эвакуации через Минский железнодорожный узел не сохранилось. Можно привести лишь цифры, основанные на воспоминаниях участников событий. Так, заведующий отделом транспорта и связи ЦК КП(б)Б М. И. Сарычев говорит о 50 эшелонах, выехавших из города 23—25 июня[3]. Секретарь ЦК П. З. Калинин пишет о 10 эшелонах, ушедших из города, причём только 24 июня. По-видимому, последний источник и использован белорусскими историками в ряде публикаций 1970—80-х гг.[4] По утверждению П. З. Калинина, он вместе с В. Г. Ванеевым после прекращения бомбардировок вечером 24 июня направился на железнодорожный узел, где до рассвета, в течение 5 часов,

---

[1] Погибшие: Память. Минск, 2006. С. 15—16, 75—76, 78—79, 107, 128, 145.

[2] БГМИВОВ. Н/В 21334.

[3] Там же. Н/В 4715.

[4] См.: Олехнович Г. И. Трудящиеся Белоруссии — фронту. Минск, 1972. С. 14.

было сформировано и отправлено в сторону Борисова и Бобруйска 10 поездов, в одном из которых выехали женщины и дети, в том числе семьи партийных и советских работников[1].

Анализируя все имеющиеся документы и материалы, можно сделать вывод, что непосредственно из Минска эшелоны уходили в течение 23—25 июня (имеются в виду только составы, сформированные в Минске, но не транзитные). В это же время, до 26 июня включительно, основная тяжесть эвакуации населения столицы приходилась на пригородные железнодорожные станции Колодищи и Ратомка. Остальные дополнительные пункты эвакуации, перечисленные в упомянутом выше постановлении ЦК КП(б)Б, в мемуарных источниках не фигурируют, за исключением Смолевичей, и то лишь в контексте транзита эшелонов. Возможно, это связано с тем, что сведения о наличии нескольких пунктов эвакуации до многих минчан просто не дошли или что в условиях почти непрерывных бомбардировок они не смогли туда добраться.

Процесс эвакуации из дополнительных пунктов тоже был сопряжён с немалыми трудностями. Из воспоминаний художника Е. Н. Тихановича: «В Колодищах сборище народу. Эшелоны товарных вагонов и платформ набиты людьми... Женщины голосят, идёт драка за место в вагонах, а эшелоны не трогаются с места уже долгое время. В чём дело понял, когда увидел одного солдата, который рассказывал, что в Смолевичах немец-парашютист обезоружил его и отпустил на все четыре стороны. Сделано это было намеренно, чтобы был наш солдат живым свидетелем, рассказывающим всем, что немцы не такие уж злостные бандиты, особенно если ты сдался им в плен. А с другой стороны, нужно было, чтобы люди знали, что Смолевичи находятся в немецких руках и ни один состав не тронется с места в Колодищах. Паника увеличивалась с каждым новым фактом всё больше и больше, особенно когда стало известно, что в Колодищах нет ни коменданта, ни военкомата... Время шло, на

[1] Калинин П. З. Партизанская республика. Минск, 1973. С. 13.

железной дороге никакого движения, а народу прибывало всё больше и больше, и никакого начальства, никакого порядка...»[1] Угнетающе действовали также и на гражданских, и на военных немецкие пропагандистские листовки, которые разбрасывали с самолётов. Кроме того, в районе Колодищей были замечены действия ракетчиков.

Из дневника попавшего в один из эшелонов в Колодищах писателя Я. Мавра: «Хоть бы скорей поезд тронулся! Ночью немец не бомбит, и можно было бы спокойно доехать до Борисова... Но поезд стоит. И всё время наполняется беженцами. Чего поезд ждёт? Бомбёжки, что ли? Нервы напрягаются, с ужасом ждём рассвета... Так простояли всю ночь. "Взяты Кёнигсберг и Данциг". "Берлина нет". "Гитлер ранен и бежал". "Взяли Румынию и... Турцию". 26 июня. Тронулись с рассветом, когда действительно началась бомбёжка и пулемётный обстрел. При каждом налёте поезд останавливается, а так как налёты беспрерывные, то за весь день мы проехали км 30—40... Под вечер эшелон прочно стал между Смол[евичами] и Жод[ино]. Самолёты хозяйственно снуют и бомбят шоссе... Каждый сам[олёт] считает своим долгом обстрелять нас из пулемёта. Толчок. Впоследствии узнали, что сзади эшелон стукнулся в нас... Есть жертвы... Страшная ночь... Таяние эшелона... Пешком в Борисов (30 км)...»[2]

Почти месяц спустя после трагических событий в Минске, находясь уже вдали от него, в Могилёве, руководители БССР чувствовали себя более уверенно в оценке ситуации с эвакуацией и даже предлагали свои методы для обеспечения успеха подобных мероприятий в восточных районах. Так, секретарь ЦК КП(б)Б И. П. Ганенко писал своему коллеге Г. Б. Эйдинову из Могилёва 18 июля 1941 г. по поводу эвакуации этого города: «Наш худший враг — паника и неорганизованность, а часто мягкотелость. Дайте мне право расстреливать без суда, я берусь

[1] Успаміны Яўгена Ціхановіча // Полацак. Часоп. Беларус. культ.-асветн. цэнтра ў Кліўлендзе, ЗША. 1991. № 10. С. 53. Перевод с бел. И. Ю. Воронковой.

[2] БГАМЛИ. Ф. 290. Оп. 1. Д. 64. Л. 1—1об. Опубликовано: Неман. 1989. № 11. С. 131—133; Беларусь в первые месяцы Великой Отечественной войны... С. 112—116.

в несколько дней навести порядок»[1]. Прямо скажем, автор этих строк, вероятно, забыл известную поговорку, что после драки кулаками не машут.

После создания 25 июня в Могилёве Республиканской комиссии по эвакуации было организовано 24 контрольно-пропускных пункта для эвакуируемых в восточных районах БССР, на территории РСФСР и Украины: в Лепеле, Полоцке, Орше, Витебске, Могилёве, Кричеве, Климовичах, Костюковичах, Осиповичах, Новобелице, Гомеле, Добруше, Калинковичах, Наровле, Брагине, Лоеве, Светиловичах, Рославле (Смоленская область), Брянске, Унече и Новозыбкове (Брянская область), Сухиничах (Калужская область), Чернигове, Бахмаче (Черниговская область УССР)[2]. Минчане, которым удалось выехать из города по железной дороге, автотранспортом или уйти пешком и добраться до этих пунктов, могли получить там материальную и медицинскую помощь, попытаться разыскать потерявшихся в пути членов семьи, затем их распределяли по эшелонам для дальнейшего следования на восток.

Первоначально, по крайней мере в июле 1941 г., беженцев из Минска, как и эвакуированных из других районов Беларуси, направляли по трём основным адресам — в Пензенскую, Саратовскую и Тамбовскую области РСФСР, куда были командированы уполномоченные ЦК КП(б)Б и СНК БССР для помощи местным организациям в размещении и трудоустройстве эвакуированных[3].

В целом же, как указал 11 сентября 1941 г. уполномоченный ЦК КП(б)Б и СНК БССР по Тамбовской области С. С. Костюк в информации о состоянии учёта и трудоустройства населения, эвакуированного из БССР в Тамбовскую область, «...эвакуированные из городов и районов Западной Белоруссии, а также из гор. Минска, Бобруйска, Слуцка и др. восточных районов БССР в большинстве своём эвакуировались не планово, а ушли без всякой одежды и средств, порастерявши даже членов семьи, они имели исключительную нужду в приобрете-

[1] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 29. Д. 3. Л. 47—47об.
[2] Там же. Оп. 33а. Д. 302. Л. 68об.
[3] Там же. Д. 5. Л. 4.

нии одежды, особенно многодетные семьи. Из-за недостаточного питания и отсутствия одежды появились массовые заболевания детей...»[1]

В начале 1942 г. ЦК КП(б)Б и Совнарком БССР, обосновавшиеся к тому времени в Москве, начали планомерный сбор данных об эвакуированном из республики населении и государственном имуществе. Эвакуационный отдел СНК направил соответствующие запросы в адрес СНК автономных и союзных республик, уполномоченные СНК БССР были командированы в 11 областей и автономных республик РСФСР для уточнения вопросов об эвакуации и оказания помощи эвакуированному белорусскому населению в трудоустройстве[2].

8 мая 1942 г., когда эвакоотдел уже располагал определёнными сведениями, началась работа по переписи эвакуированного из БССР населения. Его установленное на этот период количество сообщил заведующий эвакоотделом С. П. Мельников в письме на имя зампреда СНК И. А. Крупени от 12 мая 1942 г.: «На территории РСФСР размещено около 200 тысяч человек, эвакуированных из БССР»[3]. Работа при малом штате сотрудников предстояла нелёгкая, поскольку, согласно постановлению СНК БССР «Об учёте эвакуированного населения из БССР» от 21 августа 1942 г., эвакоотдел должен был закончить учёт к 10 октября того же года[4]. В ускоренном темпе, что не способствовало качеству работы, составляли алфавитные списки, картотеку, вели проверку по заявлениям о розыске людей.

К сожалению, эвакоотдел с самого начала не располагал полными сведениями из регионов, где предположительно могли находиться эвакуированные из Беларуси, да и поступившие данные не всегда отличались точностью. Поэтому составленные на их основе списки, которые в настоящее время хранятся в Национальном архиве Республики Беларусь, нельзя признать полными как по количественному составу эвакуированных, так и по анкет-

[1] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 91. Л. 107.
[2] Там же. Ф. 7. Оп. 3. Д. 2. Л. 48—49.
[3] Там же. Л. 72, 78.
[4] Там же. Д. 8. Л. 55.

ным данным (к примеру, не во всех случаях указан возраст, место работы и даже довоенное местожительство). Однако эти документы всё же дают определённое представление о составе жителей БССР, в том числе минчан, выехавших в тыловые районы СССР.

Анализ списков подтверждает вывод, что, по крайней мере, 24 июня эвакуация минчан имела признаки организованности, поскольку осуществлялась через партийные органы, райисполкомы, предприятия, учреждения и организации, которые, по возможности, оповещали своих сотрудников, причём, согласно по воспоминаниям участников событий, происходило это нередко в директивной форме. Списки абсолютно чётко отражают выполнение решения ЦК КП(б)Б об организованной эвакуации из Минска «детей и матерей», поскольку основную категорию минчанок, выехавших эшелонами на восток со своими детьми дошкольного и школьного возраста, составляли работавшие женщины и домохозяйки, мужья или родственники которых входили в число работников той или иной структуры. Работающие женщины были самых разнообразных профессий, причём наиболее часто встречаются учителя средних школ и медицинские работники, кроме них — преподаватели высших учебных заведений, воспитатели детских дошкольных учреждений, библиотекари, артистки, инженеры, бухгалтеры, швеи, машинистки, лаборантки, торговые работники и пр. с детьми от школьного возраста до 1941 года рождения включительно.

Нередко зафиксированы случаи эвакуации семей в полном составе, включая мужчин. Как правило, отцы семейств являлись сотрудниками партийных и советских органов, силовых структур, различных трестов и союзов (к примеру, секретарь по кадрам ЦК КП(б)Б с женой-домохозяйкой и двумя детьми, сотрудник Наркомата текстильной промышленности с женой-инспектором и тремя детьми, инженер Наркомпрома с женой-бухгалтером и двумя детьми, плановик Госплана с женой и матерью, сотрудник Белкоопсоюза с женой и дочерью, работник треста Главмука с семьёй, начальник оперативного отдела Управления милиции с семьёй, работник НКВД с же-

ной — тоже работником НКВД, двумя дочерьми-студентками, дочерью-школьницей и тёщей и т. д.).

Достаточно часто в списках эвакуированных встречаются мужчины-рабочие и ИТР (инженер радиозавода с женой и сыном, токарь завода «Большевик» с сестрой и братом, закройщиком фабрики им. В. В. Куйбышева, портной швейной фабрики «Октябрь» с семьёй, слесарь завода им. К. Е. Ворошилова с семьёй, токарь фабрики им. М. В. Фрунзе с семьёй, жестянщик хлебозавода с семьёй, каменщик с женой-лоточницей и семьёй из 9 человек и т. д.).

Среди мужчин, эвакуированных с семьями, были и неработавшие, как правило люди пожилого возраста: 1870—80-х годов рождения.

Вместе с тем эвакуация мужчин не всегда была обоснована. Так, в июле 1941 г. в Колпашевский район Новосибирской области прибыл минчанин, член партии Я. С. Кальницкий. В местном райкоме партии своё прибытие он объяснил тем, что после бомбардировки Минска «нигде не мог остановиться и получить указания и назначение для выполнения работы»[1]. Кроме того, он не имел никаких документов от эвакуационных органов. Справедливо посчитав объяснения невразумительными, секретарь райкома Мартынов обратился за разъяснениями в Управление кадров ЦК КП(б)Б.

Таким образом, часть минских семей, в составе в основном женщин и детей, а иногда и отцов семейств, была эвакуирована по железной дороге или сначала авто-, затем железнодорожным транспортом. Об автомашинах речь шла в случаях, когда руководители организаций могли обеспечить ими эвакуируемых. В частности, своим транспортом смогли выехать семьи командного и начальствующего состава штаба Западного фронта, работников авиазавода и пр. На грузовой машине, которую с трудом добыл ректор БГУ П. П. Савицкий, уехала группа пожилых родителей сотрудников университета, а также женщины с детьми[2]. Автотранспортом эвакуировалось боль-

---

[1] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 361. Л. 2.

[2] Зельскі А. Г. Парфён Савіцкі: «Я ганаруся тым, што захаваў універсітэт...» // Беларус. гіст. часоп. 2005. № 12. С. 54—55.

шинство семей руководства и сотрудников центральных партийных, правительственных и советских органов. Затем они продолжили путь в глубокий тыл по железной дороге. К примеру, в Казани оказались 25 жён «ответственных работников» с семьями, включая детей, — всего 94 человека. Среди них были семьи секретарей ЦК КП(б)Б Т. С. Горбунова, И. И. Рыжикова, Г. Б. Эйдинова, В. Н. Малина, председателя СНК И. С. Былинского, председателя Президиума Верховного Совета Н. Я. Наталевича и др. Справедливости ради следует заметить, что были исключения. Так, загруженный различными поручениями инструктор ЦК КП(б)Б Ф. И. Глебов не успел увезти с собой жену В. Ф. Матюшко с только что родившимся сыном и двухлетней дочерью. Варвара Феофиловна, которая занимала немалую должность директора НИИ пищевой промышленности, избиралась депутатом Верховного Совета БССР, осталась в оккупации, участвовала в борьбе Минского антифашистского подполья[1].

Похожий случай произошёл с семьёй заместителя наркома социального обеспечения БССР Г. В. Корпусенко. 24 июня сгорел дом, где жила его семья, и жена Анастасия Афанасьевна с сыном и дочерью попытались самостоятельно выбраться из города. Однако через 50 км дорогу перерезал немецкий десант. А. А. Корпусенко вернулась в Минск и вскоре включилась в подпольную борьбу. В это время её муж, назначенный одним из уполномоченных СНК БССР по обслуживанию эвакуированных, направлял в эвакоотдел СНК БССР запросы о судьбе семьи[2].

Н. Н. Маклецова — сотрудница «Военпроекта», до войны уже довольно известный архитектор, автор проекта первого в Минске жилого дома с лифтами, так называемого Дома специалистов, разрушенного в 1941 г., — утром 26 июня с мужем В. Королёвым пешком добралась до станции Колодищи, сумела втиснуться в переполненный тамбур поезда, но в последний момент всё же спрыгнула с подножки, потому что не смогла уехать без девя-

---

[1] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 657. Л. 1—8, 11.

[2] Там же. Д. 8. Л. 90—95; Ф. 7. Оп. 3. Д. 1990. Л. 11об.

тилетней дочери Марины, находившейся в деревне под Минском. Дочь она нашла, но вынуждена была остаться в оккупированном Минске, а уехавший на восток муж был мобилизован и воевал на фронте[1].

Некоторых минских детей эвакуировали без родителей в составе дошкольных, образовательных и медицинских учреждений. Их отъезд, часто не только в отсутствие, но и без ведома родителей, с одной стороны, безусловно спас множество детских жизней, с другой — вырос в большую психологическую проблему, стал причиной трагедий многих семей. Характерный пример. Бывший секретарь ЦК КП(б)Б Т. С. Горбунов в воспоминаниях, написанных в 1969 г., с восторгом отозвался о решительных действиях заведующего сектором ЦК П. Д. Ладыжина, который организовал автотранспорт и вывез грудных детей из нескольких родильных домов Минска в Могилёв, где их «разобрали к себе жители города»[2]. Если этот факт соответствует действительности, то возникает вопрос, почему дети были оторваны от матерей, которые, по логике, должны были находиться в родильных домах вместе с ними?

С объявлением 23 июня военного положения работникам предприятий было запрещено покидать территорию, паникёрские настроения преследовались, изначально со стороны администраций предприятий и учреждений об эвакуации не было и речи. Об отъезде без разрешения руководства никто не помышлял, поскольку ещё оставался в силе Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г., предусматривавший уголовное наказание за самовольный уход рабочих и служащих с предприятий и из учреждений. По воспоминаниям работницы фабрики «Коммунарка» М. Р. Ивановской, 24 июня, когда начались бомбардировки и работа предприятия остановилась сама собой, она вместе с другими женщинами, дети которых находились в фабричном пионерском лагере «Стайки», бросилась туда пешком, но детей, по слухам, уже отправили поездом в сторону Орши.

---

[1] Комсомольская правда в Белоруссии. 2010. 1—7 апр.

[2] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 698. Л. 1—18.

Родители встретились с ними только через три года[1]. Оказалось, что детей вывезли в Саратовскую область[2].

Трудно передать горе родителей и детей, разлучённых войной и эвакуацией, в нередких случаях — навсегда. «Прошу помочь мне в розыске моего ребёнка — Мильхман Маи, 1933 года рождения, которая в момент эвакуации находилась на даче с детским садом № 53 г. Минска... Прошу вникнуть в мое большое горе и сообщить мне сразу, ибо каждый прожитый день без ребёнка приведёт меня к гибели», — писала в июле 1941 г. в Управление детдомами Наркомпроса Татарской АССР эвакуированная в Саратов Л. В. Минькова-Мильхман[3].

В неведении оставались даже некоторые родители, чьи дети находились среди воспитанников детского сада ЦК КП(б)Б, отдыхавших на даче в Дроздах. Так, жена заведующего сектором парткадров ЦК Берковича, эвакуированная в Горький, в конце 1941 г. обращалась в эвакуационный отдел СНК с просьбой сообщить о местонахождении её детей, вывезенных с этим садом[4]. На самом деле 32 ребёнка из указанного детского сада жили в Мичуринске Тамбовской области[5].

Надеялись что-то узнать о своих детях и родители, оставшиеся в оккупации. Объявления о розыске детей, которых война застала в пригородных местах отдыха, из номера в номер печатала «Менская (Беларуская) газэта», выходившая в занятом врагом Минске.

При эвакуации больше «повезло» ведомственным детским учреждениям, а также тем, чьи дачи и лагеря находились вблизи воинских частей, которые помогли автотранспортом. Так, на военных машинах, прибывших на дачу детского сада № 3 НКВД, детей подвезли к железнодорожной станции, а затем эвакуировали в Куйбышев. Среди них была Г. Кукобина, отец которой служил в вой-

---

[1] Кнатько Г. Д. Правящие круги летом 1941 г. (анализ мемуарных источников) // Старонкі ваеннай гісторыі Беларусі. Вып. 1. Мінск, 1992. С. 78—79.

[2] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 36. Л. 39.

[3] Кузнецова Л. Пункт эвакуации — Татария // Респ. Татарстан. 2001. 5 июля.

[4] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 36. Л. 46.

[5] Там же. Л. 38.

ских НКВД по охране железнодорожных сооружений. Мать девочки уехала с рабочими своей фабрики, встретилась с дочерью только после войны[1].

80 детей из детсада кожзавода «Большевик» война застала на даче в Красном Урочище. Директор завода выделил лошадей, подводы, а также грузовую машину. Под бомбами дети и их сопровождающие добрались до Могилёва, там сели в поезд и через неделю прибыли на станцию Тоншаево Горьковской области. По распоряжению местного райисполкома маленьким минчанам отдали помещение лесхоза возле станции Пижма, выделили землю и скот для ведения подсобного хозяйства[2].

Детсад № 6 выехал за несколько дней до войны на дачу в Уручье и расположился в здании школы неподалёку от военного городка 100-й стрелковой дивизии. 22 июня приехали многие родители, но детей решили не забирать — казалось, что в лесу они спокойнее переждут тревожное время. Однако в ночь на 23 июня руководству детсада было приказано срочно освободить помещение школы, где намечалось развернуть военный госпиталь. Детей перевели в здание клуба. Все попытки дозвониться до родителей закончились неудачей, так как телефонная связь уже отсутствовала. Детей повели пешком к Смолевичам, но вернулись из-за непрерывных бомбёжек. За это время здание клуба было разрушено. Тогда заведующая детсадом А. М. Кауфман и мать одной из воспитанниц М. Р. Ломако — учительница 15-й средней школы Минска — пробились к командиру 100-й стрелковой дивизии генерал-майору И. Н. Руссиянову, который, несмотря на тяжелейшую обстановку, не отказал в помощи. Военные выделили три грузовые машины, дали четверых сопровождающих, солдаты помогли погрузить детей и имущество, накрыли детей матрасами и, для маскировки, ветками. Под бомбёжкой и обстрелом вражеского десанта машины прорвались в Могилёв, откуда дети поездом выехали в Татарию. Когда проезжали горящий Минск, у всех на глазах были слёзы: ребята оставляли

---

[1] БГМИВОВ. Личное дело Г. М. Кукобиной-Одинец.
[2] Паўлаў У. П. Дзецi ліхалецця. Мінск, 2005. С. 46—52.

здесь родителей, а воспитатели — свои семьи, некоторые — навсегда. К примеру, позднее стало известно, что маленькая дочь воспитательницы Г. Л. Михелец погибла в минском гетто. 124 ребёнка и 15 человек обслуживающего персонала из этого детского сада обосновались в 30 км от Казани на даче Гороно в деревне Займище Юдинского района. Уже в 1942 г. через эвакуационный отдел СНК БССР в Москве 16 детей нашли и забрали родители, была установлена связь с родителями ещё 24 детей[1].

Военные одной из частей помогли выехать детсаду № 58, отдыхавшему рядом на даче. Более 100 детей на двух машинах довезли до Минска и погрузили в эшелон, ушедший на Москву. Там их пересадили в поезд, который доставил ребят на станцию Тимашево Куйбышевской области. Почти одновременно туда прибыли ещё два детских сада из Орши и Киева. Для всех 250 эвакуированных детей был организован детский дом[2].

В основном удалось вывезти те детские учреждения, в которых педагоги, воспитатели, пионерские вожатые, медицинские работники не растерялись, проявили инициативу, решительность. Они вставали на пути автомашин и железнодорожных составов, чтобы остановить транспорт и упросить забрать детей.

В пионерских лагерях под Талькой Пуховичского района отдыхали 350 учащихся 1—4-х классов минских школ. Вначале предполагалось, что на территории лагерей будут размещать также детей, вывезенных из Минска в связи с войной. Но никто не приехал, оставаться на месте стало опасно: немцы яростно бомбили находившийся неподалёку военный аэродром в Марьиной Горке. Из Минска сообщили, что за детьми выслан поезд. Однако под Пуховичами состав был разбит. Дети в сопровождении в основном 16—17-летних вожатых пешком дошли до станции Талька, но там поезда уже не останавливались. Узнав, что со стороны Минска вскоре должен пройти эшелон с ранеными, вожатые стали на путях, а началь-

---

[1] Ермалюк Ю. «За тры гады вайны мы не страцілі ніводнага дзіцяці...» // Звязда. 2004. 28 студз.

[2] Паўлаў У. П. Указ. соч. С. 65—66.

ник станции А. Минченко, рискуя головой, красным флажком остановил состав. В считанные секунды погрузили всех детей. Это было во второй половине дня 27 июня, на следующий день в Тальке уже были немцы. Через Могилёв дети и вожатые добрались до города Кузнецка Пензенской области, разместились в местном детдоме № 20[1]. В числе спасителей детей из Тальки был физрук лагеря — минский комсомолец А. Я. Корсак, до войны известный спортсмен-пловец.

Пионерские лагеря из-под Городища были вывезены в посёлок Шейн-Майдан в Мордовии, Чкаловскую (Оренбургскую) область[2] и в г. Инза Пензенской области[3].

Чрезвычайно тяжело было организовать отъезд детей из Минска. Во время бомбёжки 24 июня было повреждено здание яслей-изолятора № 43 по улице Ямной (в настоящее время Краснозвёздная), где находились дети с инфекционными заболеваниями. Заведующий яслями П. В. Дыло, буквально кинувшись под колёса проезжавшего мимо грузовика, посадил в него более 60 человек из числа своих воспитанников и детей расположенного рядом Дома грудного ребёнка, а также 14 взрослых. С большим трудом, меняя машины, добрались до Вязьмы, оттуда эшелоном доехали до г. Курган, где ясельных детей поместили в детдом, а грудных — в местный Дом грудного ребёнка. Вернувшись в 1944 г. в Минск, П. В. Дыло долго расклеивал на улице Ямной объявления, разыскивая родителей детишек, но нашлись лишь немногие[4].

Иногда ситуация складывалась так, что удавалось забрать не всех детей. Так, круглосуточный детсад № 74 по Логойскому тракту оказался в эпицентре событий — район сильно бомбили. Заведующая Т. Г. Дан с трудом упросила руководство находившегося рядом радиозавода выделить грузовую машину, на которой уехали 40 детей

[1] Паўлаў У. П. Указ. соч. С. 82—87.

[2] Справка о мероприятиях, проведённых уполномоченными СНК БССР, командированными в районы эвакуации» от 6 июня 1942 г. Составлена заведующим эвакоотделом СНК БССР Мельниковым. БГМИВОВ. КП-34535.

[3] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 36. Л. 39.

[4] Паўлаў У. П. Указ. соч. С. 66—82.

младшей и средней группы вместе с заведующей и воспитательницей. Добравшись до Гомеля, минчане получили в облисполкоме деньги и продовольственные аттестаты и уже по железной дороге прибыли в село Троицкое Краснопартизанского района Чкаловской (Оренбургской) области. Сначала детей разместили в домах крестьян, потом выделили помещение бывшей сельской начальной школы. С помощью местного населения завели подсобное хозяйство. Ещё во время войны за 15 детишками приехали родители. После освобождения детский сад вернулся в Минск, здесь многих также нашли родители или родственники. Осиротевших семерых детей, родители которых погибли в гетто, поместили в детский дом[1].

Сопоставление некоторых фактов даёт основание предполагать, что из упомянутого выше детсада смогли вывезти не всех детей. Не случайно в воспоминаниях участников его эвакуации фигурируют лишь средняя и младшая группы. Вероятно, часть детей предполагали вывезти следом, но потом не сумели этого сделать. 24 или 25 июня медсёстры 1-го клинического городка (детсад размещался рядом) увидели во дворе одного из корпусов еле живого от голода шестилетнего ребёнка. Они пошли по его следам и обнаружили в подвале 20 маленьких детей, которых, видимо, спрятали от бомбёжки, а затем по какой-то причине не вернулись за ними. Двое уже умерли, остальные ползали по полу, от голода тащили в рот опилки и мусор. Женщины оповестили всех, кто жил в близлежащем районе, некоторых детей забрали родственники или знакомые, остальных отдали в детский дом. Среди спасённых детей был В. С. Корзун, которому тогда было три года. В организацию, где работала его мать, поступило распоряжение срочно эвакуироваться. Она позвонила в детский сад, в котором в круглосуточной группе находился сын, ей ответили, что детей уже грузят на машины и вывозят. С трудом дозвонилась она и до пионерлагеря, где находилась старшая 13-летняя дочь Вера. Там тоже сказали, что готовятся к эвакуации. Немного успокоив-

---

[1] Алексейчик О. Детсад её жизни // Мінс. праўда. 2004. 2 верас.; Паўлаў У. П. Указ. соч. С. 38—43.

шись, мать вынуждена была уехать, взяв с собой только младшую дочь. Однако детей ни из сада, ни из лагеря увезти не успели. Мальчика отыскали пришедшая пешком из пионерского лагеря сестра и знакомая семьи. Они пережили оккупацию и в июле 1944 г. встретились с вернувшейся в Минск матерью[1].

Удалось эвакуировать около 60 больных детей из клиники Института охраны материнства и младенчества, находившейся на улице Советской.

В г. Мичуринске Тамбовской области нашли приют 250 детишек из двух детских домов Минска. 100 детей школьного возраста, эвакуированных из Минска и Могилёва, находились в Крюковском детском доме Мичуринского района[2], 5 воспитанников 1931—1937 годов рождения одного из минских детских домов направили в село Владыкино Пензенской области[3], а 20 ребят из детского сада минского хлебозавода разместили в Шпикуловском районе Тамбовской области[4].

45 учащихся 1925—1926 годов рождения из минской школы ФЗУ № 3 Западной железной дороги направили в Чувашскую АССР[5]. Организованно вывезли учащихся Минской спецшколы ВВС, находившейся в ведении Наркомата просвещения БССР, и разместили в таких же спецшколах ВВС системы Наркомпроса РСФСР[6].

Многие дети оказались в Саратовской области: воспитанники минских детских садов № 25 и № 66, пациенты детского санатория в Ратомке[7]. В частности, отдыхавших в Ратомке детишек из яслей № 40 кожгалантерейной фабрики им. В. В. Куйбышева вывезли в г. Балашов Саратовской области[8].

---

[1] Корзун В. С. Я один из тех, кто выжил // Вечер. Минск. 2002. 28 окт.

[2] Справка о мероприятиях, проведённых уполномоченными СНК БССР, командированными в районы эвакуации» от 6 июня 1942 г. БГМИВОВ. КП-34535.

[3] НАРБ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 1970. Л. 15.

[4] Там же. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 36. Л. 38.

[5] Там же. Ф. 7. Оп. 3. Д. 1988. Л. 35—37.

[6] Там же. Ф. 42. Оп. 6. Д. 2. Л. 53.

[7] Там же. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 36. Л. 39.

[8] Там же.

Только маленький городок Хвалынск Саратовской области с его 16-тысячным населением принял 10 тысяч эвакуированных из разных районов СССР детей, для которых было создано 7 детских домов. Среди них были воспитанники детских садов и домов, учащиеся средних школ Минска.

Война застала в пионерском лагере в Ратомке 350 минских детей в возрасте от 7 до 12 лет. До второй половины дня 22 июня в лагере о начале войны не знали, так как ни радио, ни телефона не было. Дети ожидали воскресного приезда родителей, готовились дать им концерт. Но приехали лишь немногие. 50 детей в первый же день родители забрали с собой. Начальник лагеря В. Гальперин отправился за распоряжениями в Минск, откуда уже не вернулся, поскольку был мобилизован в армию. 23 июня приехали ещё несколько родителей с известием, что Минск уже начинают бомбить. Решили, что в такой ситуации детям лучше оставаться в лагере. Однако непрерывные бомбёжки Минска заставили действовать. 25 июня заместитель начальника лагеря М. Платков договорился с начальником станции Ратомка, что тот остановит хотя бы на 20 минут какой-нибудь эшелон и погрузит детей[1]. В этот же эшелон сели 225 воспитанников минских детских садов № 7, 20, 38 и 65, также отдыхавшие в Ратомке. Как вспоминала воспитательница детского сада № 65 Н. А. Королёва, удалось захватить с собой в дорогу только печенье, варёные яйца, одну подушку и большого плюшевого медведя. Ей запомнилась также трогательная случайная встреча: на подходе к станции из двигавшейся рядом колонны военных неожиданно выскочил отец Сони и Ханы Вольминских, уходивший на фронт. Позже он пропал без вести, мать девочек погибла в гетто[2].

В Смолевичах в этот же эшелон погрузили 74 ребят из минского детсада № 15 и проводивших вместе с ними лето в Городище 49 детей сотрудников Минского горсовета.

По прибытии на место эвакуированных разместили сначала в здании дома отдыха «Просвещенец» под Хва-

---

[1] Пионерские вожатые из сорок первого // Знамя юности. 2004. 25 июня.

[2] БГМИВОВ. Н/В 15096.

лынском, а позже — в специально созданном детском доме № 7[1]. В Белгосмузее истории Великой Отечественной войны хранится редкий документ — школьная тетрадь, на страницах которой помещены списки эвакуированных в Хвалынск воспитанников: 74 человека из детсада № 15 (подписаны заведующей Я. Г. Чучко), 46 из детсада № 20 (подписаны заведующей Э. Я. Бартеневой), 49 из детсада № 38 (подписаны заведующей Р. Г. Харман), 56 из детсада № 7 (подписаны заведующей Р. И. Айолло). Списки не датированы, но составлены, вероятно, по прибытии в Хвалынск, т. е. в июле 1941 г.[2] В 1944 г. за 40 детьми приехали родители, большинство вернулось в родные места, некоторые, оставшиеся сиротами, навсегда связали свою жизнь с саратовской землёй.

В Хвалынск эвакуировали также 250 детей из минского детдома № 1[3].

Немало минских детей накануне войны отдыхали в отдалённых от столицы местах: в республиканском пионерском лагере «Нарочь» на территории Мядельского района Вилейской области (эвакуирован в посёлок Кемля Ичалковского района Мордовской АССР)[4], пионерском лагере «Крыніцы» под Бобруйском (вывезен сначала в Гомель, оттуда — в Урюпинск Сталинградской области, а в 1942 г. — в г. Ишимбай Башкирской АССР)[5], пионерском лагере «Бобры» в Воложинском районе (эвакуирован в Куйбышевскую область)[6].

Некоторым юным минчанам пришлось пережить две эвакуации. Так, 86 детей из пионерского лагеря кожзавода «Большевик» первоначально были эвакуированы в село Вязовку Сталинградской области, а в 1942 г., когда развернулись боевые действия на Сталинградском направлении, их переправили в более безопасные районы[7]. Местом вторичной эвакуации детских учреждений из

---

[1] БГМИВОВ. Н/В 7723; Паўлаў У. П. Указ. соч. С. 52—65.
[2] Там же. КП-44008.
[3] Паўлаў У. П. Указ. соч. С. 121.
[4] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 36. Л. 39.
[5] Паўлаў У. П. Указ. соч. С. 125.
[6] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 36. Л. 39.
[7] Там же. Ф. 7. Оп. 3. Д. 7. Л. 110; Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 36. Л. 39.

Сталинградской, Ростовской областей и Орджоникидзевского края, как правило, были Молотовская (Пермская) область и Алтайский край. Попавших в г. Медынь Калужской области 50 ребятишек из круглосуточного детского сада, размещавшегося до войны в Кагановичском районе Минска, при приближении фронта перевезли в г. Мокшан Пензенской области[1].

В 128 эвакопунктов, созданных к августу 1941 г. на крупнейших железнодорожных узлах и пристанях, в больших городах тыловых районов СССР, доставляли ребят, в том числе белорусских, потерявшихся или осиротевших в дороге, среди них были и минчане. Так, в Алтайском крае оказались четверо минских детей 1933—1937 годов рождения, принадлежавших одной семье[2], в Башкирию попал маленький минчанин «беспризорный Боровик Адик Вячеславович, 1931 г. р.»[3] Почти все эти дети после войны остались на новых местах проживания, поскольку вернуться им, за редким исключением, было некуда.

В документе под названием «Краткое изложение основных мероприятий, проводимых Советом Народных Комиссаров Белорусской ССР за период Отечественной войны (с 22.06.1941 по 22.04.1942)», составленном в июне 1942 г., сообщается, что только 24 июня 1941 г. удалось вывезти на восток около 30 тыс. минских детей[4]. При этом не указано, вывезены они в составе детских учреждений либо с матерями или имеются в виду те и другие, и вообще, каким образом появилась эта цифра, вызывающая большие сомнения, поскольку в мае 1942 г. при подготовке постановления СНК БССР «О работе среди эвакуированных детских учреждений из БССР» в сведениях, предоставленных наркомом народного просвещения Е. И. Ураловой, она вообще не упоминается, а сообщается лишь об эвакуации из Беларуси 164 детских учреждений (14835 детей), среди которых 110 детских домов

[1] Паўлаў У. П. Указ. соч. С. 122.

[2] НАРБ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 1967. Л. 1—283.

[3] Там же.

[4] Краткое изложение основных мероприятий, проводимых Советом Народных Комиссаров Белорусской ССР за период Отечественной войны (с 22.06.1941 по 22.04.1942), июнь 1942 г. БГМИВОВ. КП-34535.

(10 тыс. детей), 25 детских садов (1845 детей), 23 пионерских лагеря (2525 детей), 3 спецшколы (155 детей), 3 детских санатория (310 детей). При этом по состоянию на 10 мая 1942 г. было установлено местопребывание лишь 128 детских учреждений (12965 детей)[1]. Некоторые документы последующих лет дают основание говорить об условности и этих цифр. Так, в Справке о проведённых наркоматами БССР мероприятиях, составленной не ранее апреля 1943 г. и подписанной управляющим делами СНК БССР С. С. Костюком, идёт речь об установленном местонахождении 134 эвакуированных детских учреждений и постановке на учёт 8126 детей[2].

Таким образом, документы не сохранили достоверных данных об общем количестве эвакуированных минских детей, а также о количестве эвакуированных дошкольных, образовательных и лечебных детских учреждений столицы. В документах и мемуарной литературе автором выявлены сведения о 17 минских детских садах (из 76 довоенных), 2 яслях (из довоенных 36), 3 детских домах (из 5 существовавших до войны), 1 школе фабрично-заводского ученичества (из 3 довоенных), более 8 пионерских лагерях (из 28 работавших на территории Минской области в начале летнего сезона 1941 г.), 3 детских медицинских учреждениях.

Теперь остановимся на детских учреждениях, которые по разным причинам не смогли эвакуировать. На даче детского сада типографии газеты «Звязда» в Ратомке в первые дни войны ожидали машины, чтобы вывезти детей, но транспорт так и не появился. Трудно теперь сказать, почему позже этого не попытались сделать родители. Так или иначе, через месяц, когда закончились продукты, воспитатели переправили детей в Минск, разместили в доме завхоза детского сада и начали разыскивать родственников. Нашлись почти все, на попечении сотрудников детсада осталось до конца войны только пятеро ребят.

---

[1] НАРБ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 5. Л. 41.

[2] Там же. Ф. 4п. Оп. 29. Д. 20. Л. 50—71. Опубликовано: Белорусы в советском тылу. Июль 1941 г. — 1944 г.: сб. док. и материалов. Вып. 2. 1943 г. — 1944 г. / сост.: В. И. Адамушко [и др.]. Минск, 2010. С. 46.

22 июня военрук пионерского лагеря завода им. К. Е. Ворошилова в Дроздах объявил приехавшим родителям, что детей отдавать не будут во избежание паники, поскольку через несколько дней Красная Армия разгромит врага. В результате в лагере осталось около 100 детей, и с началом оккупации он превратился в детский дом. Позже некоторые из старших ребят самостоятельно ушли в Минск, но мало кому удалось разыскать родных — одни погибли, другие эвакуировались.

Не вывезли детский дом-ясли № 1, находившийся в Козырево, он также действовал при оккупантах как детский дом.

Не удалось эвакуировать детский санаторий в Острошицком Городке, где находились на отдыхе и лечении дети из Минска и соседних районов. Некоторых успели забрать родители, остались в основном воспитанники детских домов, в годы оккупации бывший санаторий продолжал действовать как детский дом[1].

О других категориях населения. После эвакуации из Минска нарком здравоохранения БССР М. И. Ковалёнок направил в Бюро ЦК КП(б)Б докладную записку «О медико-санитарном обслуживании РККА и гражданского населения с 22 по 28 июня 1941 г.», в которой сообщил об эвакуации из Минска 3-й Советской больницы (инфекционной) вместе с больными и ценным имуществом, не смогли вывезти только склад мобилизационных запасов из-за отсутствия транспорта. О других столичных больницах сведений у наркома не имелось[2]. Последнее было не случайно, поскольку из других лечебных учреждений если и удалось организовать эвакуацию, то это были единичные случаи, которые не могут быть отнесены к организованным мероприятиям. Так, 26 июня ассистент 1-го клинического городка Рахманчик и работник клиники Рокач упросили оказавшегося поблизости капитана Красной Армии отдать грузовую машину, на которой вывезли тяжёлых больных и нескольких человек из числа сотрудников клиники[3].

[1] Паўлаў У. П. Указ. соч. С. 234, 237—239, 245.

[2] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 37. Л. 42—46.

[3] Там же. Д. 64. Л. 177.

Будущий фельдшер А. В. Рытикова вместе с подругами работала в сандружине 1-го клинического городка. В этом районе было много раненых, она вспоминала: «Мы шли на стоны, поднимали мужчин, детей, женщин, тащили их в клинику. Палаты вмиг переполнились, раненых укладывали в коридорах... моё платье... стало липким от крови... Поезда из Минска не ходили... на автомобилях, подводах доставляли людей до Колодищ: с этой станции кое-как наладили железнодорожное сообщение в московском направлении»[1]. В санитарном поезде, ушедшем на Оршу, выехала и А. В. Рытикова. Под Смоленском эшелон попал под бомбёжку, погибших, не изъяв документов, захоронили у железнодорожной насыпи. Ни Орша, ни Смоленск эвакуированных не приняли, они были доставлены в Москву и размещены в Боткинской больнице. Сама же А. В. Рытикова направилась санпоездом в Минск за новой партией раненых. Однако эшелон дошёл только до Борисова, где попал в эпицентр боевых действий. Девушка работала там как фронтовая санитарка, попала в плен, бежала и стала партизанкой.

Уникальные документы, касающиеся эвакуации медицинских учреждений, долгие годы хранились в семье минчанки Ф. А. Минскер. В клинике Института туберкулёза (институт занимал помещения на улицах Интернациональной и Урицкого, в настоящее время — Романовская слобода), где она работала врачом, находилось на лечении несколько десятков больных, в том числе иногородних; с началом бомбардировок здесь был организован медпункт по приёму раненых. Обстановку в клинике, сложившуюся 24 июня, характеризует записка Ф. А. Минскер, адресованная главному врачу отделения Е. Л. Маршаку, который на тот момент находился по каким-то причинам дома: «Ефим Львович! Что делать с больными? В каких палатах разместить их на ночь? Опасаемся бомбёжки ближайшего к нам объекта (речь, вероятно, идёт о находившемся поблизости здании НКВД БССР. — *И. В.*). Больные размещены в 6 и 9 палатах. Более удобные, защищённые со всех сторон палаты,

[1] Гагарин К. В партизанских лесах // Армия. 2001. № 3. С. 29—31.

освобождены под лазарет. Жду ваших указаний. Дежурных врачей, кроме меня, нет. Минскер. 24.6.41»[1].

Так и не дождавшись распоряжений, женщина начала действовать сама. Часть больных минчан выписала домой, затем через военного коменданта добилась мест в эшелоне, с помощью направленного комендантом красноармейца подготовила раненых и больных к отправке, связалась по телефону со всеми больницами и оповестила о возможности выехать из города. В тот же день 24 июня часть больных и раненых из минских больниц подвезли к эшелону и эвакуировали через Борисов и Смоленск на восток. Спасённых пациентов Института туберкулёза сопровождали Ф. А. Минскер, с которой уехали также старики-родители и трёхлетняя дочь, и ещё четверо медработников. Из продуктов удалось взять с собой лишь ящик масла, ящик печенья, сахар и хлеб. По дороге состав постепенно разгружали. Так, в Куйбышеве группу больных передали на попечение местной больницы, где был выдан следующий документ: «Сведения о туббольных, эвакуированных из Минского Тубинститута. 15 человек (7 мужчин и 5 женщин) от 1894 до 1923 г. рождения. Места жительства: Минская область, Смоленская область, Могилёвская область, Минск (10 человек). Указанные больные приняты в Куйбышевскую областную туббольницу 6.7.41. Больные прибыли в сопровождении врача Минского тубинститута Минскер. Главврач туббольницы В. Зубкова»[2]. Последнюю группу больных приняла туберкулёзная больница Ташкента.

20 августа 1941 г. уполномоченный ЦК КП(б)Б и СНК БССР С. С. Костюк сообщил, что в городской больнице Тамбова учтено 132 человека мужчин, женщин и детей, раненных при бомбардировке Минска, Полоцка и Витебска. Все они были эвакуированы из больниц этих городов, поэтому одежды и других необходимых вещей ни у кого не было[3].

Но это, повторим, были единичные случаи. В больницах Минска осталось большое количество больных и ра-

[1] БГМИВОВ. КП-65731.

[2] Там же.

[3] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 91. Л. 110.

ненных. Вечером 24 июня к секретарю ЦК В. Г. Ванееву обратилась делегация работников Наркомата здравоохранения, Горздравотдела и городских больниц, в её числе был и Е. В. Клумов — будущий Герой Советского Союза, подпольщик, погибший от рук оккупантов, профессор Первой городской больницы (в настоящее время это Третья городская клиническая больница имени Е. В. Клумова). Вопрос был один: что делать с пациентами? В сложившейся ситуации он остался без ответа[1].

Зато была организована (правда, весьма специфическим способом) эвакуация заключённых из минской тюрьмы № 1 по улице Володарского и внутренней тюрьмы НКВД, размещавшейся во дворе здания НКВД по улице Урицкого. В городской тюрьме, рассчитанной на 1 тыс. человек, по состоянию на 10 июня 1941 г. находилось 1867 заключённых — почти вдвое больше положенного[2]. Примечательно, что арестам «неблагонадёжных» граждан не помешало даже начало войны, наоборот, этот процесс вышел на новый виток под предлогом обеспечения внутригосударственной безопасности в экстремальных условиях военного времени. К примеру, 22 июня органами НКВД БССР был арестован в Минске преподаватель Коммунистического института журналистики Ю. Н. Майзель, которому припомнили «участие в троцкистской оппозиции», в связи с чем он привлекался к партийной ответственности в 1924, 1926 и 1934 гг. На этот раз всё окончилось намного серьёзнее — в январе 1942 г. постановлением Особого совещания НКВД СССР минчанин был осуждён на 10 лет и сослан в лагеря, в одном из которых в том же году умер. Реабилитирован в 1957 г.[3]

23 июня нарком внутренних дел БССР А. П. Матвеев получил телефонограмму из Москвы от заместителя наркома внутренних дел СССР В. В. Чернышёва о немедленной эвакуации по железной дороге заключённых из тю-

---

[1] Калинин П. З. Партизанская республика. М., 1964. С. 10—11.

[2] ГАРФ. Ф. Р-9413. Оп. 1. Д. 6. Л. 165об, 166об. Опубликовано: Приказано приступить: Эвакуация заключённых из Беларуси в 1941 году: сб. док. / сост.: А. И. Кокурин [и др.]. Минск, 2005. С. 13.

[3] Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Мінска: у 4 кн. / рэд. кал.: Г. К. Кісялёў [і інш.]. Мінск, 2004. Кн. 3. С. 460.

рем НКВД и НКГБ БССР, находившихся на территории западных областей Беларуси, в направлении Читы, Свердловска, Иркутска, Калинина (Тверь), Курска, Тамбова, Рязани, Сталинграда, Саранска, Самарканда[1]. Вероятно, телефонограмма поступила поздно вечером. Об этом можно судить по тому, что именно в это время тюремное управление НКВД БССР получило телеграфное распоряжение такого же содержания от начальника тюремного управления НКВД СССР М. И. Никольского[2]. В тот же день ЦК КП(б)Б принял постановление о выполнении приговоров в отношении лиц, осуждённых к высшей мере наказания[3].

События развивались столь стремительно, что вывоз заключённых не только из западных областей, но также восточных, включая Минскую, планово, по железной дороге, организовать не удалось. Так, полковник А. А. Плеханов — командир 42-й бригады конвойных войск, на которую НКВД БССР возложил задачу по перевозке заключённых из минской тюрьмы, в 8:00 24 июня доложил в наркомат, что не имеет достаточного конвоя для сопровождения заключённых[4], поскольку в 6:00 23 июня четыре взвода 226-го конвойного полка этой бригады были направлены к западной границе для приёма под охрану лагерных пунктов для ожидавшихся военнопленных, а роту этого же полка в 11:00 23 июня отправили «для усиления 240 полка» бригады, дислоцировавшегося в Литве[5]. Массированная бомбардировка столицы полностью сняла вопрос о возможной эвакуации заключённых по железной дороге, а обострение ситуации на Минском направлении заставило принять в отношении заключённых экстраординарные меры. Вечером 24 июня и в ночь на 25 июня их колоннами стали выводить пешком или вывозить авто-

[1] ГАРФ. Ф. Р-9413. Оп. 1. Д. 21. Л. 17. Опубликовано: Приказано приступить... С. 21.

[2] Там же. Д. 22. Л. 198—203. Опубликовано: Приказано приступить... С. 49.

[3] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 3. Д. 1209. Л. 6. Опубликовано: Приказано приступить... С. 20.

[4] ГАРФ. Ф. Р-9413. Оп. 1. Д. 22. Л. 198—203. Опубликовано: Приказано приступить... С. 49—50.

[5] РГВА. Ф. 38052. Оп. 1. Д. 6. Л. 72—76.

транспортом в направлении Могилёва. Минчанка Э. И. Ляховицкая, которая пряталась от бомбёжки в подвале Государственного еврейского театра БССР, расположенного напротив городской тюрьмы, вспоминает: «Поздно вечером [24 июня], когда стемнело и прекратилась бомбёжка, из ворот тюрьмы на улице Володарского в сопровождении пешего и конного конвоя начали выходить колонны заключённых. До сих пор помню цокот копыт по булыжной мостовой, безмолвие идущих в колоннах людей...»[1]

Оперативная сводка штаба 42-й бригады конвойных войск по состоянию на 5 июля 1941 г. коротко сообщила, что в 2:00 25 июня заключённых из всех тюрем Минска в количестве 170 человек, в том числе доставленных 24 июня из тюрем г. Каунаса[2], под конвоем подразделений 226-го полка вывели пешком в направлении Березино «для отрывки окопов». По пути следования, в районе Червеня, заключённые и конвой попали под сильную бомбардировку. После этого «распоряжением начальника тюремного управления НКВД БССР Степанова заключённые за к/р (контрреволюционные. — *И. В.*) преступления были расстреляны, а остальных распустили»[3].

Однако есть сведения о наличии более позднего сообщения в НКВД СССР от 11 июля 1941 г., в котором приводятся уже другие цифры и даже другая дата: «26 июня силами снайперской роты из минской тюрьмы было эвакуировано около 2000 заключенных, но ввиду систематических нападений на колонну с заключёнными под местечком Червень при согласовании с руководством тюрьмы 209 политических заключённых были расстреляны, а заключённые, содержащиеся под стражей за бытовые преступления, освобождены»[4].

К сожалению, о расстрелянных 26 июня, среди которых были и минчане, сведений почти не сохранилось.

---

[1] Ляховицкая Э. И. Мой город // СБ. Беларусь сегодня. 2003. 14 янв.

[2] ГАРФ. Ф. Р-9413. Оп. 1. Д. 21. Л. 33—34. Опубликовано: Приказано приступить... С. 24.

[3] РГВА. Ф. 38052. Оп. 1. Д. 6. Л. 72—76.

[4] Цит. по: Матох В. Без права на помилование // БелГазета. 2007. 30 апр.

Одной из жертв стал писатель З. М. Аксельрод, ответственный секретарь выходившего в Минске еврейского журнала «Штерн» («Звезда»). Он был арестован перед войной, 30 мая 1941 г., за «участие в антисоветской националистической организации», причём в связи с началом войны следствие по его делу закончить не успели, оно было остановлено лишь в 1957 г.[1]

Часть заключённых, которым сохранили жизнь, к 16:00 27 июня разместили в тюрьме Червеня, остальных повели дальше в направлении Могилёва[2].

По прибытии в Могилёв заключённые попали в местную тюрьму, а часть «наименее опасных» для общества была отпущена на волю для мобилизации в Красную Армию. Среди последних оказался писатель Г. С. Берёзкин, бывший заведующий отделом газеты «Літаратура і мастацтва», арестованный в апреле 1941 г. Позже он воевал под Сталинградом, Курском, на других фронтах, был награждён. Однако это, как говорится, не пошло в зачёт: в 1949 г. писатель вновь был арестован и находился в лагерях до 1955 г. Реабилитирован в 1956 г.[3]

Заместитель начальника тюремного управления НКВД БССР М. П. Опалёв, докладывая 3 сентября 1941 г. начальнику этого же управления М. И. Никольскому о результатах эвакуации тюрем с территории Белорусской ССР, не упомянул Минск в числе белорусских городов, из которых удалось осуществить эвакуацию заключённых. В отношении столицы республики он ограничился достаточно невнятной фразой: «О тюрьме г. Минска мною дано объяснение начальнику оперативного отдела полковнику тов. Ильину»[4]. Очевидно, минских узников автор фактически отнес к категории, охарактеризованной в этом же документе следующим образом: «Из остальных тюрем заключённые или были выведены из тюрем и разбежались

---

[1] Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Мінска... Кн. 3. С. 327; Беларускія пісьменнікі (1917—1990)... С. 12.

[2] ГАРФ. Ф. Р-9413. Оп. 1. Д. 21. Л. 36—37. Опубликовано: Приказано приступить... С. 28.

[3] Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Мінска... Кн. 3. С. 348; Беларускія пісьменнікі (1917—1990)... С. 83—84.

[4] ГАРФ. Ф. Р-9413. Оп. 1. Д. 22. Л. 198—203. Опубликовано: Приказано приступить... С. 52.

по дороге во время налёта на них немецких самолетов, или же были оставлены в тюрьмах при занятии городов немецкими войсками».[1] Что касается последнего, по воспоминаниям очевидцев, а также сведениям немецких источников, из минской городской тюрьмы заключённых действительно или не успели увести полностью, или просто бросили там часть тех из них, кто был осужден в основном за уголовные преступления. В 3 часа ночи на 26 июня подразделения конвойных войск сняли охрану тюрьмы, а в 18:00 того же дня их последние оперативные группы покинули столицу. В условиях полного безвластия уголовники вырвались на свободу и в значительной степени инициировали грабежи магазинов и складов.

Сохранились и некоторые подробности о процессе «эвакуации». По воспоминаниям доставленного из Каунаса в Минск бывшего офицера литовской армии Ю. Тумаса, в ночь на 25 июня колонну заключённых, в которой было примерно 5,5—6,0 тыс. человек, погнали по улицам города почти бегом. На рассвете вышли на Могилёвское шоссе. Расстреливать обессилевших людей начали еще в Минске и продолжали всю дорогу до Червеня. По некоторым данным, одним из мест расстрела было урочище Благовщина под Минском, которое спустя несколько месяцев станет местом массового расстрела оккупантами минских евреев. По подсчётам выживших, в пути было убито около 600 человек. В Червень колонна прибыла 26 июня. Мужчинам помоложе было предложено записаться в Красную Армию. Желающих нашлось достаточно много, но «политических» среди них не было. После этого оставшихся разделили на три группы, одну из которых оставили в местной тюрьме (после отступления частей Красной Армии они разбежались), остальных вывели из тюрьмы в направлении на Бобруйск. Когда колонну довели до урочища Цагельня, конвоиры выстроились по обе стороны дороги и в упор начали расстреливать людей. Спастись удалось лишь нескольким десяткам человек[2].

[1] ГАРФ. Ф. Р-9413. Оп. 1. Д. 22. Л. 198—203. Опубликовано: Приказано приступить... С. 52.

[2] Михальчук Л. Чтобы помнили... // Белорус. рынок. 2005. 27 июня — 4 июля.

Бывший заключённый внутренней тюрьмы НКВД Цодик свидетельствовал после войны, что узников этой тюрьмы начали покамерно выводить во двор и грузить на машины во второй половине дня 24 июня. Затем машины уходили в неизвестном для заключённых направлении. После полуночи 25 июня дошла очередь и до камеры, где находился Цодик. Крытые грузовики с очередной партией заключённых, сопровождаемые усиленной охраной, с трудом маневрировали на забитых войсками минских улицах, после чего выехали на Могилёвское шоссе. Уже светало, когда машина, где находился Цодик, свернула с шоссе на просёлочную дорогу и вскоре остановилась на краю неширокой ложбины, поросшей молодым сосняком и кустарником. Все группы доставленных заключённых поставили на краю ложбины и расстреляли, при этом один из конвойных прокомментировал расстрел следующим образом: «А чего этих сволочей, врагов народа, жалеть, сегодня была команда их всех истребить ночью, нечего с ними возиться. Немец на подступах к Минску, вот это страшно. А оставишь их в живых, не иначе как перебегут к немцу»[1]. Цодика спасло то, что с первыми выстрелами он упал на землю и остался незамеченным под закрывшими его мертвыми телами. Когда днём очнулся, увидел в ложбине сотни трупов. По некоторым признакам, это произошло на территории военного полигона между деревнями Большой Тростенец и Малый Тростенец[2].

Справедливости ради не можем не отметить, что высказывание конвоира о возможном предательстве в некоторых случаях оказалось пророческим. Так, среди заключённых, которых увели из внутренней тюрьмы НКВД, находился уроженец Новогрудчины Б. Рогуля. Призванный в 1939 г. в польскую армию, он попал в плен к немцам. Летом 1940 г. был отпущен, перешёл польско-советскую границу и стал работать учителем немецкого языка в Любче. В январе 1941 г. был арестован НКВД по

---

[1] Кузнецов И. Н. Тростенецкая трагедия: взгляд через годы // Нар. воля. 2004. 13 нояб.

[2] Ковалёв А. Колокол мой — правда, А. Майсеня. Забыть не дано. Минск, 1989. С. 205—213; Татаренко А. Кровавый путь к победе // Нар. воля. 2002. 8 мая.

обвинению в шпионаже в пользу Германии и подготовке антисоветского мятежа и приговорён к расстрелу. В своих мемуарах «Жизнь под огнём» вспоминал, что через несколько дней после начала войны его в составе двух колонн заключённых пешком погнали на восток. Во время сортировки в червеньской тюрьме он назвался чужим именем и сказал, что арестован за невыполнение плана. У конвоя не было с собой документов, чтобы проверить, и Б. Рогулю вместе с «неполитическими» заключёнными оставили в тюрьме, остальных — более 1 тыс. человек — увели. Вскоре охрана исчезла и заключённые разбежались. В период немецкой оккупации Беларуси Б. Рогуля стал одним из известных представителей местной коллаборации.

Документы НКВД сообщают лишь о случаях расстрела заключённых в районе Червеня. Как видим, остались свидетели расстрелов и в других местах. На Червеньщине, к примеру, выявлены массовые захоронения заключённых в деревнях Загорье, Высокий Стан, в урочищах Дубов Мост и Куколевская поворотка[1].

По утверждению автора книги «Марш смерти. Эвакуация заключенных из Минска в Червень. 24—27 июня 1941 г.» И. Станкевич-Янущак, все выжившие в Червене люди свидетельствуют: число заключённых, расстрелянных НКВД возле Червеня, превышает 1 тыс. человек. Из групп, выведенных из червеньской тюрьмы на расстрел, выжило около 80 человек[2].

Таким образом, в первые дни войны методы «разгрузки» тюрем были фактически отданы на откуп местным органам НКВД-НКГБ и командованию конвойных частей, последние же руководствовались большей частью устными распоряжениями вышестоящих начальников или проявляли собственную инициативу, которую в те дни всегда можно было оправдать чрезвычайными обстоятельствами военного времени.

Лишь 12 июля 1941 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР будут законодательно оформлены предло-

---

[1] Матох В. Указ. соч.

[2] Там же.

жения заместителя наркома внутренних дел СССР В. В. Чернышова и начальника тюремного управления НКВД СССР М. И. Никольского, направленные на имя наркома внутренних дел Л. П. Берии, в которых был признан нецелесообразным «дальнейший вывоз заключённых из тюрем прифронтовой полосы как вновь арестованных после проведенной эвакуации тюрем, так и в порядке расширения зоны эвакуации... ввиду крайнего переполнения тыловых тюрем... 1. Вывозу в тыл подлежат только подследственные заключённые, в отношении которых дальнейшее следствие необходимо для раскрытия диверсионных, шпионских и террористических организаций и агентуры врага. 2. Женщин с детьми при них, беременных и несовершеннолетних, за исключением диверсантов, шпионов, бандитов и т. п. особо опасных, — свобождать. 3. Всех осуждённых по Указам Президиума Верховного Совета СССР... за прогулы и опоздания на работу, а также тех осуждённых за бытовые, служебные и другие маловажные преступления, или подследственных по делам о таких преступлениях, которые не являются социально опасными, использовать организованно на работах оборонного характера по указанию военного командования с досрочным освобождением при эвакуации охраны тюрьмы. 4. Ко всем остальным заключённым (в т. ч. дезертирам) применять ВМН — расстрел»[1].

Однако эти документы лишь официально подтвердили и оправдали те действия, которые были уже применены в первые дни войны по отношению к заключённым не только западных, но и восточных областей, в частности Беларуси.

Возвращаясь к теме эвакуации населения Минска, следует отметить, что групповая эвакуация представителей коллектива какого-либо предприятия, учреждения, организации прослеживается в эвакуационных списках СНК БССР весьма редко. К примеру, упоминаются группы рабочих и ИТР авиазавода, кожзавода «Большевик» (все эвакуированы в г. Горький), пивзавода (Иркутская

[1] ГАРФ. Ф. Р-9413. Оп. 1. Д. 21. Л. 66—67. Опубликовано: Приказано приступить... С. 32—33.

область), хлебозавода и вагонного участка станции Минск (Воронежская область), вагоноремонтного завода им. А. Ф. Мясникова (Куйбышев). Шесть женщин с фабрики «Коммунарка» работали колхозницами в с. Донгуз Балтайского района Саратовской области; завпроизводством артели «Пролетарий» и две мастерицы щёточной фабрики — колхозницами в Куриловском районе Саратовской области. Девять человек с завода им. С. М. Кирова (начальник хозяйства, старший инженер, начальники служб, технолог, котельщик, токарь, два мастера) и четыре человека с завода им. К. Е. Ворошилова (мастер, кузнец, завскладом, токарь) трудились в Саратове на заводе зуборезных станков. По обнаруженным автором в Национальном архиве Республики Беларусь косвенным данным, некоторые работники завода им. К. Е. Ворошилова работали также на саратовском военном заводе № 44[1]. Факты направления представителей коллектива одного и того же предприятия в разные географические точки встречаются достаточно часто. Так, работники типографии газеты «Звязда» попали в г. Мариинск Кемеровской области и село Воскресенск Саратовской области[2], работницы швейной фабрики «Октябрь» — в г. Горький и один из колхозов Саратовской области.

По неполным данным, эвакуировались около 250 человек из более чем 500 рабочих и служащих обувной фабрики им. Э. Тельмана[3], около 25 % работников кожгалантерейной фабрики им. В. В. Куйбышева, коллектив которой, в основном женский, составлял почти 900 человек[4].

Уехали около 70 сотрудников из 460 человек, входивших в штат Минского центрального телеграфа[5].

Отправились на восток 620 человек из более чем 1400, составлявших коллектив преподавателей и студентов очного отделения БГУ (учащиеся курсов и студенты заочного отделения накануне были распущены по домам)[6].

---

[1] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 47. Д. 18. Л. 81, 151, 156 об., 157; Д. 14. Л. 336.
[2] Там же.
[3] Там же. Оп. 33а. Д. 667. Л. 23.
[4] Там же. Л. 25.
[5] Там же. Л. 17—19.
[6] Там же. Л. 9—11.

Уехали 85 преподавателей, 1078 студентов и 25 административно-технических работников педагогического и учительского институтов[1].

Покинули Минск не менее 50 человек профессорско-преподавательского состава Белорусского государственного политехнического института[2].

Жизнь эвакуированных была нелёгкой. Как правило, по своей специальности смогли устроиться на работу учителя, врачи, бухгалтеры, представители рабочих профессий, партийные и советские работники, сотрудники милиции. Другим пришлось сменить профиль работы. Преподаватель Музыкального техникума пианист Е. Л. Жив работал бригадиром на уборке хлопка в колхозе Узбекистана, консультант Наркомюста БССР Э. А. Эгле — на полевых работах в колхозе Татарии. Журналистка газеты «Сталинская молодёжь» Л. Д. Розман стала лаборантом на военном заводе в г. Свияжск в Татарии; кассир Фабрики-кухни С. А. Бокуть — контролёром военного завода в Челябинской области. Начальник скорняжного цеха швейной фабрики «Октябрь» Ш. М. Шульман устроился сторожем в одном из колхозов Челябинской области. Сотрудница Картинной галереи Е. В. Аладова — жена известного композитора — поначалу окончила курсы шофёров в Саратове и возила на грузовике с рыбозавода мороженую рыбу[3].

Некоторых минчан настигла в эвакуации волна политических репрессий. Так, до войны известным в Беларуси виноделом был И. М. Шаплыко, работавший в НИИ пищевой промышленности. Он трудился над получением игристого вина «Белорусское шампанское» и добился хороших результатов. Был эвакуирован в Кзыл-Орду, где работал преподавателем в сельскохозяйственном техникуме. Как он объяснил в письме жене, «благодаря стечению ряда обстоятельств», летом 1942 г. был осуждён по 58-й статье на длительный срок и попал в лагерь в Кемеровскую область. Уже по окончании войны, 5 сентября 1945 г., помощник заместителя председателя СНК БССР по пищевой про-

[1] НАРБ. Ф. 42. Оп. 6. Д. 3. Л. 41.
[2] Там же. Ф. 210. Оп. 3. Д. 6. Л. 11.
[3] Комсомольская правда в Белоруссии. 2010. 15—21 апр.

мышленности Захарич направил письмо зампреду СНК Г. С. Лахтанову с просьбой ходатайствовать о пересмотре дела, чтобы привлечь специалиста «к развитию плодово-ягодного виноделия». Г. С. Лахтанов, в свою очередь, обратился к наркому внутренних дел БССР генерал-лейтенанту С. С. Бельченко с просьбой перевести И. М. Шаплыко в Минск, чтобы он мог до пересмотра дела «приносить пользу». Однако нарком не пожелал оказать помощь и ограничился отпиской, что «не имеет полномочий обращаться в ГУЛАГ НКВД СССР»[1].

Таким образом, в эвакуации оказались представители достаточно большого количества минских коллективов: наркоматов и различных трестов, промышленных предприятий и артелей системы промкооперации, Минского участка Западной железной дороги, научных и медицинских учреждений, школ, высших учебных заведений и техникумов, коммунального хозяйства и торговли, Госиздата, Радиокомитета, Дома печати и типографии им. И. В. Сталина, редакций газет, театров, Главкинопроката, киностудии «Советская Беларусь» и пр.

Согласно отчётным документам СНК БССР, полностью и организованно выехали в советский тыл ведущие артисты Государственного ордена Ленина Большого театра оперы и балета БССР, большая часть коллектива Белорусской государственной консерватории и некоторых других творческих организаций. Однако на деле не всё обстояло так гладко. В воспоминаниях пианиста-концертмейстера консерватории К. В. Полубинской содержатся сведения о том, что ей с сыном Юрой самой пришлось добираться до Борисова, где удалось сесть в товарный состав и выехать в Саратов, назначенный пунктом эвакуации работников консерватории. По дороге, во время бомбёжки, у шестилетнего Юры поседели волосы[2].

Начало войны застало коллектив театра оперы и балета в летних отпусках. Кто-то отдыхал в Сочи, другие оставались в Минске и вынуждены были решать свою судьбу самостоятельно. Одной из «неорганизованных» минчанок,

[1] НАРБ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 1746. Л. 222–224.
[2] БГМИВОВ. Н/В-18777.

которая с ребёнком на руках самостоятельно выбиралась из города, была прима театра народная артистка СССР Л. П. Александровская. 19 июня её двенадцатилетнего сына Игоря забрали в больницу с приступом аппендицита и оперировали. 24 июня артистка бросилась в клинику и первое, что услышала от хирурга: «Кто может, уходите!» Из воспоминаний Л. П. Александровской: «Могли уйти только мы. Помогла сыну одеться. Встали и пошли. Врач сделал, что мог: дал на дорогу бутылку с вином — смазывать губы сыну для поддержания сил. И ещё — шприц с ампулой, чтобы сделать укол, если станет ему плохо. Что делать с этим шприцем, для меня — "китайская грамота". Но, тем не менее, взяла. Минск горел, налёты не прекращались. Вопросительными знаками взвивались около моего дома трамвайные рельсы, рушились дома. Народ уходил. Куда идти!? — в Москву! Швы не сняты, документов нет, денег тоже нет. Дом, в котором квартира, горит от бомбы. На мне только лёгкое платье, французские туфли на высоких каблуках и... орден Ленина (надела на всякий случай, уходя утром из дома)»[1]. Отвев сына в подвал театра оперы и балета, артистка узнала, что для эвакуации коллектива дирекция выделила две грузовые машины, однако они бесследно исчезли, на них уехали водители со своими семьями. Тогда вместе с сыном, сестрой и сынишкой директора театра она направилась прочь из горящего Минска. На перекладных, почти босиком, добрались до Вязьмы, оттуда смогли выехать в Москву, где Л. П. Александровская получила назначение на работу в оперный театр Алма-Аты. Война разбросала семью Александровских. Дом на улице Провиантской (Захарова), где жили родственники артистки, сгорел, при этом погиб её дядя. Муж Ларисы Помпеевны, служивший в интендантском ведомстве НКВД, был на фронте. Брат, работавший до войны в Госбанке, эвакуировался и оказался в Уфе. Его жена — известная актриса БГТ-1 О. В. Галина — находилась вместе с коллективом театра в эвакуации в Томске. Мать и другие родственники остались в оккупированном Минске.

---

[1] Цит. по: Ладыгина А. Б. Лариса Помпеевна Александровская. Документально-театральный роман. Минск, 2002. С. 157—158.

Многим другим артистам театра оперы и балета тоже удалось покинуть город и затем продолжить работу в различных театрах тыловых районов. В 1943 г. театр воссоединился как единый коллектив в г. Коврове Владимирской области. Этот процесс проходил весьма трудно, о чём свидетельствует докладная записка председателя Комитета по делам искусств при СНК СССР М. Храпченко секретарю ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко от 14 июня 1943 г. «...Белорусский оперный театр был эвакуирован неорганизованно и в тяжелых условиях. В результате значительная часть работников театра, и в первую очередь из хора, оркестра и постановочной части, остались в оккупированных районах, а те, что эвакуировались, расселились по всей стране. В театре не оказалось ни одной оперной или балетной нотной партитуры и потому нельзя было восстановить ни одного белорусского спектакля, совсем не были вывезены костюмы и т. д.»[1]

«Автоматически» оказался в эвакуации столичный Белорусский ордена Трудового Красного Знамени первый государственный театр (Купаловский), который война застала на гастролях в Одессе, где он выступал на сцене Одесского украинского театра Революции, гастролировавшего в это время в Минске. До эвакуации Одессы артисты выступали перед красноармейцами и моряками, затем выехали через Москву в Томск. В Одессе они вынуждены были оставить все декорации и костюмы, взяли с собой только национальные. Народная артистка БССР З. И. Броварская, муж которой оставался в Минске (ему вместе с сыном удалось уйти из города пешком), вспоминала, что по дороге в Москву артисты выбегали на станциях и кричали: «Едет белорусский театр! Кто знает, что произошло в Минске?» На одном из полустанков их случайно услышала ехавшая с детьми в другом эшелоне жена артиста Г. П. Глебова, сумевшая выбраться из Минска. Так, благодаря случаю, воссоединилась в пути одна из минских семей[2].

---

[1] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 47. Д. 5. Л. 67.

[2] Кирилюк И. И каждый вечер в час назначенный... По воспоминаниям Зинаиды Ивановны Броварской. Минск, 2001. С. 36.

Удалось эвакуироваться сначала в Шахуньский район Горьковской области, а в конце 1941 г. в Новосибирск труппе Государственного еврейского театра БССР, гастролировавшей накануне войны в Витебске. Как и БГТ-1, этот театр в эвакуации продолжал работать.

Другим столичным творческим коллективам повезло меньше. Война разбросала труппу Белорусского государственного театра юного зрителя им. Н. К. Крупской. Барановичи, где театр выступал с гастролями, с первых дней оказались в зоне боевых действий. Некоторые артисты, покинув под бомбами город, ушли на восток, другие добрались до Минска и здесь попали в оккупацию. Кто-то, чтобы выжить, пошёл работать в открытый немцами в здании БГТ-1 Минский городской театр, за что после войны был репрессирован. Других ждала гибель от рук оккупантов, например режиссёр ТЮЗа М. Зорев погиб в гетто.

«Фантастическим способом», по словам артистов, удалось вырваться из Минска гастрольному коллективу МХАТа. К вечеру 24 июня администрация ДКА во главе с начальником батальонным комиссаром Н. А. Григорьевым предоставила в их распоряжение легковой автомобиль, грузовик и автобус с небольшим запасом бензина. Как и многие минчане, московские артисты были уверены, что через несколько дней этот кошмар закончится, поэтому решили отправиться в путь налегке, оставив вещи в одном из гостиничных номеров, в шкафу остался даже «парадный» пиджак И. М. Москвина с орденом Ленина на лацкане. Администрация гостиницы обещала при первой возможности выслать багаж следом (к слову, так же поступили и одесские артисты: заперли своё имущество в кладовой театра, а ключ передали вахтёру). Отправив машинами женщин и старших членов труппы в направлении Борисова, оставшиеся около половины первого ночи с 24 на 25 июня двинулись из города пешком. В центре жар и пламя были нестерпимыми. Артисты закрывали лица платками, чтобы не задохнуться, с трудом пробирались через воронки от бомб, цеплялись за оборванные трамвайные и телеграфные провода. И всё-таки они сумели «выхватить» из этого чудовищного театра абсурда

многие детали: автомобиль, висевший на лестнице высокого здания; жуткую в той ситуации улыбку манекена в прекрасной одежде, который стоял, как ни в чём не бывало, в витрине разрушенного магазина. Вскоре дорогу артистам, двигавшимся по центральной улице Советской, единственной, которая была им более или менее знакома, преградил огромный завал, преодолеть который они были не в состоянии, а на прилегающих улицах боялись заблудиться. Помог случай — встретился местный парнишка лет 15. Про себя рассказал, что работал электриком, родные погибли во время бомбёжки, теперь пробирается в Москву к тётке и дорогу на Борисов знает хорошо. Этот минский подросток вывел артистов обходными путями из города и, в сущности, спас им жизнь. К сожалению, по дороге он где-то отстал, и дальнейшая его судьба осталась неизвестной.

В условленном месте на Московском шоссе в 10 километрах от Минска мхатовская труппа соединилась. Артисты были измучены, съестные припасы заканчивались. Они вынуждены были обратиться за помощью к командиру зенитной батареи, стоявшей неподалёку. Тот расчувствовался от неожиданной встречи со знаменитостями и выделил в дополнение к их транспорту грузовик и двух красноармейцев для сопровождения.

Днём 25 июня на шоссе мхатовцы встретились с уходившими из Минска пешком артистами московского цирка. Со слезами на глазах те рассказали, что помещение цирка сгорело, почти все их дрессированные животные погибли под бомбами, лишь морских львов успели выпустить в Свислочь[1], да вырвались из конюшни цирковые лошади; позже некоторые минчане видели их носившимися по горящему городу[2].

После войны артисты удивлялись, как они, изнеженные, капризные, избалованные комфортом, могли выдержать такую нагрузку. В трудный момент их нервы напряглись до предела, что дало силы перенести все лишения и испытания.

---

[1] Далёкие огни // СБ. Беларусь сегодня. 2005. 5 февр.

[2] Клімковіч І. Указ. соч. С. 112. Перевод с бел. И. Ю. Воронковой.

Действительно, люди постепенно привыкают ко всему. Так и мхатовцы вскоре перестали прятаться от периодически пролетавших над головами немецких самолётов, следуя примеру И. М. Москвина, который с иронией заявлял, что немцы вряд ли станут тратить дорогостоящую бомбу на такую ничтожную цель. После войны со смехом вспоминали, как народная артистка РСФСР Л. М. Коренева, захватившая с собой из Минска термос с кофе и накрахмаленную салфетку, устраивала импровизированные завтраки на пеньках и постоянно искала если не озерцо, чтобы умыться, то хотя бы лужу почище.

Вечером 27 июня через Борисов, Оршу и Смоленск мхатовцы прибыли в Вязьму. К ночи 28 июня добрались до Можайска и в 4 часа утра следующего дня первым же пригородным поездом выехали в Москву. Так завершились «огненные» гастроли прославленного театра. Его главный администратор Ф. М. Михальский, над которым дамокловым мечом висел предстоящий финансовый отчёт по итогам прерванных гастролей, в результате которых было потеряно все театральное имущество, чудом сумел довезти до Москвы всё, что осталось: нереализованные афиши, входные билеты, программки спектаклей. Время превратило их в уникальные документы истории, которые хранятся сегодня в музее МХАТа.

Афиши прерванных войной минских спектаклей есть и в музее одесского театра, который сегодня называется Одесский украинский музыкально-драматический театр имени В. Василько. С трудом несколькими группами выбрались из Минска артисты этого театра в июне 1941 г. Позднее они с грустью шутили, что название спектакля «Украденное счастье» по драме И. Франко, который репетировали в Минске, но так и не успели сыграть, как нельзя лучше соответствовало сложившейся ситуации. Части одесской труппы удалось попасть в эшелон на станции Колодищи, остальные несколько дней добирались пешком до Могилёва, где смогли сесть в товарный состав. Через некоторое время все артисты собрались в Сталинграде.

Минские гастроли грозного лета 1941 г. запечатлелись особой страницей в памяти их участников, хотя позднее

многие из них сражались на фронте, другие прошли трудными военными дорогами в составе фронтовых концертных бригад. Выступая на антифашистском митинге в Москве 29 ноября 1942 г., И. М. Москвин сказал: «22 июня 1941 г. мы играли в Минске... Фашисты начали бомбить город, безжалостно истребляя беззащитное население, разрушая памятники культуры и искусства... Мы пробовали продолжать в Минске наши спектакли, но это было невозможно: город горел, люди гибли... Мы ушли из Минска, унося с собой чувство боли, ненависти и гнева»[1].

Эвакуированные минчане оказались разбросанными по многим городам и весям Куйбышевской, Саратовской, Горьковской, Вологодской, Ярославской, Сталинградской, Калужской, Ивановской, Рязанской, Тамбовской, Пензенской, Кировской, Челябинской, Новосибирской, Омской, Иркутской, Молотовской (Пермской), Чкаловской (Оренбургской) областей; Краснодарского, Алтайского, Красноярского краёв; Татарской, Мордовской, Башкирской, Чувашской, Марийской, Коми АССР; Армянской, Казахской, Узбекской, Таджикской, Киргизской ССР[2].

21 мая 1945 г. начальник группы оперативных работников СНК БССР по обслуживанию эвакуированного и выходящего из тыла противника населения Суханова констатировала в «Справке о количестве эвакуированного населения БССР, проживающего в восточных областях Советского Союза», что к началу освобождения Беларуси было учтено 291,1 тыс. эвакуированных из БССР, на 1 апреля 1945 г., после частичной реэвакуации, эта цифра составила 54,979 тыс. человек, без учёта эвакуированных в Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Киргизию и Ярославскую область, откуда данных получено не было[3].

Вплоть до осени 1944 г. реэвакуация минчан была сопряжена с немалыми трудностями, связанными с размещением и трудоустройством взрослого населения. Решением Минского областного Совета въезд эвакуированного населения в столицу и города на территории области осуществлялся только с разрешения горсоветов. Это ре-

---

[1] Москвин И. М. Статьи и материалы. М., 1948. С. 77.

[2] Установлено автором.

[3] НАРБ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 1734. Л. 163.

шение было отменено постановлением СНК БССР «О реэвакуации населения Белорусской ССР» от 22 сентября 1944 г., разрешившим эвакуированным жителям не только Минска, но и всей Беларуси беспрепятственный въезд на прежние места жительства. В июле 1945 г. Совнарком БССР объявил, что реэвакуация населения БССР из восточных областей в основном завершена.

На самом деле реэвакуация жителей Беларуси, в том числе минчан, и позднее осуществлялась, только при наличии соответствующего вызова. В качестве доказательства приводим письмо довоенного заместителя наркома коммунального хозяйства БССР И. М. Драгуна, жена и сын которого находились в эвакуации в Чкаловской (Оренбургской) области, а сам он с июня 1941 г. сражался на фронте: «*Уважаемый Иван Семёнович!* (Имеется в виду заместитель председателя СНК БССР И. С. Былинский. — *И. В.*). *Никогда не обращался с личной просьбой, но условия, в которых очутилась моя жена, вынуждают меня прибегнуть к этому. Жена находится в гор. Чкалов и сильно болеет малярией* (в начале эвакуации она работала в одном из колхозов Чкаловской области, где и получила это хроническое заболевание. — *И. В.*), *врачи советуют переменить климат, но я, находясь всё время на фронте Отечественной войны, помочь ей не могу.*

Прошу убедительно прислать ей вызов на право приезда в Минск, жилищная площадь ей обеспечена и никакой другой помощи ей не потребуется.

Прошу в моей просьбе не отказать. Ваше внимание я отслужу работой в Белоруссии, когда закончится война и если останусь живым.

Докладываю, что на фронтах Отечественной войны с её начала и служил честно своему народу и матери родине. За что награждён четырьмя правительственными наградами и присвоено воинское звание полковник.

Желаю Вам личного счастья и успехов в восстановлении народного хозяйства родной Белоруссии.

С приветом, полковник И. Драгун.

14.9.44»[1]

[1] НАРБ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 1715. Л. 373—376.

Просьба не осталась без внимания, и вскоре в адрес жены фронтовика была направлена следующая телеграмма:

«*Правительственная*
Чкалов Степная 70
Драгун Марии Васильевне
Выезжайте работу Минск
Управделами СНК БССР Костюк
Минск СНК БССР 2 октября 1944»[1].

Добавим, что М. В. Драгун от полученной в эвакуации болезни так и не оправилась и умерла в Минске в 1948 г. Её сын Юрий, выехавший в эвакуацию подростком 15 лет, работал там трактористом в колхозе, в 17 лет поступил в Чкаловское танковое училище, по окончании которого воевал на фронте командиром самоходной артиллерийской установки, закончил войну в Чехословакии.

Некоторым минчанам, даже имевшим возможность эвакуироваться, помешал случай. К примеру, машинисту П. Величко, сопровождавшему спецэшелон НКВД в Москву (вероятно, с ценностями Госбанка), не разрешили взять с собой семью — жену и четверых детей[2]. Жена и две дочери начальника 4-го отделения милиции П. Л. Лаврова, мобилизованного накануне в армию, прятались от бомбёжки в пригородном лесу, а в это время их безуспешно разыскивали сослуживцы отца, чтобы эвакуировать автомашиной[3]. Не успел на последний эшелон машинист И. И. Матусевич. Первые три дня войны он неотлучно находился на службе и лишь перед отправлением последнего эшелона смог вырваться домой за семьёй. Однако, прибежав на Товарную станцию, Матусевичи увидели, что эшелон с железнодорожниками уже ушёл. Попытка уйти из города пешком окончилась неудачей. Позже И. И. Матусевич одним из первых встал в ряды Минского антифашистского подполья и погиб в фашистских застенках в ноябре 1942 г.[4]

Для тех, кто был ранен при бомбёжке или потерял близких, вопрос об эвакуации вообще не стоял, как, на-

---

[1] НАРБ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 1715. Л. 373—376.
[2] БГМИВОВ. Н/В 21460.
[3] Там же. Н/В 45058.
[4] Там же. Н/В 14733.

пример, для рабочей галантерейной фабрики И. А. Москалевич. Она была ранена осколком бомбы, а её 9-месячная дочь — убита[1]. Прямым попаданием зажигательной бомбы был в щепки разнесён деревянный домик по улице Студенческой, в котором жила семья Е. Мымрик: погибли её мать, бабушка, сестра, дядя[2].

Кто-то из минчан дисциплинированно ожидал, но так и не дождался распоряжения начальства об эвакуации. Среди них была секретарь-машинистка и по совместительству кассир-инкассатор молочного завода А. Я. Цитович. 22 июня её отозвали из отпуска, однако никаких указаний об отъезде не поступало, а 24 июня директор и парторг завода эвакуировались, бросив коллектив на произвол судьбы[3].

На вопрос бухгалтера и секретаря комсомольской организации плодоовощной базы Е. И. Ярмолинской, что делать, если Минск будет захвачен немцами, представитель администрации ответил, что надо оставаться в городе и бороться с врагом. Однако девушка вместе с матерью всё-таки попыталась выбраться из Минска, предварительно забрав из сейфа и спрятав возле дома комсомольские документы. Поскольку далеко уйти не удалось, Елена, вернувшись в город, вступила на путь подпольной борьбы[4].

Рассматривая вопрос об эвакуации, нельзя не отметить некоторую, можно сказать, деликатность проблемы. Желание уехать в неизвестность, да ещё с детьми, было далеко не у всех, причём по разным причинам, в том числе материального и психологического характера. Не стремились уезжать люди в основном беспартийные, не имеющие званий. И это несмотря на то, что советская пропаганда преподносила эвакуацию как доказательство патриотизма, недаром в послевоенных анкетах появилась строка с вопросом о пребывании граждан или их родственников на оккупированной территории. Вот почему даже в отчётах участников Минского антифа-

---

[1] БГМИВОВ. Н/В 7920.

[2] Мімрык А. Па Магілёўскай ішлі нашы танкі... // Рэспубліка. 2004. 2 ліп.

[3] БГМИВОВ. Н/В 8786.

[4] Там же. Н/В 21688.

шистского подполья, составленных для партийных органов в 1944 г., причина пребывания в оккупации излагалась как бы извиняющимся тоном. Так, подпольщица А. А. Мелентович указывала: «Во время оккупации гор. Минска немецкими захватчиками я осталась в Минске. Причиной этому послужила моя полная уверенность в том, что в Минске немцам не бывать, к тому же я тогда не могла оставить на произвол старуху мать, которая... была разбита параличом...»[1]

После 9 часов вечера 24 июня, когда на время прекратились авианалёты, начался массовый исход из города по Могилёвскому и Московскому шоссе минчан, не имевших возможности эвакуироваться транспортом или просто пытавшихся укрыться от ужаса бомбардировок. Зарево от пожаров было видно на расстоянии 10 километров от города. Маленькая Люда, дочка Е. Д. Кречетович, находившейся в толпе беженцев, воскликнула: «Какое солнышко!»[2]

Люди шли пешком, неся на руках детей и всё, что смогли захватить впопыхах. Вот строки из воспоминаний И. Левкевич: «Нас было четверо у мамы, трое шли пешком, а младшая у мамы на руках. Сестре... было 7 лет, она несла примус и мамины туфли, страшно боялась их потерять. Туфли были новые... Мама... ключ взяла с собой, а квартиру забыла закрыть. Она пыталась останавливать машины, кричала и просила: "Возьмите наших детей, а мы пойдём защищать город!" Она не верила, что враг войдёт в город...»[3] Эта мысль до последнего не покидала многих минчан. Так, довоенный инженер-конструктор станкостроительного завода им. С. М. Кирова Т. П. Мицкевич, будучи уже партизаном бригады Н. М. Никитина Минской области, отметил в одной из докладных записок от 1942 г.: «Несмотря на то, что Минск был сожжён и оставлен почти без защиты, я не встречал в городе человека, который бы верил, что Минск будет занят немцами»[4].

[1] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 656. Л. 168.

[2] БГМИВОВ. Н/В 5898.

[3] Левкевич И. Возьмите наших детей, а мы пойдём защищать город // Алексиевич С. А. У войны не женское лицо... С. 303—304.

[4] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 70. Л. 137.

Из дневника П. А. Лидова: «По ночным улицам идут люди. Много людей. Как ручейки, бегущие с горы, они устремляются в одно русло — к выходу на Могилёвское шоссе. На руках у матерей, на плечах у отцов — дети. Некоторые везут детей в колясках, иные ведут совсем маленьких за руку. Ведут за собой также коз, коров. В руках и на спине каждый несёт то, что первое попалось под руку, — шубу, кошку, мешок с провизией, горшок с цветами, некоторые везут свои пожитки на двуколках. Медленно обгоняют толпу грузовики. Их осаждают, просят подвезти, цепляются сзади, падают. Некоторые грузовики уже до предела набиты людьми. Это — счастливцы... Не успевает проехать автомобиль, как толпа снова смыкается сзади него. Навстречу в этом узком проходе показывается полуторатонный грузовик с людьми. Наш шофёр тормозит, но шевроле продолжает идти юзом по мокрому асфальту. Столкновение. Грузовик выносит на обочину, и из кузова на землю валятся люди. Раздаются вопли. Кого-то ранило, кого-то убило. У нас снесена облицовка радиатора, порваны шланги, вытекла вода... Мы чинились около двух часов... Мы смотрели на группы людей, непрерывно возникавших из тьмы... Они в пути уже несколько часов, втянулись в ходьбу, вжились в быт большой дороги. Шли они теперь неторопливо и говорили об обыденных житейских вещах, словно опасность уже миновала, и ужасы вчерашнего дня остались где-то далеко позади. Запад был озарён багровым заревом Минска... С утра немецкие аэропланы снова бомбили Минск и поливали пулемётным огнём дороги на восток, забитые потоками людей...»[1]

Начальник строительных работ в системе Наркомздрава И. Д. Будаев ушёл 24 июня из города по Московскому шоссе в направлении Борисова, «не предполагая, что Минск будет захвачен немцами». В этот день «все дороги, ведущие с Минска на юг и восток, были загружены населением Минска, бежавшим от бомбардировок и пожаров. Немецкая авиация с 25 июня начала бомбардировать дороги, по которым двигался народ. После таких на-

[1] Тетрадь Петра Лидова...

лётов были огромные жертвы, и население пробиралось в леса и кустарники, ища просёлочных дорог...»[1]

Начальник одного из призывных пунктов П. Г. Мельников в докладной записке в ЦК КП(б)Б от 29 сентября 1941 г., описывая ситуацию на Могилёвском шоссе, указывал, что по обеим его сторонам, в канавах, лежали тела людей, погибших от бомб, а в 50 м от дороги — погибших от рук диверсантов. Как считал автор документа, самым большим недостатком на дорогах, по которым шли минчане, было отсутствие комендантской службы по регулированию движением, сбором вещей из разбитых автомобилей или брошенных на дороге. «Машины наскакивали друг на друга, убивали пешеходов, из-за машин возникала стрельба, более всего в этом участвовали военные, милиция и работники НКВД. Они иногда выбрасывали из машин гражданское население, кто не подчинялся, ударяли пистолетами или прикладами»[2]. П. Г. Мельников сообщил также, что в пути пришлось слышать недовольные высказывания коммунистов «из рядовых и руководства», даже из работников ЦК и СНК, что «перед уходом не собрали коммунистов и даже актив, не мобилизовали коммунистов на защиту Минска как Киевская парторганизация. Также осуждали руководство Белоруссии, что до последних дней организованной эвакуации населения из Минска как по железной дороге, так и по шоссе и грунтовым дорогам не было. Заместитель наркома пищевой промышленности сказал: «Если бы был в тот момент т. Пономаренко (он в основном находился на КП фронта. — *И. В.*), то такого бы безобразия в отношении партийной организации гор. Минска, оставив на произвол, не было бы, а оставшиеся работники ЦК растерялись и в панике бежали»[3].

Из воспоминаний А. Лисовского: «...Пошли на улицу Красноармейскую, мимо корпусов завода Кирова и ипподрома в сторону Могилёвского шоссе. Туда стекались толпы минчан, женщин и детей. Шла сильная молодёжь

---

[1] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 656. Л. 2.
[2] Там же. Д. 64. Л. 129—134.
[3] Там же.

и мужчины. Была ли это организованная эвакуация? В то страшное время после бомбёжек о ней никто не вспоминал. Люди шли, понурив головы, и только в глазах блестели вопросы: почему всё так, а не иначе? Со своими раздумьями и сомнениями минчане шли навстречу чему-то новому и неизведанному. На их пути встречались леса и перелески. А на ветках деревьев... как какие-то привидения, висели брошенные и никому не нужные "очкастые" резиновые маски противогазов...»[1]

Лишь немногим минчанам, ушедшим из города пешком, удалось осесть у родственников в сельской местности или добраться до железной дороги и выехать на восток.

Рабочий дрожжевого завода П. В. Чигринов с женой и двумя дочерьми ушёл из Минска 27 июня. Семья остановилась у знакомых в деревне Черново Червеньского района, затем все стали подпольщиками, позже партизанами отряда «Знамя» бригады «Разгром». П. В. Чигринов помимо того, что являлся командиром роты этого отряда, прославился как партизанский оружейный мастер по изготовлению самодельных автоматов типа ППШ[2].

Группа студентов и преподавателей БГУ во главе с ректором П. П. Савицким, пережидавшая бомбёжку в подвале химического факультета, ушла по Могилёвскому шоссе на рассвете 25 июня. 3 июля поредевшая группа, в которой шёл студент-филолог И. Ф. Кудрявцев, добралась до Могилёва. Под вечер этого же дня ему удалось попасть в эшелон с эвакуируемым фабричным оборудованием, и через несколько дней юноша оказался в столице Мордовии Саранске, где получил назначение учителем русского языка и литературы в одну из близлежащих к городу школ. В феврале 1942 г. был призван в армию, окончил школу младших командиров и сражался на фронте в танковых войсках. В 1943—1944 гг. участвовал в освобождении родной Беларуси. Осенью 1945 г. вернулся в Минск и продолжил учёбу в БГУ[3]. Что касается рек-

[1] Лісоўскі А. Указ. соч.

[2] Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Мінска... Кн. 4. С. 310—311.

[3] БГМИВОВ. Н/В 26286.

тора П. П. Савицкого, он с частью студентов добрался до Москвы, оттуда выехал в Нижний Тагил, где был назначен на должность директора местного пединститута. После восстановления деятельности БГУ на станции Сходня под Москвой, предпринятого в соответствии с постановлением СНК СССР «О возобновлении работы Белорусского государственного университета» от 15 мая 1943 г., стал его ректором, а 11 августа 1944 г. с первой группой студентов из 26 человек вернулся в освобождённый Минск[1].

Большинству из тех, кто шёл пешком, не удалось далеко уйти: одним дорогу вскоре преградили немецкие танки или десантники, другие, обессилев в пути, вынуждены были вернуться, третьих вернули силой.

Преподаватель курсов киномехаников А. К. Тесленко с группой курсантов был возвращён в Минск под конвоем немцев и попал в фильтрационный лагерь в Дроздах. Как невоенного человека его вскоре отпустили. Он вступил в ряды подполья и был повешен оккупантами, по некоторым сведениям, в декабре 1941 г.[2]

Из воспоминаний М. Г. Виноградовой: «В этот день [24 июня] из деревни к нам пришла мамина сестра, и мы начали собираться, надели зимние пальто, на головы — кастрюли, чтобы защититься от осколков. Мать взяла документы и фотографии... Мы подходили уже к деревне, когда увидели немцев и решили спрятаться в ближайшем болоте. Мать уничтожила все фотографии отца в военной форме... Когда люди хотели идти дальше, их остановили немцы на мотоциклах и заставили всех возвращаться в город»[3].

Л. П. Булат: «...Семья приняла решение уходить из Минска... Быстро собралась группа человек в 30. В основном семьи с малыми детьми... Направление выбрали не на Борисов — Москву и не на Могилёв — говорили, что здесь немецкие самолёты прямо-таки свирепствовали, безжалостно расстреливая людей. Направление выбрали...

[1] Зельскі А. Г. Указ. соч. С. 54—55.

[2] БГМИВОВ. Н/В 19567.

[3] Клімковіч І. Указ. соч. С. 110—111. Перевод с бел. И. Ю. Воронковой.

на Бобруйск. Да не по шоссе, а окольными путями... Как только стемнело, тронулись в путь... Помню, когда передвигались вдоль Свислочи... от пышущих огнём горящих зданий пришлось прижиматься к самому берегу реки... Мы все были убеждены, что выход в "беженцы" — это ненадолго. Пара недель, ну месяц от силы! Главное, чтоб к немцам в лапы не попасть сейчас, а там их обязательно остановят... Действительно, в беженцах довелось быть недолго. 30 июня передовые немецкие части вошли в... местечко Дукора, где мы ночевали... Бежать дальше не было смысла, и наша семья вернулась обратно»[1].

Вспоминает М. А. Яницкая: «Всей улицей мы двинулись за город. В лесочке, что недалеко от деревни Цнянка, лежат на траве в форме НКВД как будто "наши". Некоторые из них брились перед маленьким зеркальцем. Моя мать говорит: "Вот, город горит... а эти бездельники тут лежат". А Стася... которая работала на Минской картографической фабрике, очень волновалась, что её могут обвинить в прогуле. Она подошла к одному этому энкаведисту и спросила, имеет ли право не идти на работу. А он ей на чистом русском языке и говорит: "Повторите, пожалуйста, как вы сказали?". Когда она вернулась к нам, то сказала: "Это не наши люди, они даже не знают, что такое «картографическая фабрика"! Мы пошли дальше, а вскоре увидели: около десяти солдат в нашей форме бежали с пригорка к этому берёзовому лесочку с винтовками, чтобы взять в плен этих энкаведистов. А тут из леса, на помощь псевдонашим, начали выходить ряды других энкаведистов и брать в плен действительно уже наших солдат. Мы поняли, что это — немецкий парашютный десант...»[2]

В. И. Ваньшиной, у которой утром 24 июня ушла на работу мать, взяв с собой маленькую сестрёнку, запомнились следующие подробности: «Только в ночь с 26 на 27 июня я вдруг слышу мамин голос: "Есть кто живой?"... Мама рассказывала, что от страха она забыла, что у неё есть мама и вторая дочь. Сначала они прята-

---

[1] Булат Л. Чёрные дни Минска // Вечерний Минск. 2002. 26 июня.

[2] Клімковіч І. Указ. соч. С. 109. Перевод с бел. И. Ю. Воронковой.

лись в убежище, с собой у них было полбулочки хлеба и маленькие конфетки-горошек. Они с трудом выбрались из Минска и двое суток находились в пути. Люди, которых они встретили, сказали, что дальше идти некуда, там уже выброшен десант. Так они вернулись домой»[1].

А. А. Езубчик, до войны исполнявшая обязанности директора Института биологии АН БССР, и группа научных работников — Головко, Абрамчук, Семёнов, Тарасенко и другие — ушли из Минска по Московскому шоссе. В ночь на 27 июня в 25 километрах от города буквально перед ними опустился вражеский десант, осветил местность ракетами и, заметив беженцев, открыл огонь. Люди начали разбегаться по одному. Абрамчук и Езубчик пытались обойти десант, потратили на это несколько дней, но не хватило опыта и смелости. 10 июля они вернулись в Минск «в надежде на скорое изгнание врага из города»[2].

Заведующая прачечной дезстанции М. Ф. Долголантьева, муж которой ушёл на фронт, покинула Минск по Московскому шоссе на грузовой машине вместе с группой сослуживцев. Уже в 100 километрах от города, во время ночлега, завгаражом и провизоры, посчитав, что машина слишком перегружена, сбежали на ней со своими семьями. Утром рядом высадился десант, и М. Ф. Долголантьева вернулась домой[3].

Обстоятельства вынудили вернуться и некоторых минчан, кому удалось эвакуироваться по железной дороге. Один из минских эшелонов был пущен под откос диверсантами у станции Колодищи. Об этом вспоминал Р. И. Матусевич, в ту пору — 14-летний школьник. Он, его сестра, мать с новорожденным братом на руках добрались до города, когда там уже были немцы[4].

Во время бомбёжки был ранен Ф. Москалевич — студент Педагогического института им. М. Горького. Товарищи вытащили его из-под развалин общежития на улице

---

[1] Минчанка Валентина Ваньшина: «Я до сих пор не понимаю, как мы всё это пережили»...

[2] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 664. Л. 18.

[3] Там же. Л. 134—134об.

[4] БГМИВОВ. Н/В 21923.

Володарского и довели до вокзала, где им удалось сесть в санитарный поезд, шедший в направлении Витебска. Там Ф. Москалевич подлечился и вступил в Витебский истребительный отряд. В бою за город попал в плен, бежал, вернулся в Минск, стал подпольщиком и погиб в лагере смерти Тростенец зимой 1943—1944 гг.[1]

Около 17—18 часов 25 июня с Товарной станции вырвался эшелон, на котором уехали железнодорожники Минского узла. Однако, по свидетельству бывшего начальника отдела кадров паровозного депо А. Л. Котикова, ночью, на станции Седча, руководство эшелона — начальник политотдела, начальник службы движения, начальник паровозного хозяйства и другие — приказали отцепить паровоз с одним вагоном и уехали, бросив остальных на произвол судьбы. Оставшиеся двинулись дальше пешком. В Руденске их остановил военный патруль и препроводил начальника паровозного депо Ф. С. Кузнецова и А. Л. Котикова в райком партии, где под угрозой расстрела им приказали возвращаться в Минск, на основании якобы имеющегося приказа наркома путей сообщения Л. М. Кагановича всем железнодорожникам находиться на своих местах и готовить Минский узел для приёма ожидающегося пополнения Красной Армии, так как Минск ни в коем случае сдан не будет. Припугнули также тем, что все бежавшие из столицы якобы расстреляны как трусы и паникёры. Железнодорожники вернулись в Минск 27 июня. Пополнения они, естественно, не дождались, единственное, что успели, это уничтожить оставленные в отделе кадров личные дела и сделать себе новые документы. Ф. С. Кузнецов, в частности, превратил себя в рядового машиниста, что очень пригодилось ему во время работы в подполье[2].

Подведём некоторые итоги. В докладной записке от 20 июля 1941 г. председателя СНК БССР И. С. Былинского на имя заместителя председателя СНК СССР А. Н. Косыгина о ходе эвакуации из Беларуси констати-

---

[1] БГМИВОВ. Н/В 13328.
[2] Там же. Н/В 4694.

ровалось: «В связи с внезапностью нападения создать организованную эвакуацию из западных и Минской областей не удалось, и население в большинстве случаев пешеходом уходило из мест, занимаемых противником»[1]. При этом, однако, не было оговорено, что такой «пешеход» обычно заканчивался вынужденным возвращением на родное пепелище, как это случилось с большинством жителей белорусской столицы.

Оптимистично оценил итоги эвакуации из Минска также секретарь ЦК КП(б)Б Т. С. Горбунов в своём рассказе сотрудникам Комиссии по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР от 25 августа 1944 г.: «Население направилось по Могилёвскому шоссе на Могилёв и по шоссе Минск — Москва в глубь страны. Нам не удалось многое вывезти из Минска. Главная задача, которая стояла перед нами, вывезти наибольшее количество людей. Более половины жителей г. Минска (около 200 тыс. чел.) ушло на восток, в том числе на восток ушли основные кадры белорусской национальной интеллигенции, виднейшие деятели науки, артисты, писатели, художники, композиторы, врачи, более 7 тыс. учителей. Это дало нам возможность сохранить и сберечь белорусские национальные кадры интеллигенции. В этом отношении у нас очень небольшие потери: несколько художников, несколько артистов...»[2]

Что касается «небольших потерь» среди творческой интеллигенции, за ними в большинстве случаев стояли сломанные судьбы людей, не по своей воле оказавшихся на оккупированной территории и вынужденных работать, чтобы выжить, за что после освобождения многие были подвергнуты репрессиям. Некоторые добрались до назначенного пункта эвакуации в таком состоянии, что вскоре ушли из жизни. Так, в ноябре 1941 г. вблизи Уральска в Казахстане умер известный белорусский писатель З. Бядуля (С. Е. Плавник), в Уральске его и похоронили.

[1] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 5. Л. 1—4. Опубликовано: Беларусь в первые месяцы Великой Отечественной войны... С. 238.

[2] Там же. Ф. 750п. Оп. 1. Д. 125. Л. 24—27об. Опубликовано: Беларусь в первые месяцы Великой Отечественной войны... С. 296—297.

Более правдивую картину горькой действительности первых дней гитлеровского нашествия рисуют нелицеприятные, порой откровенно жестокие строки донесения заместителя начальника управления политпропаганды Западного фронта бригадного комиссара В. Ю. Григоренко начальнику Главного управления политпропаганды РККА армейскому комиссару 1 ранга Л. З. Мехлису от 3 июля 1941 г. о положении в полосе фронта после начала военных действий: «Одной из основных причин поражения и панического бегства отдельных соединений... является неправильное понимание существа договоров капиталистических государств: верили в договор с Германией и считали, что она не посмеет на нас напасть... Партийно-советские организации БССР также не были подготовлены для работы в условиях войны. Первыми покидали города и населённые пункты руководящие работники, милиция, НКВД. После первой же бомбардировки в ряде городов жизнь замерла, города опустели. Продовольствие, оборудование заводов, деньги и другое ценное имущество бросалось, не организовали эвакуацию населения, оказание помощи раненым, тушение пожаров. В Минске после бомбардировки 24 июня все руководящие работники покинули город, всё имущество было брошено, весь город был охвачен пламенем, которое не ликвидировалось. Раненые и получившие ожоги погибли под обломками и от истечения крови. Всё это привело к паническому бегству населения, которое забивало дороги и в большом количестве расстреливалось немцами. Один немецкий самолёт произвёл посадку на дорогу Москва — Минск и при пробеге по асфальту расстреливал население. Панически было настроено население и даже руководящий состав не только городов, находящихся вблизи фронта, но и таких, как Орша, Могилёв и другие... Нередко причиной паники являлись необоснованные слухи о якобы высадившемся десанте и другое. В Барановичах пошли слухи, что ночью будет высажен десант, что явилось поводом для бегства руководящих работников, милиции и НКВД, а милиция самочинно захватила эшелон и удрала в Минск. Эвакуация семей начсостава тоже не была организована. Этот

вопрос не был разработан в мобпланах. Как и в гражданских организациях, эвакуация была пущена на самотёк. Многие руководящие военные работники в индивидуальном порядке эвакуировали свои семьи, оставив на произвол семьи подчинённых командиров. В результате многие семьи начсостава не только в пограничных районах западных областей БССР, но даже и в Минске, в том числе и работников штаба округа, погибли и пропали без вести...»[1]

Бомбардировки и связанная с ними паника создали благоприятную почву для активного проникновения в Минск диверсантов, переодетых в форму военнослужащих Красной Армии, милиции или в гражданскую одежду. Так, около 23 часов 24 июня конный патруль кавэскадрона милиции задержал на пересечении улиц К. Маркса и Комсомольской шестерых мужчин в штатских костюмах, которые пытались проникнуть в здания. Они говорили на ломаном русском языке, имели при себе пистолеты немецкого производства и, в конце концов, признались, что являются немецкими офицерами. Диверсантов доставили в штаб фронта, а затем расстреляли вместе с ещё двумя задержанными в форме командиров Красной Армии[2].

Несмотря на то, что для борьбы с диверсантами в Минске были созданы специальные, действовавшие в ночное время группы милиции, а для патрулирования по городу днём и ночью в целях задержания сигнальщиков и проверки направлявшихся в город людей в распоряжение военного коменданта ежесуточно выделялась команда от 226-го полка конвойных войск, подобных случаев становилось всё больше. Диверсанты распространяли всевозможные слухи, сеяли панику, провоцировали грабежи и тем самым деморализовали население.

Минчанин Я. Л. Этингер вспоминает такой случай. Накануне войны он с родителями жил на даче вблизи Минска. 22 июня его отец — известный минский врач профессор Л. Я. Ситерман — уехал в город и в течение

---

[1] ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2526. Д. 22. Л. 26—31. Опубликовано: На земле Беларуси: канун и начало войны... С. 465—466.

[2] БГМИВОВ. КП-34362.

нескольких последующих дней оказывал помощь раненым военнослужащим и жителям в 1-й больнице, директором которой являлся. Примерно 26 июня он приехал на дачу, чтобы забрать семью. Однако в это время в дачном посёлке внезапно появились командиры Красной Армии, которые уверяли, что на фронте дела идут хорошо, наши взяли Варшаву и Кёнигсберг и Красная Армия скоро будет в Берлине, поэтому никуда уезжать не надо. Как потом выяснилось, это были переодетые в советскую военную форму немецкие диверсанты, которые безупречно говорили на русском языке.

24 июня враг захватил Вильнюс и 3-я танковая группа была уже близка к своей цели — Витебску. Она действовала в соответствии с поставленной первоначально задачей: не дать главным силам Красной Армии отойти на рубежи Западной Двины и Днепра. Поскольку на Витебском направлении немцы не ожидали серьёзного сопротивления, генерал-полковник Г. Гот получил новый приказ Генерального штаба Сухопутных сил скорректировать маршрут наступления. Теперь 3-я танковая группа должна была вместе со 2-й танковой группой генерал-полковника Г. Гудериана, продвигавшейся на правом фланге, создать внешнее кольцо окружения восточнее Минска, чтобы не допустить прорыва советских войск из котла, образованного фланговыми корпусами 4-й и 9-й полевых армий восточнее Белостока[1].

На фоне непрерывного обострения ситуации на Белостокско-Минском направлении в 20:00 24 июня ЦК КП(б)Б, Совнарком БССР, Президиум Верховного Совета БССР, Минский горком и райкомы партии, горсовет, облисполком, райисполкомы, ЦК ЛКСМБ и другие центральные организации получили приказ командующего Западным фронтом Д. Г. Павлова об эвакуации из Минска. Ночью в ЦК позвонил И. В. Сталин и, поскольку П. К. Пономаренко в это время находился в штабе фронта, с вождём разговаривал секретарь ЦК В. Н. Малин. В своих воспоминаниях он приводит такой диалог:

[1] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Band 4... S. 452—453.

« — Что делается в Минске? — Минск горит. — Где Пономаренко? — Находится в штабе фронта, но связи с ним нет. — Где немецкие войска? — Идут на подступах к Минску, между Барановичами и Минском. — Передайте руководящему составу, что вам разрешается переехать в Могилёв. Не допускайте растерянности. Отступление — есть тоже элемент войны»[1].

---

[1] АИИ НАНБ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 4. Л. 1—9.

Глава 5

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

Руководители БССР и Минска выехали на автомашинах из столицы в Могилёв в промежутке между 2:00 и 4:30 утра 25 июня. (Дневник работы ЦК КП(б)Б с 22 июня по 19 августа 1941 г., составленный постфактум не ранее указанной последней даты, свидетельствует, что выезд ЦК и СНК состоялся в 2:00[1], в Сведениях о деятельности правительства республики с 22 июня 1941 г. по 22 апреля 1942 г., подготовленных 6 мая 1942 г. уже в Москве, сообщается, что эвакуация СНК произошла в 4:30[2].)

Этой же ночью город оставили руководство НКВД и НКГБ, милиция, войска РККА и штаб Западного фронта, который перебрался из подвалов Дома Красной Армии сначала на запасной командный пункт в районе деревни Боровая в 8 км северо-западнее Минска[3], а на рассвете 26 июня — также под Могилёв.

Факт поспешного оставления Минска гражданскими властями и военным командованием за три дня до захвата города противником не может не вызвать негативной оценки, в первую очередь — с моральной точки зрения. При этом наличие соответствующего приказа командования фронтом ничего, в сущности, не объясняет и не оправдывает. Ведь если по объективным причинам, о которых шла речь выше, «ответственные работники» к 25 июня уже полностью лишились возможности управлять процессами защиты города от бомбардировок и пожаров, массовой эвакуации населения и оборудования промышленных предприятий, культурных ценностей, то у них в запасе оставалось единственное, но весьма действенное

---

[1] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 29. Д. 1. Л. 1—55. Опубликовано: Беларусь в первые месяцы... С. 33.

[2] Там же. Ф. 48. Оп. 9. Д. 2. Л. 60—87. Опубликовано: Беларусь в первые месяцы... С. 67.

[3] Армия. 1997. № 4.

на тот момент средство — разделить судьбу рядовых минчан до последней возможности, ещё на некоторое, пусть короткое время поддержать порядок в столице, наконец, перед лицом уже явно надвинувшейся вражеской оккупации предпринять меры по оставлению в Минске организаторов подпольной антифашистской борьбы. Однако ничего этого сделано не было, что свидетельствует, по нашему мнению, о полнейшей растерянности властных структур перед лицом стремительно приближавшейся катастрофы. В результате их поспешного преждевременного отъезда три последующих дня прошли для рядовых минчан в состоянии тягостной и страшной неопределённости.

Правда, в течение 25—26 июня в столице ещё оставались подразделения конвойных войск НКВД СССР. На день начала войны основная масса входившего в состав 42-й бригады конвойных войск и дислоцированного в Минске 226-го конвойного полка находилась в летнем лагере в Прилуках вблизи южной окраины Минска. На зимних квартирах в городе оставались несколько подразделений полка, командование бригады, 150 человек переменного состава, проходившего накануне войны сборы, и 260 военнослужащих 236-го конвойного полка из Москвы, находившихся в служебной командировке. После начала военных действий в Минск стали прибывать командиры и красноармейцы частей и подразделений конвойных войск из приграничных районов Беларуси и Литвы. Бригада пополнилась также призванными из запаса. В соответствии с мобилизационным планом в бригаде началось формирование 251-го конвойного полка.

23 июня четыре взвода 226-го полка были направлены в приграничные районы для охраны планировавшихся лагерных пунктов для приёма военнопленных немцев. Однако в связи с бомбардировками и прекращением железнодорожного движения на ряде веток конвоиры добрались лишь до Барановичей, откуда вернулись в Минск уже пешим порядком.

В 5:00 25 июня начальник минского гарнизона командир 100-й стрелковой дивизии генерал-майор И. Н. Руссиянов в связи с выводом из столицы частей РККА воз-

ложил на 42-ю бригаду задачу по борьбе с диверсантами и парашютистами и поддержанию порядка в городе. Одновременно со станции Озерище началась эвакуация семей начсостава минских подразделений бригады[1]. В 10 часов утра комбриг А. А. Плеханов направил начальнику Управления конвойных войск НКВД СССР В. М. Шарапову следующее донесение: «24.06.41 части РККА, правительственные учреждения и наркоматы НКГБ и НКВД оставили город Минск. В городе царит беспорядок. Сброшенные парашютные десанты терроризируют население. На бригаду начальник гарнизона возложил задачу по очистке города от выброшенных десантов. Для очистки города мною в различных районах города высланы войсковые оперативные группы из работников НКГБ, оставшихся одиночек, переходящих через город Минск из Западных областей БССР. За 24 и 25.06 задержано в городе различных подозрительных лиц 8 человек»[2]. Эти скупые, но весьма красноречивые строки свидетельствуют, что даже грозные войска НКВД были уже не в силах овладеть ситуацией.

Не случайно в 3:00 26 июня, сняв войсковую охрану с тюрем и складов[3], штаб бригады и личный состав частей ушли из Минска в Прилуки. В 18:00 того же дня командование бригады, вместе с которым находился заместитель начальника Управления конвойных войск НКВД СССР — начальник обороны тыла Западного фронта Минского направления комбриг М. С. Кривенко, подразделения 226-го, 240-го, 251-го полков и бригадная школа младшего начсостава выступили из Прилук в направлении Смиловичи — Червень — Могилёв. В это же время Минск покинули оперативные группы бригады в количестве 160 человек, которые также двинулись на Смиловичи.[4]

При этом на зимних квартирах в Минске и в лагере в Прилуках осталось большое количество войскового имущества, снаряжения и вооружения, среди прочего — около 360 винтовок с вынутыми затворами, 40 тыс. винтовочных

[1] РГВА. Ф. 38052. Оп. 1. Д. 6. Л. 77—80.
[2] Там же. Л. 26.
[3] Там же. Л. 72—76.
[4] Там же. Л. 77—80.

патронов. Всё это вместе с документами делопроизводства и архивом 226-го полка было закопано в землю. Поскольку отступление не было ни внезапным, ни поспешным, этот факт трудно объяснить и можно связать только с уверенностью в скором возвращении. Вероятно, спустя несколько дней оптимизма значительно поубавилось. Поэтому 29 июня, в период нахождения полка под Червенем, когда Минск был уже занят противником, по приказу ещё не знавшего об этом М. С. Кривенко одна стрелковая рота 226-го полка с двумя станковыми пулемётами вместе с отрядом пограничников и оперработников была направлена на автомашинах «с целью прорыва в гор. Минск» для «охраны военгородка 226 полка, наведения порядка в городе и борьбы с парашютными десантами противника». Однако, в связи с «невозможностью проникнуть в г. Минск», по достижении Красного Урочища эти силы были отозваны распоряжением начальника пограничных войск НКВД — наркома внутренних дел БССР генерал-лейтенанта И. А. Богданова[1]. Официальная трактовка задач отряда представляется неубедительной, поскольку никоим образом не объясняет внезапного решения вернуть военных в город, который только что был планово покинут. Скорее всего, основной целью отряда было уничтожение оставленного имущества 226-го полка. Рискнём также предположить, что этот отряд и был той самой группой, посланной П. К. Пономаренко для уничтожения архивов СНК, хотя даты в документах указаны разные.

Таким образом, после 18:00 26 июня Минск фактически оказался в состоянии полного безвластия, что породило беспорядки, подогревавшиеся переодетыми диверсантами, их пособниками, уголовными элементами. Говоря об этом, не будем забывать, в какой чудовищно сложной психологической ситуации оказались минчане, жизнь которых буквально перевернулась в считанные дни, если не сказать, часы. Отметим также, что подобная ситуация была характерна и для сельской местности. Так, разведчик НКГБ БССР, работавший под псевдонимом «Нянькин», сообщил в агентурном донесении, что в Старобин-

---

[1] РГВА. Ф. 38052. Оп. 1. Д. 6. Л. 37об., 72—76.

ском районе Минской области «в колхозах, которые я проходил, люди настроены панически, не хотят работать, мол, всё равно немец придёт, и требуют раздать продукты со складов»[1].

В воспоминаниях минчан содержатся свидетельства о том, что в городе «никто не руководил, были хаос и неразбериха»[2]. Начались грабежи магазинов, люди запасались продуктами из разбитых продовольственных складов[3]. Вышедший в декабре 1942 г. в советский тыл подпольщик В. И. Сайчик свидетельствовал, что после прихода немцев мужчин на улицах видно не было, а женщины и подростки тащили со складов по Долгобродской улице кто что мог: муку, крупу, масло, вино, «по улицам валялось много пьяных»[4]. Е. П. Майзлес, до войны работавшая начальником спецчасти Главрыбпрома, в беседе с представителем ЦК КП(б)Б после выхода с оккупированной территории в октябре 1942 г. сообщила, что местными жителями были разграблены швейная фабрика «Октябрь», разбитая 24 июня кондитерская фабрика «Коммунарка»[5]. Примечательно, что неприглядные факты беспорядков в Минске в этот период безвластия впервые были обнародованы не историками, а народным писателем Беларуси И. П. Шамякиным в его повести «Торговка и поэт», изданной в 1976 г.

Вот как описывает ситуацию В. Бугаенко, накануне войны — студентка вуза: «Наступило безвластье. Минчане кинулись на улицу Розы Люксембург, где находились в то время уже никем не охраняемые продовольственные склады, чтобы запастись продуктами. Они поняли: когда в город войдут немцы, ничего нашим людям не дадут. Те, кто не смог бежать из Минска, стали запасаться мукой, крупой, сахаром, солью, постным маслом, солёной рыбой-треской, мылом и спичками. Продукты брали из магазинов, заводов, фабрик. С дрожжевого брали дрожжи, патоку... Мешки по 50—70 кг не все могли унести

---

[1] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 29. Д. 2. Л. 5.
[2] БГМИВОВ. Н/В 13320
[3] Там же. Н/В 21460.
[4] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 661. Л. 63.
[5] Там же. Д. 645. Л. 65.

целиком, их разрезали, отсыпали в свои мешочки, сумки, вёдра. Остальное сыпалось под ноги. Патоку из огромных чанов добывали через пробитые в них отверстия. Она медленно плыла в подставленную посуду. Поэтому дырок пробивали много. Ночью патока текла на землю. Мыло нарезали из застывших после пожара "ручьёв". Одним словом, запасались, как могли...»[1]

Из воспоминаний художника Е. Н. Тихановича: «...В городе никакой власти. Немцев ещё не было, но свои уже давно покинули Минск... Все ценности были брошены — берите всю библиотеку Ленина (Государственная библиотека БССР им. В. И. Ленина, в настоящее время — Национальная библиотека Беларуси. — *И. В.*), картинную галерею... шёл грабёж всех складов муки, посуды...»[2]

Вспоминает Л. П. Булат: «Ближайший [магазин]... закрыт. Побежал к дальнему... опешил: витрина разбита, дверь настежь, а внутри орудуют люди: "Чего стоишь, пацан?! Хватай добро! Зараз налетят, разбомбят, всё пропадёт". Рядом знакомый паренёк: "Тут красноармейцы, наверное, целый взвод прошли. Они и дверь сломали. Хлеба взяли, сказали, чтобы народ разбирал оставшееся"»[3].

Безусловно, присутствовали и другие настроения. Некоторые минчане пытались остановить грабежи. Так, дочь председателя домового комитета дома № 11 по улице Революционной А. В. Дулевич вспоминала, что когда начали грабить в их дворе продовольственный склад Военторга, мать кричала: «Не смейте, скоро наши придут!»[4]

Уверенность в скором приходе наших не покидала многих ещё в течение долгого времени. К примеру, разведчик НКГБ БССР «Нянькин» повстречал 12 июля на пути в Старобинский район беженца из Западной Беларуси, который уверял, что «под Волковыском лично видел замаскированные в лесу наши танковые соединения, готовые получить приказ нанести удар с тыла»[5].

---

[1] Вечерний Минск. 1998. 22 июня.

[2] Успаміны Яўгена Ціхановіча... С. 53. Перевод с бел. И. Ю. Воронковой.

[3] Булат Л. А завтра была война... // Труд. 2001. 21 июня.

[4] БГМИВОВ. Н/В 24981.

[5] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 29. Д. 2. Л. 6.

Однако к 25 июня, когда Ставка Главного Командования наконец направила Д. Г. Павлову приказ об отводе войск из Белостокского выступа, события на Белостокско-Минском направлении приняли чрезвычайный характер: войска 3-й и 10-й армий находились в полукольце окружения.

25 и 26 июня немецкая авиация вновь бомбила Минск. Приведем строки из воспоминаний Л. П. Булата: «В среду, 25 июня, около 9 часов снова прилетели фашистские самолёты. Бомбёжка продолжалась, но интенсивность её заметно снизилась. Уменьшилось и количество самолётов. Да и бомбили они, как нам казалось, беспорядочно и равнодушно, лишь бы скинуть куда-либо свой смертоносный груз... Под деревом, в двух метрах от улицы, лежал мальчишка. Лицом вверх, остекленевшие глаза широко открыты... Убитый! Первый увиденный мною убитый человек. Я знал этого мальчишку в лицо... Потрясли до глубины души его раскрытые невидящие глаза (я ведь считал, что у мёртвых они должны быть всегда закрыты)...»[1]

Из дневника писателя Я. Мавра: «25 июня. Продолжение бомбардировки. Самолётов немного, но налёты — методично, через каждые 15—20 минут. Наши зенитки немного постреливают, но стычки в воздухе ни одной. Немцы полные хозяева, летают низко. Утром узнаём, что город оставлен властями. Каждый стал думать сам о себе, т. е. пешком, кто в чём был, ринулись на восток. Наша соседка погрузилась, и поехала машина, а ребёнок остался. Якимович (писатель А. И. Якимович. — *И. В.*) и его жена, Лыньковы (семья председателя правления Союза писателей БССР М. Т. Лынькова. — *И. В.*), Гурские (семья редактора газеты «Літаратура і мастацтва» И. Д. Гурского. — *И. В.*), Скоковы, Гришнеры. Сказочный город и освещение. И "они" в воздухе, бомбят. Скелеты домашних скарбов. Жареная курица на родном пепелище. Мирно горящая школа. Вереницы пеших беженцев. "Слава богу, спаслись от бомбёжки!" Но... на дорогах то же самое! Прячущиеся по лесам толпы мобилизованных. Са-

---

[1] Булат Л. Чёрные дни Минска // Вечер. Минск. 2002. 26 июня.

молёты, цепляющиеся за деревья. Чьи? Иногда он обстреливает, иногда его обстреливают, иногда так...»[1]

Чтобы более полно представить события этих дней в районе Минска, обратимся к официальным документам.

Дневник боевых действий 100-й стрелковой дивизии с 22 по 30 июня 1941 г. гласит: «...25 июня 1:25. В течение дня самолёты продолжали бомбить Минск. Город горит. Противник активно действует мелкими диверсионными бандами. 21:30. В районе Городище высадился десант. Дивизия получила задание выйти в район Острошицкого Городка и занять оборону. Разведка установила, что танки прорвали УР и в направлении Минск действуют около 6 танков...»[2]

Оперативная сводка штаба Западного фронта № 7 на 22:00 25 июня, составленная на запасном командном пункте фронта в деревне Боровая под Минском, сообщила, что: «Авиаразведка в 8:00 25.6.41 г. установила движение колонн танков и автомашин противника из Вильнюса на Минск... В 12 часов в районе Замбжек колонны были бомбардированы бомбардировочным авиационным полком 12-й бомбардировочной авиационной дивизии. Приказом командующего войсками фронта организация противотанковой обороны и разгром танков возложена на 44-й стрелковый корпус. Авиация противника в течение дня 25.6.41 г. трижды бомбардировала Минск, город продолжает гореть»[3].

С захватом 25 июня райцентра Вилейской области Молодечно 3-я танковая группа противника вплотную приблизилась к территории Минского укреплённого района. Однако в сводке Совинформбюро за этот день ни Минск, ни Минское направление не упоминались. Впервые Минское направление прозвучало в сводке за 26 июня, причём в следующем контексте: «В течение 26 июня на Минском

[1] БГАМЛИ. Ф. 290. Оп. 1. Д. 64. Л. 1—1об. Опубликовано: Неман. 1989. № 11. С. 131—133; Беларусь в первые месяцы Великой Отечественной войны... С. 112—116.

[2] БГМИВОВ. КП-30064.

[3] ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2454. Д. 27. Л. 60—63. Опубликовано: Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 35... Док. № 43.

направлении наши войска вели бои с просочившимися танковыми частями противника. Бои продолжаются...»[1]

63-й (Минский) укреплённый район (комендант С. Ф. Ляльков), в котором насчитывалось около 500 дотов, тогда территориально начинался от райцентра Плещеницы и заканчивался у деревни Могильно Узденского района. Но, как и другие УРы на территории Беларуси (58-й Себежский, 61-й Полоцкий, 65-й Мозырский, 67-й Слуцкий), после вхождения Западной Беларуси в состав БССР в 1939 г. он был разоружён и демонтирован, его воинские части сокращены на 1/3, поскольку советское военное руководство недальновидно посчитало внутренние УРы утратившими оборонное значение и в начале 1940 г. приступило к строительству новых, непосредственно у границы. В результате к началу войны Минский укрепрайон не имел штатных подразделений, за исключением одного отдельного пулемётного батальона сокращённого состава, выполнявшего в основном функцию охраны почти полностью разукомплектованных сооружений. В связи с этим, согласно решению Военного совета Западного фронта от 24 июня, оборона столицы была возложена на войска 44-го стрелкового корпуса комдива В. А. Юшкевича, которые к 18:00 25 июня заняли оборонительный рубеж на запад от Минска вдоль линии Стайки — Заславль — Красное — Дзержинск — Кукшевичи силами 64-й стрелковой дивизии полковника С. И. Иовлева и 49-го Краснознамённого корпусного артиллерийского полка полковника А. В. Мельникова с правого фланга, 108-й стрелковой дивизии генерал-майора А. И. Мавричева с левого фланга. Ширина фронта обороны корпуса достигала 80—84 км, справа от него воинских частей не было, а слева стык между Минским и Слуцким УРами южнее Дзержинска защищал 20-й мехкорпус генерал-майора танковых войск А. Г. Никитина. В подчинении 44-го корпуса находились 100-я стрелковая дивизия генерал-майора И. Н. Руссиянова и резервная 161-я стрелковая дивизия полковника А. И. Михайлова. Вместе с войсками корпуса действовал 16-й (Дзержинский) пограничный от-

[1] Сообщения Советского Информбюро... Т. 1. С. 3—9.

ряд подполковника А. А. Алексеева Белорусского пограничного округа. В укреплении оборонительной линии приняли участие тысячи местных жителей.

25—26 июня Военный совет Западного фронта передал 100-ю и 161-ю стрелковые дивизии в состав 2-го стрелкового корпуса генерал-майора А. Н. Ермакова, после чего они заняли оборонительные рубежи к северу от Минска. В подчинении у этого корпуса находились и подразделения 63-го (Минского) укрепрайона.

Враг стремительно приближался к Минску с северо-запада и юго-запада по нескольким направлениям — со стороны Молодечно, Ракова, Дзержинска, Негорелого. Бои на подступах к столице начались вечером 25 июня, когда позиции 64-й стрелковой дивизии на участке Рогово — Заславль — Красное были атакованы прорвавшимися от Молодечно подразделениями 39-го моторизованного корпуса 3-й танковой группы, которые удалось остановить. Утром следующего дня, после массированной бомбовой и артиллерийской атаки, противник начал наступление по всему фронту дивизии. Тяжелейшие бои развернулись в районе Заславля, который несколько раз переходил из рук в руки и был оставлен последними защитниками только спустя трое суток.

26 июня в районе Дзержинска в бой с передовыми частями 2-й танковой группы вступили войска 108-й стрелковой дивизии.

В этот же день командующий 13-й армией генерал-лейтенант П. М. Филатов, штаб которого, выйдя из под прямого удара противника, накануне переместился из Молодечно на железнодорожную станцию Ждановичи (в военных документах того времени она фигурирует как «платформа Здановичи», что, кстати, более соответствовало изначальному, ещё дореволюционному названию — по имени владельца этой дачной местности Здановича) и, в соответствии с довоенными планами, подчинил своему командованию 2-й и 44-й стрелковые корпуса, части Минского УРа и другие войска, действовавшие на этом направлении. В изданном командующим 13-й армией Боевом приказе № 1 был сделан акцент на распоряжение

наркома обороны не сдавать Минск ни при каких обстоятельствах, даже при условии полного окружения обороняющих его войск.

Усиление сопротивления на территории Минского укрепрайона немедленно отметил противник. Так, ежедневная сводка боевых действий 12-й танковой дивизии 3-й танковой группы за 26 июня констатирует: «Сопротивление врага сильнее, чем в предыдущие дни боев, особенно в районе укреплений бывшей русской границы северо-восточнее Ракова. Огневые атаки из лесных массивов и населённых пунктов. В деревне убиты выстрелами в голову 12 человек из пехотного взвода...»[1]

В этот день перед 12-й танковой дивизией Вермахта была поставлена задача 27 июня овладеть Минском, для чего к 5:00 усиленным 22-м мотоциклетно-стрелковым батальоном и 29-м танковым полком преодолеть населённые пункты Шубники и Заславль, а усиленным 25-м пехотным полком — Сёмков Городок[2]. Однако к назначенному сроку дивизия так и не смогла занять Минск, так же, как и 20-я танковая дивизия, которая, по свидетельству командующего 3-й танковой группой Г. Гота, вынуждена была вести бои по прорыву линии укреплений.

Обстановка на участках обороны обострялась. 26 июня штаб Западного фронта направил наркому обороны С. К. Тимошенко Боевое донесение под грифом «Вне всякой очереди»: «До 1000 танков обходят Минск с северо-запада, прошли укреплённый район у Козеково. Противодействовать нечем»[3]. Это была 20-я танковая дивизия немцев, которой всё-таки удалось прорвать УР в полосе обороны 64-й стрелковой дивизии. Однако Москва попрежнему пыталась во что бы то ни стало уложить события в русло довоенных планов. В результате сводка Совинформбюро за 26 июня охарактеризовала сложившуюся под Минском ситуацию лишь как действия «просочившихся

---

[1] Bundesarchiv-Militaerarchiv (далее — BA-MA). RH 21/3. B. 46. Перевод с нем. И. Ю. Воронковой.

[2] Там же

[3] ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2454. Д. 27. Л. 69. Опубликовано: Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 35... Док. № 46.

танковых частей противника», а в ответ на упомянутое донесение, в 10:05 27 июня на имя начальника штаба фронта генерал-майора В. Е. Климовских поступил категорический приказ Ставки: «Срочно разыскать все части... и объяснить им обстановку... Если удастся, организуйте сначала мощный удар по тылу первого мехэшелона противника, двигающегося на Минск и на Бобруйск, после чего можно с успехом повернуться против пехоты. Такое смелое действие принесло бы славу войскам Западного округа...»[1]

Для «мощного удара» сил уже не было, однако защитники Минска не сдавали своих позиций до последней возможности. В ходе боёв многие населённые пункты по несколько раз переходили из рук в руки. Об ожесточённом сопротивлении защитников Минска свидетельствует, в частности, телефонограмма командования 12-й танковой дивизии Вермахта командованию 3-й танковой группы от 30 июня 1941 г., в которой изложен «опыт боевых действий против русских укреплений», приобретённый в ходе боёв 27 и 28 июня: «...Действуем в районе укреплений русской пограничной заградительной линии западнее Заславля. 27 и 28 июня дивизия покончила там с 26 бункерами.

Долговременные оборонительные сооружения были старой и новой постройки (частично — с возведёнными орудийными куполами). Орудийные бункеры были оснащены орудиями калибра 3,7 см и 7,2-сантиметровыми скорострельными пушками. Толщина стен — до 1,5 м. Гарнизон — до 10 человек и более, в некоторых бункерах — 20 человек.

Долговременные оборонительные сооружения были почти все без исключения хорошо замаскированы, имели обширные, перекрывающие друг друга сектора обстрела, которые прикрывали преимущественно дороги и подступы к самим сооружениям. Почти во всех сооружениях были обнаружены по 3 амбразуры. Наблюдение из бункеров велось через перископы.

Некоторые новые бункеры имели полностью изолированные друг от друга помещения, так что приходилось отдельно разрушать каждую из двух-трёх амбразур...

---

[1] Цит. по: Жуков Г. К. Указ. соч. С. 256—257.

Передовая группа обошла позицию с севера. Группа танкового полка вызвала огонь укреплений на себя, в результате чего были установлены места расположения отдельных точек, чтобы их можно было отсечь огнём. Огнём с близкого расстояния тяжёлых миномётов и 10,5-сантиметровых орудий было в целом покончено с гарнизонами укреплений, после чего по ним уже можно было вести огонь прямой наводкой с открытой огневой позиции.

При этом испытанным способом оказалось введение в бой тяжёлых пулемётов, которые поставили точку в подавлении укреплений.

Сверх того, часть укреплений можно обстрелять с тыла с дистанции 1500 м и разрушить огнём 5-сантиметровых пушек.

Как только долговременные оборонительные сооружения были подавлены, ударные группы, которые частично находятся на танках-IV, двинулись в сторону или назад от укреплений, тем самым обезопасив себя в ближнем бою от обстрела и мин. В это время второй танковый батальон атаковал находившуюся на его участке артиллерию.

Действия противника были разного рода и, вероятно, зависели от конкретных командиров. Часть гарнизонов бункеров защищалась до последнего человека. Другие закрывали амбразуры при первом же фронтальном огне и добровольно выходили в атаку. Некоторые покидали бункеры при первом обстреле и занимали полевые укрепления в предполье, где оборонялись исключительно упорно. Рекомендуется все без исключения бункеры уничтожить, даже если из них в последующем не раздавались выстрелы. Такие "воскресшие" бункеры вечером 27 июня значительно замедлили в некоторых местах продвижение дивизии...»[1]

Упорное сопротивление советских войск на центральном участке заставило противника сосредоточить основной удар 3-й танковой группы в обход Минска — в направлении Острошицкого Городка, чтобы прорваться к городу с северо-востока. С этой целью в районе Остро-

---

[1] BA-MA. RH 21/3. B. 46. Перевод с нем. И. Ю. Воронковой.

шицкого Городка с утра и до наступления темноты 26 июня группами в три самолёта через каждые 10—15 минут осуществлялась высадка десанта, обеспечившего посадочную площадку для транспортных самолётов, которые начали переброску войск и боевой техники. Одновременно этот район атаковали танки и мотопехота, прорвавшиеся со стороны Радошковичей и соединившиеся с десантом. Сюда, на опаснейший рубеж Острошицкий Городок — Караси, была брошена 100-я стрелковая дивизия, которая при поддержке сражавшейся справа от неё 161-й стрелковой дивизии, удерживала его в течение трёх дней. 26 июня бойцы 100-й дивизии впервые применили против вражеских танков стеклянные бутылки с горючим (вспомнился опыт войны в Испании, где это действенное противотанковое средство использовали Африканский корпус франкистской армии, а затем и республиканцы). Бутылки доставлялись на позиции дивизии грузовыми машинами с минского стеклозавода «Пролетарий». Очень скоро немцы сполна оценили этот «коктейль Молотова», как они прозвали новый вид советского вооружения, порождённый крайним недостатком артиллерийских боеприпасов: 27 июня они были отброшены на 13—14 км к северо-западу в направлении деревни Беларучи.

Однако перевес сил противника давал о себе знать. В ночь на 28 июня войска 2-го стрелкового корпуса вынуждены были начать отступление на восток от Минска к реке Волма. И хотя западнее Минска в районах Заславля, Дзержинска и других населённых пунктов, которые по несколько раз переходили из рук в руки, продолжал яростно отбиваться от наседавшего врага 44-й стрелковый корпус, столица БССР была фактически обречена. Уже 26 июня первые немецкие десантные группы смогли прорваться в Минск. О бое с одной из них рассказал в своих воспоминаниях Маршал Советского Союза И. И. Якубовский, в то время — капитан, командир 52-го танкового полка 20-го мехкорпуса. 26 июня его полк получил сообщение, что в Минск, в район площади Свободы, проникло подразделение вражеских десантников.

С семью танками Т-26 И. И. Якубовский помчался из Красного Урочища в город, двигаясь по улице Ворошилова (в настоящее время Октябрьская) в сторону площади Свободы. В районе улицы Ленина обнаружили группу немецких мотоциклистов, обстреляли её и рассеяли: немцы бросили около 15 мотоциклов, разбежались по подъездам. Окружив площадь, танкисты атаковали сосредоточенный там десантный отряд. Немцы уже чувствовали себя полными хозяевами и не ожидали атаки, тем не менее, потребовалось около трёх часов, чтобы полностью подавить их сопротивление[1].

Подпольщик и партизан Р. М. Бромберг, вспоминая о событиях в районе площади Свободы, отнёс их к 3 часам утра 27 июня. По его свидетельству, небольшая группа немцев на танкетках вошла в Минск по Виленскому шоссе со стороны Сторожёвки и дальше площади Свободы в тот день не продвинулась[2].

Вероятно именно прорыв в Минск немецких десантных подразделений 26—27 июня дал основание бывшему командующему 2-й танковой группой генерал-полковнику Г. Гудериану заявить в своих воспоминаниях, что 27 июня его 17-я танковая дивизия «вышла на южную окраину Минска, установив связь с 3-й танковой группой, которая ещё 26 июня ворвалась в сильно разрушенный город»[3].

Сводка Совинформбюро сообщила об успешном отражении 27 июня на Минском направлении наступления «крупных танковых частей противника», однако утром этого дня 12-я танковая дивизия генерал-майора Й. Харпе из 3-й танковой группы уже вышла на подступы к Минску с северо-запада.

Одновременно с юго-запада, по Брестскому шоссе, к Минску подошёл авангард 17-й танковой дивизии генерал-майора К. фон Вебера из 2-й танковой группы[4]. 28 июня части советской 26-й танковой дивизии генерал-

---

[1] Якубовский И. И. Земля в огне. М., 1975. С. 40—41.

[2] НАРБ. Ф. 1450. Оп. 11а. Д. 9. Л. 1.

[3] Гудериан Г. Указ. соч. С. 136.

[4] Хаупт В. Сражения группы армий «Центр». Взгляд офицера вермахта. М., 2006. С. 46.

майора В. Т. Обухова из состава 20-го мехкорпуса сумели затормозить наступление 17-й дивизии, но при этом потеряли все свои 44 лёгких танка Т-26 и БТ. В таком же положении оказались и другие войска 20-го мехкорпуса, который вынужден был продолжать боевые действия фактически как стрелковый.

В 23:00 27 июня командование 13-й армии сообщило командующему войсками Западного фронта, что «положение в Минске не выяснено», в связи с чем туда выслана разведка[1].

Вопрос о конкретном времени вступления в Минск регулярных немецких войск достаточно сложен, так как сведения об этом разнятся. Поскольку советская сторона довольно длительное время вообще не имела данных о положении в Минске, логично обратиться к немецким источникам. Как уже упоминалось выше, Г. Гудериан утверждал, что это произошло уже 26—27 июня. Начальник Генерального штаба Сухопутных войск Германии генерал-полковник Ф. Гальдер сделал в своих ежедневных записях пометку о том, что Минск занят в середине дня 28 июня[2]. Генерал-полковник Г. Гот, не называя времени суток, заявлял, что 20-я танковая дивизия генерал-лейтенанта Х. Штумпфа ворвалась в Минск с северо-запада (со стороны площади Бангалор) 28 июня и «очистила его от разрозненных групп противника. Но соединиться со 2-й танковой группой дивизии всё же не удалось, так как вскоре пришлось отбивать атаки противника с юга и востока»[3].

Последнее утверждение представляется наиболее соответствующим истине. Судя по всему, 20-я танковая дивизия вступила в Минск ближе к вечеру 28 июня, во всяком случае, не ранее 16 часов, поскольку сопротивление оборонявшихся советских частей продолжало оставаться достаточно сильным. Это подтверждается, в частности,

---

[1] ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 3038. Д. 5. Л. 36—37. Опубликовано: На земле Беларуси: канун и начало войны... С. 440.

[2] Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939—1942 гг.: в 3 т. М., 1971. Т. 3. С. 55.

[3] Гот Г. Танковые операции. Смоленск, 1999. С. 70.

рапортом офицера связи 3-й танковой группы с 20-й танковой дивизией майора Генерального штаба Бархевитца от 29 июня, в котором описана обстановка в дивизии до 16:00 предыдущего дня: «Утром 28.6... ударная группа (имеется в виду левая ударная группа дивизии под командованием полковника фон Бисмарка. — *И. В.*), усиленная 59-м пехотным полком, атаковала русские укрепления в районе юго-юго-востока Острошицкого Городка. В качестве пехотной боевой силы в бой вступил 2-й батальон 59-го пехотного полка, затем группа танков... Наступление, которое велось по всем направлениям на Янополь (2 км южнее Острошицкого Городка), остановилось перед участком ручья вследствие достаточно сильного флангового огня с направления Боровцы. Из поддерживавших наступление танков 6 застряли на заболоченном лугу... В начале атаки русские вели огонь силами двух ближайших артиллерийских батарей, вплоть до полудня проявили себя 4—8 батарей (также и тяжёлых). Их экономный огонь произвёл впечатление. Около полудня 2-й батальон 59-го пехотного полка отошёл, чтобы избежать лишних потерь...

Правая ударная группа (112-й пехотный полк, усиленный артиллерийским дивизионом) в ночь с 27 на 28.6 или ранним утром предприняла наступление вдоль дороги Радошковичи — Сёмков Городок. Эти действия были необходимы, чтобы обеспечить выход всей дивизии на новую дорогу (10 км северо-западнее Сёмкова Городка в направлении Острошицкого Городка).

На настроении дивизии сказывалось неудачное наступление левой ударной группы. В этот день дивизия должна была отдать два танковых батальона. Теоретически для поддержки наступления левой ударной группы оставался только один батальон... Ощутимое воздействие на боеспособность других танковых подразделений оказало также устаревшее вооружение... Действия воздушных сил были затруднены в районе Минска вражескими самолётами-истребителями. В первой половине дня 28.6 дивизионная авиаэскадрилья потеряла второй самолёт-разведчик.

В отношении противника создаётся впечатление, что он имеет большое численное превосходство в пехоте и готов очень хорошо сражаться до последнего. Полковник фон Бисмарк использует по этому поводу выражение "фантастика". Линия укреплений в очень хорошем состоянии и отлично оборудована...

Дивизия не имеет ясной картины относительно событий в соседних дивизиях. Около полудня по радио было получено из корпуса сообщение, что 12-я танковая дивизия готовится вступить в Минск.

Собственные войска дивизии наступали, по мнению её командира, очень активно и имеют на 27.6 большие потери, особенно в офицерском составе. 112-й пехотный полк потерял 27.6 убитыми и раненными 8 офицеров и 120 унтерофицеров и рядовых. В ночь с 28 на 29 и 29.6 был убит, среди прочих, командир 59-го пехотного полка полковник Вайхарт, а командир артиллерийского полка подполковник Цирольд — ранен...

Около полудня господин командир дивизии отдал приказ всеми имеющимися силами после полудня возобновить наступление западнее Острошицкого Городка в общем направлении пересечения шоссе и дороги юго-восточнее Королёва Стана...»[1]

Что касается советских источников, то в сводке за 28 июня Совинформбюро ещё уверяло, что «на Минском направлении войска Красной Армии продолжают успешную борьбу с танками противника, противодействуя их продвижению на восток. По уточнённым данным, в боях 27 июня на этом направлении уничтожено до 300 танков 39 танкового корпуса противника»[2].

Такая лаконичность, с одной стороны, и оперирование некими «уточнёнными данными» за предыдущий день, на основании которых приведена сногсшибательная цифра уничтоженных немецких танков, — с другой, свидетельствовуют об одном — командование 13-й армии и дивизий не имело на тот момент достоверной картины общей обстановки на территории Минского укрепрайона

[1] BA-MA. RH 21/3. B. 46. Перевод с нем. И. Ю. Воронковой.
[2] Звязда. 1941. 29 чэрв.

и непосредственно в Минске. Соответственно в таком же положении находились штаб фронта и Ставка Главного Командования в Москве.

Вот что пишет в своих воспоминаниях Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, в то время — член Ставки: «В 2 часа ночи 28 июня у меня состоялся... разговор по прямому проводу с генералом В. Е. Климовских... У аппарата Жуков. Доложите... в чьих руках Минск, где противник? Климовских. Минск по-прежнему наш. Получено сообщение: в районе Минска и Смолевич высажен десант. Усилиями 44-го стрелкового корпуса десант ликвидируется... Противник, по последним донесениям, был перед УРом...»[1]

Ряд документов указывает на то, что судьба Минска оставалась неясной советскому военному командованию ещё почти двое суток после захвата города врагом.

Из Боевого приказа штаба 44-го корпуса, направленного в 11:30 28 июня 1941 г. с командного пункта в лесу восточнее деревни Волчковичи: «Приказываю: командиру 539 сп 108 сд... выявить, имеются ли в г. Минске прорвавшиеся отдельные группы противника. Разведку на Минск послать силою 1—2 взвода с 1—2 орудиями ПТО, связками гранат, бутылками с бензином. Командир 44 ск комдив Юшкевич. Начштаба полковник Виноградов»[2].

«Ожидаю донесение о положении Минска и укреплённых районов...» — таким требованием сопроводил комфронтом Д. Г. Павлов своё Боевое распоряжение командующему войсками 13-й армии на отвод войск армии в случае наступления превосходящих сил противника, последовавшее в 23:00 29 июня[3].

Трагическая новость о захвате Минска стала известна, судя по всему, как командованию Западного фронта, так и Москве, лишь к концу дня 30 июня. Об этом говорят дата и время Оперативной сводки штаба фронта, в которой впервые конкретно упоминается о судьбе Минска —

---

[1] Жуков Г. К. Указ. соч. С. 257—259.

[2] БГМИВОВ. Н/В 26400/16.

[3] ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 10169. Д. 17. Л. 61. Опубликовано: Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 35... Док. № 65.

документ составлен в 20:00 30 июня и сообщает следующее: «13-я армия в результате боёв, начавшихся 28.6.41 г., оставила Минский укреплённый район и гор. Минск»[1]. Этот факт зафиксирован и в Боевом донесении штаба 13-й армии начальнику штаба Западного фронта, полученном в 23:15 того же дня 30 июня: «В Минске танковые части противника. Численность их выясняется»[2].

Маршал Г. К. Жуков позже отметил: «Ставка и Генеральный штаб тяжело восприняли известие о том, что нашими войсками оставлена столица Белоруссии»[3]. Новость была настолько ошеломляющей, настолько шла вразрез с широко распространённым до войны пропагандистским лозунгом о непобедимости Красной Армии, что сводки Совинформбюро не только за 28 июня, когда обстановка в Минске ещё оставалась неясной, но и в последующем её так и не обнародовали. Более того, эти сводки, в том числе о событиях на участках других фронтов, были составлены в оптимистичных тонах, даже в малой степени не отражавших всей глубины военной опасности, нависшей над СССР.

Дневное сообщение Совинформбюро за 29 июня гласило: «Наступление танковых частей передового эшелона противника на Минском и Слуцком направлениях остановлено действиями наших войск. Танковые части противника несут большие потери. На Минском и Барановичском направлениях идут ожесточённые бои с пехотными соединениями противника, которые стремятся соединиться с передовым эшелоном танков. Упорным сопротивлением и контратаками на этих направлениях наши войска задерживают продвижение основных сил противника, нанося им большое поражение»[4].

Вечернее сообщение Совинформбюро за 29 июня содержало сведения о том, что «на Минском направлении

---

[1] ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 10169. Д. 7. Л. 52—54. Опубликовано: Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 35... Док. № 73.

[2] Там же. Оп. 2454. Д. 5. Л. 6. Опубликовано: Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 35... Док. № 152.

[3] Жуков Г. К. Указ. соч. С. 257—259.

[4] Сообщения Советского Информбюро... Т. 1. С. 3—9.

усилиями наших наземных войск и авиации дальнейшее продвижение прорвавшихся мотомехчастей противника остановлено. Отрезанные нашими войсками от своих баз и пехоты мотомехчасти противника, находясь под непрерывным огнём нашей авиации, поставлены в исключительно тяжёлое положение...»[1]

Последний раз Минское направление было упомянуто в вечернем сообщении Совинформбюро за 3 июля: «В течение 3 июля наши войска вели ожесточённые бои на Двинском, Минском и Тарнопольском направлениях... На поле боя остаются тысячи немецких трупов, пылающие танки и сбитые самолёты противника... На Минском направлении противник в результате упорного сопротивления наших войск понёс значительные потери...»[2] Однако эти громкие победные реляции закончились тем, что, начиная с 4 июля 1941 г., Минское направление из сводок незаметно исчезло.

Таким образом, противнику удалось захватить Минск после отвода на восток, за реку Волма, 100-й и 161-й стрелковых дивизий 2-го стрелкового корпуса. С захватом столицы БССР немцы замкнули 3-й и 2-й танковыми группами внешнее кольцо окружения основных сил Западного фронта восточнее города и отрезали на Раковском направлении пути отступления воинам 64-й и 108-й стрелковых дивизий 44-го стрелкового корпуса, а также отходившим от границы частям 3-й, 4-й и 10-й армий. Первый состав фронта фактически перестал существовать. Но и в условиях полного окружения разрозненные остатки войск продолжали упорное сопротивление, сковав тем самым почти половину состава группы армий «Центр». Лишь в ночь на 2 июля они прорвали кольцо окружения и отступили на северо-восток. Те, кто не смог прорваться, перешли к партизанским методам борьбы. Минская оборонительная эпопея, носившая скоротечный, но весьма напряжённый характер, завершилась. В районе Минска врага удалось задержать фактически на 7 дней, а следовательно, выиграть время для организации

[1] Сообщения Советского Информбюро... Т. 1. С. 3—9.

[2] Там же.

новой линии обороны на рубежах Березины и Днепра, снизить темп немецкого наступления на центральном направлении советско-германского фронта и в целом содействовать срыву плана молниеносной войны с СССР.

Что же касается минчан, уцелевших в пекле первых бомбёжек и пожаров и оставшихся в родном городе, их жизнь с 28 июня продолжалась в совершенно другом измерении.

Е. Каратаева: «Когда я увидела первых фашистов... По правде даже не увидела, а услышала: у них у всех были подкованные сапоги, они так громко стучали... Когда я на них смотрела, мне казалось, что даже земле больно, когда они идут...»[1]

М. А. Яницкая: «...28 мы, дети, играли во дворе. И тут с улицы Пулихова бежит один наш хлопец и кричит: "Немцы едут! немцы едут!" Мы быстренько спрятались и сквозь щели в заборе начали смотреть. По улице Слесарной на мотоциклах и на велосипедах ехали немцы. И я тогда воскликнула: "Так это же люди!" Потому что я с пяти лет училась читать по газетам, которые выписывал отец, а в тех газетах были карикатуры, где всех фашистов изображали чудовищами...»[2]

Н. А. Яницкий: «Потом прекратилась бомбёжка, сидим мы во дворе, а по Старовиленскому тракту едут два броневика. Я смотрю — окраска не та и конструкция не та, что у советских машин. А на броне большие красные флаги, в середине — белый круг и крест в нём. Хоть и маленькие, а догадались: что-то не то. Это было 28 июня. Доехали те броневики до дрожжевого завода, дали несколько очередей из пулемёта, чтобы проверить: есть ли кто в городе или нет. Тишина полная, в ответ — ни звука... Потом минут через двадцать пошла колонна... танки, бронетранспортёры с пехотой. Въезжали без выстрелов... первое впечатление было, что они не были настрое-

---

[1] Каратаева К. Яны ляжалі на вуголлях ружовыя... // Алексіевіч С. Апошнія сведкі. Кніга недзіцячых расказаў. Мінск, 1985. С. 15. Перевод с бел. И. Ю. Воронковой.

[2] Клімковіч I. Указ. соч. С. 109—110. Перевод с бел. И. Ю. Воронковой.

ны враждебно к нам, малышей угощали конфетами. Но я не брал, противно было брать чужое, вражеское...»[1]

В. Бугаенко: «И вот в город вошли немцы. Холёные, сытые, весёлые. Дружно пели свои маршевые песни. У всех объектов с продовольствием оккупанты поставили охрану. Поэтому те, кто пытались эвакуироваться, но не успели, вернулись в Минск к разбитому корыту. Жильё, которое они бросили, уже было заселено, а продовольственные склады закрыты. Вот кому пришлось выносить невероятный голод!»[2]

Так для минчан в очередной раз повернулось колесо истории. Спустя 23 года после немецкой оккупации февраля — ноября 1918 г. Минск вновь оказался во власти германских завоевателей.

---

[1] Клімковіч І. Указ. соч. С. 109—110. Перевод с бел. И. Ю. Воронковой.

[2] Вечерний Минск. 1998. 22 июня.

Накануне агрессии... Немецкие войска подтягиваются к советской границе. 1941 г.

Плакат кануна войны

Наталья Николаевна Маклецова с дочерью Мариной. 1934 г.

Нил Яницкий (в центре) с двоюродными братом и сестрой Малишевскими. 1938 г.

Майя Виноградова (справа) с сестрой Галей. 1939 г.

Пётр Александрович Лидов с дочерью Светланой накануне войны

Ученицы 9-й средней школы г. Минска. Весна 1941 г.

Лариса Помпеевна
Александровская
с сыном Игорем в эвакуации.
Алма-Ата, 1942 г.

Мария Васильевна Драгун с сыном Юрием. Минск, 1946 г.

Вражеские самолеты над Университетским городком. Июнь 1941 г.

Зенитчики, защищавшие столицу.
Сидит крайний справа В. Л. Башкатов. Минск, 1 марта 1941 г.

Горящий Минск. 1941 г.

После бомбардировки 24 июня 1941 г. Фото военного корреспондента Д. Минскера

Могилы минчан, погибших во время немецких бомбардировок 24 июня 1941 г. и 4 июля 1944 г. Военное кладбище, г. Минск

Указ Президиума Верховного Совета СССР

О мобилизации военнообязанных по Ленинградскому, Прибалтийскому особому, Западному особому Киевскому особому, Одесскому, Харьковскому, Орловскому, Московскому, Архангельскому, Уральскому, Сибирскому, Приволжскому, Северокавказскому и Закавказскому военным округам

Указ Президиума Верховного Совета СССР

Об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения

СВОДКА

Главного командования Красной Армии

за 22.VI—1941 года

СВОДКА

Главного командования Красной Армии

за 23.VI—1941 года

Первые документы войны

Д. Г. Павлов

И. И. Копец

П. М. Филатов

И. Н. Руссиянов

Э. С. Соколовский. 1943—1944 гг.

Советские военнопленные на улицах Минска. 1941 г.

Памятник В. И. Ленину, повергнутый в первые дни оккупации

Рейхсфюрер СС Г. Гиммлер осматривает музей во время пребывания в Минске. Август 1941 г.

«Новый порядок» в действии... Казнённые советские патриоты в Александровском (Центральном) сквере г. Минска

Начальник Центрального штаба партизанского движения, первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии П. К. Пономаренко среди комсомольцев, направляющихся в тыл врага. 1942 г.

Отступление немецких войск по улице Немигской 1 июля 1944 г.

Кабинет чиновника оккупационной администрации после поспешного бегства из Минска. Июль 1944 г.

Советские солдаты в Доме правительства. Июль 1944 г.

Горит жилой дом на улице Советской. Июль 1944 г.

Разрушенная обувная фабрика имени Л. М. Кагановича на улице Немигской. 1944 г.

Улица Ленинская после освобождения. Слева на переднем плане развалины гостиницы «Европа»

Глава 6

ДРУГИМИ ГЛАЗАМИ

При воссоздании некоторых обстоятельств минской эпопеи июня 1941 г. автором был использован ряд официальных документов немецкой стороны. Думается, нельзя обойти вниманием и немецкую прессу военного времени, страницы которой, как, собственно, и советских печатных изданий, стали полем идеологического сражения двух противоборствующих политических систем. Во всех случаях публикации немецких газет имели, прежде всего, антисоветскую подоплёку, отражавшую неуёмное стремление нацистской системы к искоренению большевизма. При этом использовались традиционные словесные вариации на тему «азиатской угрозы», нависшей над арийской расой. Вместе с тем, если отбросить лежащую на поверхности пропагандистскую шелуху, на газетных страницах можно обнаружить ценные факты, столь необходимые для более полного воспроизведения давно ушедших в небытие дней, для возможности взглянуть на них с позиций настоящего времени. Именно в таком ракурсе следует рассматривать предлагаемые ниже наиболее типичные примеры немецкой интерпретации событий вокруг Минска в июне 1941 г.

Основным источником выбрана газета «Minsker Zeitung» («Минская газета») — самое крупное немецкоязычное периодическое издание так называемого Рейхскомиссариата «Остланд», составной частью которого являлся Генеральный округ «Беларусь». Издавалась газета с апреля 1942 по июнь 1944 г. и распространялась не только в Рейхскомиссариате и зоне тыла группы армий «Центр» на территории Беларуси, но и в Германском рейхе. Редакция и издательство размещались в Минске, в здании Дома печати. Предназначалась газета для немецких военнослужащих и гражданских лиц, однако в ней присутствовала также небольшая рубрика на белорусском языке.

В июне 1942 г., к первой годовщине начала войны Германии против СССР, расценивавшейся нацистской пропагандой как «освобождение населения от большевизма», газета опубликовала ряд пространных материалов в форме воспоминаний жителей Минска и военнослужащих Вермахта. Здесь следует сразу оговориться, что, хотя имена авторов воспоминаний были названы, они, скорее всего, являлись вымышленными, поскольку почти все материалы газеты, включая аналитические статьи политического характера, официальные сообщения, сводки германского Верховного командования о боевых действиях на фронтах, очерки и репортажи из районов боевых действий, готовились опытными военными журналистами и поставлялись в «Minsker Zeitung» из главной Немецкой информационной службы Имперского министерства народного просвещения и пропаганды в Берлине, региональных информационных служб, а также из представительства роты пропаганды при Главном командовании группы армий «Центр», иногда перепечатывались из немецких изданий, выходивших в Рейхе. Главным источником местных официальных и новостных материалов была пресс-служба Генерального комиссариата Беларуси. Таким образом, политическая направленность предлагаемых ниже отрывков очевидна и полностью соответствует целям и задачам такого неординарного пропагандистского рупора, каковым являлась «Minsker Zeitung».

Так, автором очерка «Минск 22 июня 1941 года» выступила «доктор Мария Фогль», однако содержание было построено на воспоминаниях некой «госпожи Ивановой» — немки по рождению, якобы проживавшей в Минске накануне войны. Приводим эту публикацию в сокращении, допуская реальное существование автора воспоминаний, но оставляя сомнение в подлинности имени: «В летние дни кануна войны Минск был большим городом с размеренной жизнью, где люди зарабатывали на эту жизнь тяжёлым трудом (далее следует подробный критический анализ «большевистского рая», сопровождаемый рассказом о репрессиях ГПУ. — *И. В.*)... Каждый ощущал, что живёт в ненастоящем, призрачном мире.

Незадолго до начала войны через Минск шли на запад бесконечные колонны войск. Женщины-крестьянки, приезжавшие в Минск на рынок, рассказывали, что такой же поток солдат движется вдоль дорог, а в пригородных лесах, как грибы вырастают землянки, в которых на марше отдыхают солдаты. На марше к немецким границам. Сталин хочет войны с Германией? Но с Рейхом заключён договор, и, видит Бог, вся Белоруссия после этого свободно вздохнула, так как здесь ещё сохранились добрые воспоминания о немцах периода оккупации 1918 г.

Но что означают эти массы солдат, если не войну? Находились люди, имеющие связи в Кремле, которым было известно, что до войны с немцами осталось недолго.

Жарко и душно было в эти июньские дни в Минске. Госпожа Иванова, родившаяся в Кёнигсберге, вышедшая перед Мировой войной замуж за царского чиновника и после бесконечных переездов по России осевшая в Минске, — ранняя пташка. У неё есть радиоприёмник, и поэтому она одна из немногих, кто может слушать между 6 и 7 часами утра новости из Германии. Она покрутила ручку — в Минске всегда были радиопомехи. Господи Боже, — госпожа Иванова обомлела, — война, война между Германией и Советской Россией! В паре сотен километров западнее находится её родина. Что сейчас там происходит? Где находятся сталинские дивизии, сталинские танки и самолёты?

Было предобеденное время, когда по всем улицам и площадям Минска прозвучал из громкоговорителей голос Молотова, объявившего народам Советского Союза о начале войны с Рейхом. Столица Белоруссии затаила дыхание.

23 июня утром госпожа Иванова, которая после смерти мужа зарабатывала себе на хлеб лаборанткой в Клинике нервных болезней (вероятно, имелись в виду стационары или диспансер Института физиатрии, ортопедии и неврологии, размещавшиеся на ул. Володарского. — *И. В.*), как обычно пошла на работу, не предполагая, что домой уже не вернётся. На работе ей объявили, что она никуда не должна отлучаться, поскольку нужно быть готовыми к приёму раненых.

24 июня весь день были тяжелейшие налёты. В клинику стали поступать раненые. Обслуживающий персонал в неописуемом смущении — раненых надо оперировать, а большинство врачей сбежали, те, кто остались — не хирурги. Раненые начинают умирать прежде, чем их смогли куда-нибудь транспортировать.

Между тем сильный огонь уже держал в своих руках белорусскую столицу. Начало поджогам положили перед своим бегством коммунисты, а затем зажигательные бомбы завершили дело. Способствовал пожарам и сильный ветер, быстро перегонявший огонь от здания к зданию. В результате сильной жары последних недель дерево стало чрезвычайно сухим. Воды для тушения пожаров нет, водопровод и электричество вышли из строя после первых же воздушных налётов.

Вечером 24 июня бежали последние комиссары. Перед своим бегством они открыли двери ГПУ, а также всех предприятий, которые ранее были закрыты, чтобы никто не покинул своих рабочих мест. На восток, по шоссе на Могилёв и Оршу, двигается поток беженцев. Это неописуемая картина. Стайки детей (в предместьях Минска находилось много лагерей), мужчины и женщины, арестанты и солдаты — все стремятся прочь из горящего города. А в небе стаями кружат немецкие бомбардировщики.

25 июня в клинике осталось только три человека — врач, сестра и госпожа Иванова. Но здесь же находятся ещё 40 больных, которым как-то надо обеспечить безопасность. Решают остановить одну из покидающих город машин и погрузить на неё больных. С большим трудом это удалось сделать. Кряхтя от натуги, машина двинулась по улицам.

Наступило 26 июня. Пламя приблизилось к зданию клиники. Напротив загорелся родильный дом. Три женщины бросились туда, надеясь кого-то спасти. Но там оставалась только одна женщина в родовых схватках. Как только ребёнок родился, они вывели женщину с ребёнком на улицу и поручили заботам торопящихся мимо людей. В это время загорелся сарай со строительными материалами во дворе клиники. Песок, который женщины лопатами бросали на огонь, не оказывал никакого

действия. Усиливавшийся ветер подхватывал и разносил пламя. Жар становился нестерпимым. Женщины бросились бежать — один, два, три, восемь, десять километров от Минска. Когда они остановились и оглянулись, увидели над Минском кроваво-красный колоссальный факел: чудовищная картина!

Вскоре женщины добрались до здания школы в близлежащем колхозе, достали у крестьян продукты. Когда собирались двинуться дальше, раздался чей-то крик: "Можете возвращаться, кругом уже немцы!" Толпы потерянных, измученных и отчаявшихся людей воспряли духом. Немцы в Минске! Это значит закончился весь ужас последних дней, можно возвращаться домой и попытаться наладить жизнь.

Они шли несколько дней, еле передвигая ноги. И вот Минск — ужасная картина! Между почерневшими от копоти руинами только несколько сохранившихся зданий, которых не коснулись руки коммунистических поджигателей. Госпожа Иванова подбежала к месту, где был её дом. Он был разрушен до основания. У неё осталось только, то, что было надето: белое платье, лёгкие туфли и сумочка. Вокруг, на руинах, стояли такие же плачущие жители Минска, оставшиеся без ничего.

Первый крупный город в бывших владениях Сталина лежал в руинах и пепле. Но его гибель означала также начало новой жизни: между руин минских улиц звучал надёжный шаг немецких солдат...»[1]

А вот как были представлены эти же события солдатами. Автором воспоминаний, если верить газете, являлся связист Р. Кенигер, вступивший в Минск в составе регулярных частей Вермахта 29 июня 1941 г.: «Жаркий летний день. Мы, три солдата полка связи, чувствуем себя в открытой автомашине, как в печке. Чёрт побери, мы должны быстрее двигаться вперёд! Из леса, который здесь, на Востоке, сплошной стеной стоит вдоль дороги, слышны звуки выстрелов. Строчит пулемёт — в лесу идёт бой. Но ведь наши передовые части должны быть уже намного дальше — они должны быть уже в Минске. Чёрт

[1] Minsker Zeitung. 1942. 22 Juni. Перевод с нем. И. Ю. Воронковой.

знает, что тут случилось! Мы знаем, что в окружении осталось неизвестное количество русских.

Когда мы проехали мост, с нами поравнялась санитарная машина с флажком Красного Креста на капоте. Она везла раненых в обратном направлении. На их лицах ещё было заметно напряжение недавнего боя.

— Это всё проклятые свиньи из леса, — сказали они нам. Это была мотопехота, батальон которой обеспечивал безопасность дороги с южной окраины леса. — Утром появилась толпа большевиков с поднятыми руками и белым платком на штыке от винтовки. Фельдфебель приказал им подойти поближе. Но мы плохо знали коварство большевиков! Когда передние приблизились к нам на 20 метров, в их поднятых руках оказались ручные гранаты, которыми они уничтожили пулемёт, а потом сумели убежать в лес. Некоторые ещё и сейчас там сидят.

Наш мотор вновь заработал. Но у страха, как известно, глаза велики — за каждым деревом нам чудился противник... Судя по карте, мы должны были уже достичь шоссе Молодечно — Минск. Наконец радость! Колёса машины покатились по настоящей дороге, правда, настоящей лишь по советским понятиям. Мы только первые восемь дней в "красном раю", но успели к нему уже немного привыкнуть. Всё было в диковинку только на первых 100 метрах после начала атаки.

Небо на юго-западе темнеет, дело идёт к вечеру. Однако эти чёрные облака, закрывшие небо, всё-таки не означают приближение ночи. Эти страшные чёрные облака — несомненно дым пожаров. Это — Минск! Но мы солдаты и не должны думать о том, что там произошло. Мы — пленники прекрасной жуткой пьесы.

Машина подпрыгивает на трамвайных рельсах. Слева и справа широкой дороги стоят низкие деревянные дома, мостовая вымощена булыжником. Мы в Минске!

Когда мы проснулись следующим утром, первым делом попытались осмотреться. Немногие ночные часы мы провели на ложе, устроенном из театрального занавеса. Через окна, в которых война не оставила ни одного стекла, вливался воздух свежего утра. Но где же мы, наконец?

Зеркала, разбитые на куски, столики с гримировальными принадлежностями... Это помещение для актёров. Смотрим в окно: мы находимся довольно высоко (как мы потом узнали, это был оперный театр). Везде валяются кирпичи и обломки брёвен, всё перемешано. Через Минск война прошла как извержение вулкана — огнём и пеплом. Мы первый раз видим такие разрушения. На Западе мы уже видели разрушенные города, но разрушения такого масштаба — нет! Однако только часть их явилась результатом военных действий. В большинство строений большевики бросали зажжённые факелы. Эти безумные разрушения в Минске — дело рук большевиков.

— Осторожнее, друзья, — предупредил нас часовой, когда мы покинули Оперный театр, — в этих развалинах что-то пощёлкивает. Остерегайтесь!

Ночью мы тоже слышали какие-то шорохи, которые нас нервировали. Центральная власть большевиков здесь уже пала, но Минск ещё не был спокойным городом в связи с коварными выстрелами из засады.

С удивлением мы осматривали всё, что нас здесь окружало. Минск был для нас первым городом на старых советских территориях, который противостоял нам как форпост большевизма. По улицам двигаются бесконечные колонны наших войск. Штурмовая артиллерия, танки, загруженные до отказа автомашины. По обочинам едут запыленные мотоциклы. Под ними трещат тысячи осколков стекла из выбитых окон, которыми устланы улицы. В воздухе стоит запах пожарищ. Из скелетов некоторых домов ещё вырывается пламя, с треском обрушиваются брёвна. В зияющих провалах зданий, откуда пышет жаром, роются жители. Бедно одетые жители ищут под пеплом остатки своего имущества. Многие уже отказались от напрасных поисков и стоят безмолвно, словно окаменев, возле своих бывших жилищ. Женщины с корзинами и большими завязанными узлами тащат всё, что удалось спасти, в свои вынужденные убежища. Мы их внимательно рассматриваем. Женщины одеты в дешёвые лёгкие летние платья. На головах — платки, грубые шали, на ногах — туфли с пряжками. Многие не имеют

и их и идут босиком. У некоторых девушек накрашены губы и ногти. Право, даже в своих плохо сшитых платьях они выглядят неплохо. Помятые тёмные костюмы из грубой ткани с тысячью складок — так одеты мужчины. Эти костюмы — большевистского массового фабричного производства. Да и сами люди несут его отпечаток.

Преодолевая развалины, мы добираемся до центра города. Повсюду лежат свидетельства поспешного бегства — противогазы, железные каски. На мостах и перекрёстках некоторых улиц возведены заграждения из мешков с песком. Подле них стоят на постах наши боевые товарищи с готовыми к стрельбе пулемётами. Минск ещё является фронтовой зоной, и на всякий случай надо быть готовым ко всему.

Мы видим роскошные большевистские сооружения: десятиэтажный Дом Советов с колоссальной фигурой Ленина перед ним, Дом Красной Армии и другие. Неужели большевики, сохранив эти памятники, хотели похвастаться перед нами? Для чего этот бессмысленный на Востоке американизм? Мы качаем головами — дешёвое искусство! Скоро мы пресытились его созерцанием.

Словно широкий глинисто-коричневый поток течёт вдоль улицы. Пленные! Тысячи их двигаются медленным шагом, устало и тупо, к сборным пунктам для пленных. Это красноармейцы из разгромленного котла в районе Минска — Белостока. Их тысячи, и это количество всё увеличивается, скоро их становится десятки тысяч, сотни тысяч... на широком, песчаном, покрытом травой поле, там, где последние домишки Минска теряются в бесконечных белорусских далях, создан лагерь для пленных (имелся в виду фильтрационный лагерь в урочище Дрозды. — *И. В.*). Тут собрано целое войско, которое невозможно охватить взглядом. Небольшие ограждения, колючей проволоки нет. Как сторожевые собаки стадо, охраняют серые всадники на маленьких серых косматых казачьих лошадях эту армию пленных. Сумасшедшая смесь народов! Все расы и племена подняли Советы с подвластных себе территорий на борьбу с Европой. Ширококостные русские, дерзкие евреи с нахальными лицами, узкоглазые

киргизы и калмыки, кавказцы, высокие черноволосые армяне и жилистые скуластые казаки с советской звездой на шапках. Дикая смесь народов, на которые Москва возлагала свои надежды. Их победил немецкий солдат.

На Западе нам уже доводилось видеть большие скопления пленных, но такой массы — ещё нет! Этот лагерь для пленных возле Минска — самое сильное впечатление от войны на Востоке.

По оставшимся стоять на улицах Минска орудиям, по сожжённому танку, который как жирный клоп лежит на развилке дорог и служит теперь указателем для наших проходящих мимо частей, по обессиленным массам пленных понятно, какими пустыми были речи Советов о непобедимости Красной Армии. Пустыми, как статуи Ленина и Сталина, стоявшие в Доме Советов. Опрокинувшись, они разбились, и стало видно, что сделаны они из гипса и внутри были полыми. Эта хвастовство, замешанное на гипсе и цветных тряпках, рухнуло, как только по нему ударил железный немецкий кулак...»[1]

Последняя публикация, несмотря на её вызывающий общий тон, тем не менее, достаточно прозрачно свидетельствует, что продвижение немецких захватчиков по белорусской земле в июне 1941 г. не было лёгкой прогулкой. Правда, в то время все препятствия ещё подавались как случайные, а трудности представлялись временными. Постепенно подобные «юбилейные» повествования стали менее пафосными, а через два года в них уже звучали откровенно траурные ноты. К примеру, трёхлетие начала войны «Minsker Zeitung» отметила следующими строками, которые говорят сами за себя: «Когда утром 22 июня 1941 г. германские полки штурмовали границу большевистской империи насилия, только немногие могли предположить, что бои с армией мировой революции продолжатся до 1944 г. и сколько будет положено в этих боях жизней...»[2]

---

[1] Minsker Zeitung. 1942. 28/29 Juni. Перевод с нем. И. Ю. Воронковой.
[2] Там же. 1944. 22 Juni. Перевод с нем. И. Ю. Воронковой.

Глава 7

ЧЕРЕЗ ТРИ ГОДА

На протяжении 1941—1944 гг. по территории Беларуси прошли сотни тысяч гитлеровских оккупантов: военнослужащих охранных и полевых частей и частей обеспечения Вермахта, подразделений СС и полиции, комендатур, лазаретов. Десятки тысяч немецких железнодорожников, строительных рабочих из организации Тодта, почтовых служащих, тысячи административных и хозяйственных чиновников, служащих частных или государственных предпринимательских компаний, медицинских сестёр Красного Креста, помощниц вспомогательных служб Вермахта «работали» в оккупированной Беларуси, ощущая и называя себя «восточными первопроходцами», новыми хозяевами этой земли.

В Минске постоянно находилось 7—8 тыс. так называемых рейхснемцев, т. е. прибывших непосредственно с территории Третьего рейха, из них около 4—5 тыс. военнослужащих и около 3 тыс. гражданских лиц. В среднем 1500 человек составляли женщины[1].

Эйфория от впечатляющих успехов немецкого оружия, достигнутых летом 1941 г., продолжалась у «первопроходцев» сравнительно недолго. Уже осенью им пришлось столкнуться с серьёзными проявлениями антифашистского сопротивления как в сельской местности, так и в городах. Партизанское движение и подпольная борьба белорусского народа превратили нашу землю в постоянный взрывоопасный очаг в тылу германских войск. Кроме того, с начала 1942 г. оккупантам в зоне тыла группы армий «Центр» и Генеральном округе «Беларусь» пришлось впервые серьёзно задуматься о мероприятиях оборонительного характера, что было связано с успешным контрнаступле-

---

[1] Gartenschläger Uwe. Die Stadt Minsk während der deutschen Besetzung (1941—1944). Dortmund, 2001. S. 153.

нием советских войск в ходе Московской битвы. В феврале 1942 г. на стыке немецких групп армий «Север» и «Центр» между российскими городами Велиж и Усвяты, пограничными с Витебской областью, успешными действиями войск Калининского фронта и партизан Витебщины был образован 40-километровый разрыв в линии советско-германского фронта — так называемые «Витебские», или «Суражские ворота», которые существовали до сентября 1942 г. При благоприятном развитии событий дальнейшее наступление советских войск в этом районе могло принести свободу всей территории Беларуси уже в 1942 г.

Немецкое командование придавало удержанию Беларуси большое значение, рассматривало её как важный военно-стратегический плацдарм, который прикрывал кратчайшие пути к экономическим и политическим центрам Германии. Поэтому весной 1942 г. оно развернуло массовые оборонительные мероприятия, охватившие в том числе и Минск.

С целью выявления этих мероприятий, а также общего положения в Минске и окрестностях 31 марта 1942 г. в район Самохваловичей была десантирована группа Генштаба РККА, вместе с которой находился уполномоченный Белорусского штаба партизанского движения Е. Д. Гапеев. В апреле — мае 1942 г. ему удалось несколько раз проникнуть в Минск. В это время немцы подрывали там разрушенные и сгоревшие каменные здания и использовали щебёнку для строительства укреплений. На улицах были сооружены пулемётные гнёзда с двойными досчатыми стенами[1].

Следующий этап укрепления Минска был напрямую связан с контрнаступлением Красной Армии под Сталинградом в ноябре 1942 г. В это время началось строительство дзотов с двумя-тремя амбразурами как в центре города, так и на Комаровке, в Пушкинском посёлке, в направлении бывших военных городков в Уручье и Красном Урочище и др., для чего использовали кирпич и железный лом из разрушенных зданий[2]. Одновременно были сильно укреплены железнодорожный узел и аэродром

---

[1] НАРБ. Ф. 1450. Оп. 4. Д. 186. Л. 51.
[2] Там же. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 661. Л. 33.

в Лошице[1]. На восточных окраинах появились каменные доты в три этажа. Около Червеньского рынка, на Товарной станции и в других местах были установлены зенитные орудия с прожекторами. Укреплённые точки в западной и северо-восточной частях города соединялись между собой глубокими ходами сообщений[2].

Укрепление Минска было связано также с участившимися бомбардировками города советской авиацией. Первая из установленных автором по архивным документам и опубликованной литературе бомбардировка произошла в январе 1942 г., в ходе неё был разбит, в частности, один из цехов щетинно-щёточной фабрики, работу которой немцы успели возобновить после начала оккупации[3].

В знаковый день праздника 8 марта 1942 г. самолёты 101-го полка авиации дальнего действия, которым командовала прославленная лётчица Герой Советского Союза В. С. Гризодубова, перед началом бомбардировки сбросили над Минском листовки с сообщением о победах Красной Армии[4]. В ходе этого налёта несколько бомб упало вблизи Дома правительства, в результате в здании было выбито много стёкол и разрушены оконные рамы[5].

Во время налёта в ночь с 25 на 26 марта 1942 г. в так называемых Кошарских казармах на улице Красноармейской погибло 300 человек из состава литовского полицейского батальона, две бомбы попали в столовую на аэродроме, там жертвами стали 29 офицеров лётного состава. Бомба упала в следственный дом по улице Володарского, при этом был убит немецкий следователь. Была также разрушена часть здания пассажирского вокзала[6], где находился пересыльный пункт для раненых военнослужащих[7], отбита фасадная часть бывшего Дома Наркомата лесного хозяйства на перекрёстке улиц К. Маркса и Комсомольской (здание не сохранилось)[8].

---

[1] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 661. Л. 38об.
[2] Там же. Д. 667. Л. 110об.
[3] Там же. Д. 645. Л. 64об.; Д. 667. Л. 109об.
[4] Там же. Д. 645. Л. 55об.
[5] Там же. Д. 657. Л. 226—227.
[6] Там же. Д. 667. Л. 109об., 120об.
[7] Там же. Л. 109об.
[8] Там же. Д. 657. С. 120об., 203.

К сожалению, атаки советской авиации не всегда отличались точностью, что приносило беду минчанам. Так, в ходе налёта в ночь с 25 на 26 марта 1942 г. бомбами, предназначенными для Дома правительства, в котором располагалось большое количество немецких учреждений, была сильно повреждена улица Берсона, вплоть до улицы Мясникова[1]. По донесению одного из связных в ЦК КП(б)Б, во время налёта в 1 час ночи 19 октября 1942 г. были сброшены три авиационные, две фугасные и одна зажигательная бомбы, однако все они попали на пустырь или в болото, пострадали лишь окрестные жители, у которых вылетели стёкла из окон[2]. По сообщению разведчика М. В. Проявкина, находившегося в Минске с заданием Витебской оперативно-чекистской группы, в конце мая 1942 г. советская авиация бомбила территорию завода им. А. Ф. Мясникова, но бомбы упали поблизости, не причинив ущерба[3]. Зато в конце июня 1942 г. был уничтожен механический цех завода им. К. Е. Ворошилова, на котором немцы ремонтировали танки.

Большой налёт на Минск был 20 или 21 августа 1942 г., когда советские самолёты бомбили аэродромы в Лошице и Слепянке[4]. Около двух часов продолжалась бомбардировка Минска 2 мая 1943 г.[5]

В ночь с 5 на 6 октября 1943 г. на территории бывшей 2-й Советской больницы, где размещались госпиталь СД и различные склады, бомбы попали в помещение кухни, дзот рядом с больницей и жилые дома на её территории, при этом было убито двое и ранено несколько человек. В районе Слепянки у аэродрома и авиазавода было отмечено прямое попадание авиабомб в зенитную точку, погибли 47 немцев. Были разбиты с большими потерями для врага бывшие советские военные городки в Красном Урочище и Козырево[6].

---

[1] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 667. Л. 109об., 120об.
[2] Там же. Д. 661. Л. 33об.
[3] Там же. Д. 657. Л. 226.
[4] Там же. Д. 645. Л. 55об.
[5] Там же. Д. 185. Л. 367; Беларуская газэта. 1943. 6, 9 мая.
[6] Там же. Д. 656. Л. 210.

По свидетельству одного из партизанских разведчиков, бомбами с советских самолётов в 1943 г. был уничтожен дом партийных курсов на улице К. Маркса, сгорела обойная фабрика[1]. В ночь на 13 и в ночь на 14 июня 1944 г. советская авиация нанесла массированные удары по Лошицкому аэродрому[2].

После поражения под Сталинградом в феврале 1943 г., когда Вермахт навсегда утратил стратегическую инициативу, противник приступил к созданию на центральном направлении — в Беларуси — глубокоэшелонированной обороны. Наиболее интенсивно этот процесс развивался после разгрома немецкой армии в ходе Курской битвы в августе 1943 г. и продолжался всё большими темпами вплоть до начала Белорусской операции советских войск в июне 1944 г.

Тревога среди оккупантов в Минске начала разрастаться ещё в ходе боёв на Курской дуге, когда военные лазареты в городе оказались переполненными поступавшими с фронта ранеными, а в направлении Могилёва ежедневно проходили всё новые санитарные эшелоны. Ужесточился пропускной режим. В районе Лошицы, возле аэродрома, началось строительство новых укреплений, причём местному населению это объяснили предстоящими военными манёврами[3].

В сентябре 1943 г., после вступления Красной Армии на белорусскую землю, беспокойство оккупантов стало ещё большим. В Минске появилось много новых войск. Начался срочный ремонт просёлочных дорог в окрестностях города. По разведданным одного из связных партизанской бригады им. К. К. Рокоссовского, с 22 сентября 1943 г. в городе фактически было объявлено военное положение. С этого дня с востока начали подтягивать всё новые воинские части. 29 октября прибыло несколько эшелонов полевой жандармерии. Окраины города, посёлки Коминтерн, Грушевский, Пушкинский, заняли войска, гражданское население из домов выбрасывали

[1] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 612. Л. 2, 4.

[2] Палеская праўда. 1944. 16 чэрв. Опубликовано: Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Пінскага раёна. Мінск, 2003. С. 293.

[3] НАРБ. Ф. 1405. Оп. 1. Д. 117. Л. 20—21.

на улицу. Вокруг города и у важнейших объектов были установлены зенитные батареи и прожектора, буквально на каждом шагу строились дзоты, в кирпичных домах оборудовали пулемётные гнёзда, для чего в стенах были пробиты амбразуры. На аэродроме во много раз увеличилось количество самолётов. Был полностью оборудован и аэродром в Мачулищах, который ранее бездействовал. Связной сообщил также, что «немецкие солдаты во всеуслышание говорили: "Если сдать Минск, то это значит без оглядки бежать до Берлина". Значит, — сделал он вывод, — за Минск будут бороться до последнего»[1].

3 октября 1943 г. З. З. Гало, работавший по заданию подполья в городской управе, сообщил командиру партизанского отряда имени А. В. Суворова бригады «Народные мстители» П. И. Ларину: «В гор. [Минске] — беженцы из Гомеля, Орши, Бобруйска, Дричина, Витебска и прочих городов. Готовятся к эвакуации генкомиссариат и управа — в Белосток. В городе — паника. "Шишки" сматывают удочки. Ивановский (бургомистр Минска. — *И. В.*) уехал в Берлин и не возвращается. Передал служанке: "Если через 7 дней не вернусь, то значит — не ожидай". В казармах по ул. Пушкина поселились зенитчики из Орши, а пленных выслали в Германию..."[2]

В этот период в Минске продолжалось строительство многочисленных дзотов и дотов, вдоль восточной окраины были вырыты окопы, на отдельных участках Логойского тракта и Могилёвского шоссе установлены проволочные заграждения протяжённостью около 1 км[3]. Немцы срочно усилили также противовоздушную оборону. Если раньше зенитные орудия располагались лишь на окраинах, то теперь их установили на крышах зданий Дома правительства, театра оперы и балета, возле Дома Красной Армии, в Грушевском посёлке и возле станкостроительного завода имени К. Е. Ворошилова[4].

---

[1] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 656. Л. 211.
[2] Там же. Ф. 1405. Оп. 1. Д. 117. Л. 32б.
[3] Там же. Д. 89. Л. 230—233.
[4] Там же.

6 ноября 1943 г. местная комендатура Вермахта в Минске издала приказ о блокировании города. На окраинах появились специальные щиты с информацией о том, что с 15 ноября вход и выход из Минска будет резко ограничен и разрешён только по восьми улицам и дорогам после тщательной проверки специальными постами охраны. Им было дано право проверять как местных жителей, так и немцев, независимо от чина и занимаемого положения. Все дороги между контрольными пунктами были закрыты и частично заминированы[1]. По сообщению связных и разведчиков партизанского отряда «За Отечество» бригады «Штурмовая» от 13 ноября 1943 г., немцы заминировали также почти все улицы в центре Минска: Советскую, Энгельса, Маркса, Ленина, Свердлова и другие. Мины были заложены в основном в землю под домами. Вдоль тротуаров были выкопаны канавы до полуметра глубиной, куда также закладывались мины и электропроводка с тем расчётом, чтобы взорвать все кварталы одновременно. Далее в разведсообщении указывалось: «Всех огневых точек в гор. Минске, главным образом дзотов, бесчисленное количество, они находятся главным образом по углам домов, где помещаются воинские части, военные учреждения, а также на перекрёстках улиц, главным образом в центре, около предприятий и учреждений...»[2]

Несколько успокоилась немецкая колония в Минске в связи со стабилизацией линии фронта в феврале 1944 г. и наступившей затем оперативной паузой. Вместе с тем 8 марта 1944 г. А. Гитлер приказом № 11 присвоил статус «укреплённых районов» 12 городам, находившимся на участке группы армий «Центр»: Минску, Борисову, Слуцку, Могилёву, Бобруйску, Витебску, Орше, Бресту, Барановичам, Пинску, Лунинцу и Вильнюсу, что означало, в частности, возведение вокруг них особо мощных круговых оборонительных сооружений[3].

Согласно приказу командующего группой армий «Центр», изданному в апреле 1944 г., в ходе строительства

[1] НАРБ. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 976. Л. 195—196.

[2] Там же. Ф. 1405. Оп. 1. Д. 89. Л. 230—233.

[3] Gerlach Christian. Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrußland 1941 bis 1944. Hamburg 1999. S. 1100.

каждого укрепрайона создавались три рубежа обороны — центральный, окраинный и внешний. Очищалось поле обстрела, для чего был произведён снос многих зданий. Затем началось возведение противотанковых заграждений на улицах и дорогах, подготовка к взрыву мостов, создание бетонированных наблюдательных пунктов, убежищ для раненых, для хранения боеприпасов, горючего и продовольствия. Готовились командные пункты, налаживались линии связи, отдельные дома и группы домов превращались в опорные пункты и т. д. Объём работ был таков, что к нему привлекли не только местное население, но и до 3 % личного состава воинских частей.

7 апреля 1944 г. коменданты всех городов-укреп-районов, вызванные в Минск, подписали в штабе группы армий «Центр» обязательство удерживать их до последнего солдата даже при полном окружении[1]. Приказ оставить их мог отдать только фюрер по ходатайству командования группы армий.

Окопные работы начались как в черте Минска, так и в его окрестностях. Для обшивки внутренних стен окопов из района Острошицкого Городка подвозились плетеные из прутьев фашины, а также брёвна и хворост из леса. Все окопы оборудовались пулемётными гнёздами. Кроме того, с восточной стороны города, от угла улиц Провиантской (Захарова) и Первомайской, далее по улице Чапаева, затем вдоль Слепянского ручья, на расстоянии 100 метров одна от другой были вырыты ямы шириной 3 м, длиной 4 м, глубиной 2 м под бункеры полевого типа на несколько амбразур с командой 10—15 человек. В случае, если фронт придет в движение, большинство участков перед окопами предполагалось заминировать. На строительство оборонительных укреплений, продолжавшееся и в 1944 г., немцы мобилизовали 8 тыс. минчан[2]. Они вменили в обязанность отработать «на окопах» по три дня даже сотрудникам немецких гражданских учреждений[3].

---

[1] ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11309. Д. 211. Л. 276—280. Опубликовано: Лемяшонак У. І. Вызваленне — без грыфа «Сакрэтна!» Мінск, 1996 С. 58—59.

[2] Lenhard Hartmut. Lebensraum im Osten. Deutsche in Belorußland 1941—1944. Düsseldorf, 1991. S. 151.

[3] НАРБ. Ф. 1405. Оп. 1. Д. 74. Л. 166.

Помимо мероприятий оборонительного характера осенью 1943 г. оккупанты предприняли также меры на случай эвакуации с территории Беларуси. В их основе лежал специальный приказ А. Гитлера от 14 февраля 1943 г., изданный после поражения под Сталинградом. Приказ гласил, что при плановой, крупной эвакуации, дабы не оставить врагу ничего ценного, следует уничтожать как отдельные объекты, так и населённые пункты в целом, а всё гражданское население, если возможно, уводить с собой для последующего использования в качестве рабочей силы. Согласно этому приказу, так называемый Штаб экономического руководства «Восток» во главе с рейхсмаршалом Г. Герингом разработал концепцию эвакуации с оккупированных восточных территорий. Она предусматривала несколько этапов: рассредоточение (вывоз всех бесполезных в ходе ведения военных действий лиц и грузов, а также всех транспортабельных материальных ценностей — машин, сырья, готовой продукции, зерна, скота и прочего); парализацию (обеспечение сохранности основных частей крупнейших предприятий и сооружений на таком уровне, чтобы помешать противнику быстро ввести их в строй и в то же время оперативно восстановить в случае возвращения на ранее оставленную территорию); полное разрушение объектов при окончательном уходе из оккупированных районов.

Поскольку аэрофотосъёмка показывала, что на освобождённой Красной Армией территории многие предприятия были восстановлены довольно быстро, штаб «Восток» позднее создал более радикальный план эвакуации, в соответствии с которым этап парализации практически не применялся и все объекты должны были уничтожаться полностью. Проведение эвакуационных мероприятий было возложено на специальные команды Вермахта.

В рамках эвакуационных мероприятий немцы начали селекцию населения Беларуси, которая в первой половине 1944 г. приняла тотальный характер. Первоначальный замысел увести с собой всё гражданское население оказался нереальным в связи с невозможностью жизнеобеспечения огромной массы людей. На состоявшемся в де-

кабре 1943 г. совещании представителей Главного командования Сухопутных сил, хозяйственного управления группы армий «Центр», экономического штаба «Восток» и других структур заместитель руководителя хозяйственной службы группы армий «Центр» Линти заявил, что следует идти принципиально новым путём — угонять с собой не всё население, а лишь работоспособные семьи. К «полезной» в военном и рабочем отношении части населения Беларуси были отнесены мужчины от 14 до 55 лет и женщины от 14 до 50. Мужчины призывного возраста рекрутировались в боевые формирования и вспомогательные службы воинских частей. Из остального работоспособного населения формировали рабочие команды, которые должны были двигаться вместе с немецкой армией как рабочая сила. «Бесполезные едоки», «осадок», как называли немцы неработоспособное население, прежде всего женщин, стариков и детей, были оставлены на выживание в 20-километровой прифронтовой зоне или депортированы в лагеря уничтожения [1].

29 марта 1944 г. командование группы армий «Центр» издало приказ о принудительной эвакуации населения Беларуси в случае отступления немецких войск с занимаемой территории. Большинство гражданского трудоспособного населения из прифронтовых районов, помимо призванного в боевые формирования и вспомогательные службы Вермахта, а также в рабочие колонны, должно было целиком отступать с немецкой армией.

Количество жителей Беларуси, «эвакуированных» немцами до июня 1944 г., т. е. до начала Белорусской операции Красной Армии, точно неизвестно. Предположительный минимум составляет 200 тыс. человек. Дальнейшие планы врага в этом направления были сорваны благодаря быстрому темпу наступления советских войск, начавшемуся 23 июня 1944 г., — в оперативной зоне «Центр» было перехвачено примерно 50 тыс. человек[2]. По данным группы труда хозяйственного управления группы армий

---

[1] Gerlach Christian. Kalkulierte Morde... S. 499.

[2] Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 / А. А. Коваленя [и др.]. Минск, 2005. С. 188.

«Центр», немцы успели увести с собой с 23 июня вплоть до освобождения Бреста 28 июля 1944 г. «всего только» около 121 тыс. человек, причём абсолютное большинство — 95 900 человек составляли добровольно бежавшие с ними вооружённые коллаборационисты и их семьи. Это были бойцы так называемой Русской освободительной армии, казачьих и кавказских батальонов, оказавшиеся на территории Беларуси в конце лета 1943 г. после отступления из освобождённых районов России, а также местной полиции, Белорусской краёвой обороны и прочие. Около 10 тыс. составляли так называемые «хиви» (от нем. *Hilfswilligen* — «добровольные помощники», гражданское трудоспособное население, использовавшееся Вермахтом в боевых формированиях и вспомогательных службах в основном для охраны объектов), члены рабочих команд и военнопленные[1].

В последние месяцы оккупации участились карательные акции против партизан, подпольщиков и населения, которое их поддерживало, причём одной из целей было выявление и захват трудоспособного населения с последующим принудительным вывозом на работу в Германию. Руководитель одной из подпольных групп Минска К. Л. Нехай сообщил в штаб партизанского отряда им. Г. К. Жукова бригады «Штурмовая» 20 сентября 1943 г.: «В городе на сегодняшний день находится уйма войск, особенно авиации и зенитной артиллерии... Кроме этого, прибыли 3 отряда войск СС, примерно человек по 800... СД производит “чистку” города, ночью забирая семьи “ненадёжных” белорусов...»[2] Немцы окружали целые кварталы и гнали людей на пересыльный пункт, находившийся на улице Провиантской или в лагерь на Широкой (находилась тогда в районе нынешней улицы Куйбышева), а оттуда — на Товарную станцию для отправки в Германию. По показаниям свидетелей, с декабря 1943 г. по июнь 1944 г. непосредственно из Минска было угнано около 7—8 тыс. человек, а за весь период оккупации — от 30 до 40 тыс. человек[3].

[1] Gerlach Christian. Kalkulierte Morde... S. 501.
[2] НАРБ. Ф. 1405. Оп. 1. Д. 16. Л. 18.
[3] Там же. Ф. 845. Оп. 1. Д. 11. Л. 29—30, 43—44.

Были разработаны и скрытые формы уничтожения генофонда белорусского народа, касавшиеся молодёжи. Они сочетали насильственные методы и пропагандистские уловки. Так, на участке группы армий «Центр» предполагалось захватить 40—50 тыс. белорусских подростков в возрасте 10—14 лет и вывезти их в Германию, где после двухлетнего обучения они должны были приступить к работе на предприятиях и фактически превратиться в дешёвую рабочую силу. Однако это преподносилось как «забота» о детях, оставшихся без родителей. Проводились и другие акции. 20 апреля 1944 г. представителей белорусской молодёжи собрали в Минске на митинг, посвящённый дню рождения А. Гитлера. Юношей от 15 до 18 лет призвали «присоединиться к вооружённой борьбе Германии», обещая соответствующие материальные блага им и их семьям. Для начала молодые люди должны были пройти подготовку в лагерях Гитлерюгенда в Рейхе, после чего могли вступить в национальные формирования СС, полиции или служить во вспомогательном составе Люфтваффе. 14 июня 1944 г. газета «Minsker Zeitung» сообщила, что на днях из Минска в Германию отбыл уже третий транспорт с 700 молодыми белорусами, которых ждут иностранный легион СС или Люфтваффе[1].

ЦК КП(б)Б, подпольные партийные и комсомольские органы, командование партизанских формирований делали всё возможное, чтобы предотвратить последние преступления оккупантов на белорусской земле. 21 сентября 1943 г. ЦК КП(б)Б направил подпольным партийным органам и партизанским формированиям директивное письмо «О задачах подпольных партийных организаций и партизанских отрядов Белоруссии по спасению населения от уничтожения и вывоза в рабство при отступлении немецких войск», в котором потребовал: «Всеми силами и средствами сохранить мирное население от уничтожения и вывоза в немецкое рабство. Помогать народу вооружиться, призвать население при появлении немцев прятать имущество, идти в леса и вести с собой скот. Места сбора населения, которое прячется от врага, обеспечить

[1] Minsker Zeitung. 1944. 14 Juni.

вооружённой охраной, а в случае нападения немцев с целью уничтожения населения, которое от них спасается, организовать вооружённую защиту всеми силами и средствами»[1]. Такие же задачи были поставлены и в специальном Обращении СНК БССР, Президиума Верховного Совета БССР и ЦК КП(б)Б к белорусскому народу от 23 сентября 1943 г.[2] На основании этих документов Минский подпольный горком партии принял 26 октября 1943 г. постановление, в котором наметил, в частности, организовать на всех предприятиях и в учреждениях Минска группы из числа работавших там подпольщиков для наблюдения за минированием объектов и передачи соответствующих сведений партизанам[3]. При активном участии партизанских связных минские подпольщики создали с конца октября 1943 г. до начала января 1944 г. 79 групп численностью 3—5 человек каждая для наблюдения за минированием немцами предприятий и учреждений Минска[4]. В июне 1944 г. по Минску была распространена листовка Минского подпольного горкома партии с обращением к жителям города со следующим призывом: «Усімі сіламі і ўсімі сродкамі захоўвайце ўцалеўшыя будынкі і прадпрыемствы ад разбурэння гітлераўскімі варварамі. Знішчайце каманды фашысцкіх падпальшчыкаў і мінёраў. Сачыце за мініраваннем і паведамляйце аб гэтым нашым байцам...»[5]

Партизанские связные и минские подпольщики получили также задание распространять среди населения специальные листовки и газету «Минский большевик», решение об издании которой было принято подпольным горкомом партии 23 ноября 1943 г.[6], с информацией о боевых действиях Красной Армии по освобождению Белару-

[1] Цит. по: Гісторыя Беларускай ССР: у 5 т. / рэд. кал.: І. С. Краўчанка (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск, 1975. Т. 4. С. 389.

[2] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 1246. Л. 127—130.

[3] Там же. Ф. 1346. Оп. 2. Д. 3. Л. 6.

[4] Там же. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 659. Л. 12—19, 23.

[5] Цит. по: В непокорённом Минске. Документы и материалы о подпольной борьбе советских патриотов в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 — июль 1944) / сост.: Л. В. Аржаева, П. П. Липило. Минск, 1987. С. 186.

[6] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 1251. Л. 141.

си и рекомендациями заранее, ещё до отступления немцев из Минска, прятать своё имущество и уходить в леса под защиту партизан. Это было своевременно, поскольку в ноябре 1943 г. немцы организовали перепись населения города для подготовки к возможной эвакуации, хотя о цели переписи жителям сообщать было запрещено. По сведениям, поступавшим в партизанские формирования от связных, одновременно немцы начали вывозить оборудование некоторых предприятий, причём вместе с рабочими. Тех, кто отказывался уезжать, бросали за колючую проволоку[1].

Минский подпольный горком партии установил тесные контакты с подпольными партийными комитетами близлежащих к Минску районов — Минского сельского, Руденского, Гресского, Копыльского, Смолевичского, Червеньского и других, которые совместно с командованием местных партизанских формирований взялись за оказание помощи минчанам в уходе из города, расквартировании, организации питания и охраны[2]. По воспоминаниям секретаря Минского подпольного горкома партии С. К. Лещени, с конца 1943 г. в расположение партизан ежедневно прибывали десятки семей не только из Минска, но и районных центров Минской области. В апреле 1944 г., после приказа командования группы армий «Центр» о принудительной эвакуации, этот поток стал массовым. К примеру, только в апреле — мае 1944 г. в партизанскую зону южнее Минска удалось вывести, по неполным данным, более 10 тыс. семей[3].

Стремительное наступление Красной Армии в июне 1944 г. превратило предусмотренное немцами планомерное отступление в паническое бегство. В Федеральном военном архиве Германии хранится доклад последнего городского комиссара Минска И.-Э. Беккера от 27 июля 1944 г., адресованный последнему генеральному комиссару Беларуси К. фон Готтбергу. В это время И. Беккер, бежавший из Минска 1 июля, находился уже в Германии, а К. Готтберг — вблизи польского города Катовице. В до-

[1] НАРБ. Ф. 1405. Оп. 1. Д. 89. Л. 230—233.
[2] Там же. Ф. 1346. Оп. 1. Д. 3. Л. 10—11.
[3] Там же. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 16. Л. 49.

кладе подробно описана «кризисная», по определению И. Беккера, неделя в Минске 27 июня — 1 июля 1944 г., т. е. последние дни «восточных первопроходцев» на минской земле. По невероятной прихоти истории эти дни в зеркальном отражении воспроизвели ситуацию июня 1941 г., с той лишь разницей, что поменялись местами её действующие лица.

По свидетельству И. Беккера, относительная стабильность советско-германского фронта в Беларуси, на участке группы армий «Центр», установившаяся в начале 1944 г., несколько успокоила местную немецкую колонию. Накануне наступления Красной Армии в июне 1944 г. среди офицеров немецких военных служб, располагавшихся в Минске, ещё преобладала уверенность в этой стабильности. Все они сходились во мнении, что летом 1944 г. Красная Армия нанесёт основной удар в районе Ковеля на Украине, а участок группы армий «Центр» в Беларуси не только не подвергнется нападению, но станет трамплином для нового немецкого наступления на Москву, а оттуда, возможно, и на Урал. Подобные мысли широко распространились и среди 3 тыс. гражданских немцев, находившихся в то время в Минске. Следует отметить, что заблуждение относительно реальной обстановки на фронте уходило корнями в германский Генеральный штаб во главе с фельдмаршалом В. Кейтелем, который был уверен, что летом 1944 г. Красная Армия нанесёт удар на юго-западе, между Припятью и Чёрным морем, т. е. на участке группы армий «Северная Украина». На участке же группы армий «Центр» допускались разве что отдельные наступательные бои с целью сковать её силы. О том, что противник был всецело уверен в стабильности фронта в Беларуси летом 1944 г., свидетельствует, в частности, факт пребывания командующего группой армий «Центр» генерал-фельдмаршала Э. фон Буша в отпуске в Германии в момент начала наступления Красной Армии[1]. В этой дезориентации, безусловно, сыграла свою роль обстановка строжайшей секретности, в которой советское командование проводило

[1] Хаупт В. Указ. соч. С. 310.

подготовку к Белорусской операции. Заблуждение немцев сохранялось даже после 10—14 июня 1944 г., когда командование группы армий «Центр» в Минске начало получать тревожные рапорты командиров некоторых дивизий о сосредоточении крупных советских сил на освобождённой части территории Беларуси.

Определённые сомнения у оккупантов, пребывавших в Минске, появились после объявления его укреплённым районом, однако потом они решили, что раз укреплёнными районами объявлены также другие города, то это сделано в интересах подготовки будущего наступления на Москву. О возможности эвакуации из Минска никто даже не думал. Однако местные коллаборационисты, мыслившие более реально, сразу почуяли опасность и забросали своих немецких хозяев тревожными вопросами. Чтобы развеять слухи, которые могли спровоцировать «эвакуационный психоз», городской комиссариат организовал целый ряд мероприятий, имевших целью продемонстрировать минчанам стабильность немецкой власти. Были проведены, в частности, городские конкурсы на лучший сад, лучший собственный дом, открыта музыкальная школа, началось строительство новой трамвайной линии. В третью годовщину начала войны — 22 июня 1944 г. — немцы организовали большую культурную акцию для горожан, посвящённую «празднику освобождения от большевизма». Примечательно, что в этот день в полосах дивизий первого эшелона четырёх советских фронтов, приготовившихся к решительной атаке, была произведена разведка боем. Невероятно, но факт — германское командование приняло её лишь за неудачную попытку наступления. Однако 23 июня, ещё до того, как немцы успели опомниться, бои уже развернулись в полосе их 4-й армии, занимавшей центральный участок фронта от Орши до Могилёва, а 24 июня — в полосе 9-й армии между Могилёвом и Бобруйском.

Неудивительно, что события 23 июня 1944 г. вызвали у немцев и их пособников в Минске настоящий шок. Уже в этот день сбежали со своих рабочих мест сотрудники минской городской управы, которые ведали отоварива-

нием карточек для населения. Вскоре полностью прекратились поставки на городские базы хлеба и картофеля, после чего минчане, и так голодавшие, практически перешли на полное самообеспечение.

27 июня Э. фон Буш прибыл в ставку фюрера с просьбой разрешить отвод группы армий «Центр» за Днепр и оставить «города-крепости» Оршу, Могилёв и Бобруйск, не зная ещё, что в этот день Орша уже была освобождена советскими войсками. В тот же день командование 4-й армии, не дожидаясь решения Э. фон Буша и ставки, отдало войскам приказ об общем отступлении на Борисов и далее на рубежи Березины. Что касается 9-й армии, 27 июня она фактически завершила свою историю, оказавшись в «котле» между Днепром и Бобруйском. В тот же день была объявлена немецкая эвакуация из Минска, продолжавшаяся до 1 июля. Несколькими месяцами ранее уже были подготовлены необходимые документы: ориентировочный каталог минских предприятий, содержавший справки о местонахождении предприятия, его характере, виде выпускаемой продукции, наличии сырьевых запасов и готовой продукции, календарь эвакуации, план разрушения городских объектов, а также заявки на железнодорожные вагоны; проведены совещания городского комиссара с руководителями предприятий.

27 июня, когда началась эвакуация и дни оккупационного режима в Минске были уже сочтены, в здании городского театра состоялся так называемый 1-й Белорусский конгресс, на котором президент марионеточной Белорусской Центральной Рады (БЦР) Р. Островский заявил о необходимости объединения сил в борьбе с большевизмом. Однако по окончании конгресса он получил уведомление немецких властей, что местом эвакуации БЦР является Кёнигсберг (в настоящее время Калининград).

Основная тяжесть эвакуационных мероприятий легла на минскую дирекцию Имперских железных дорог. Она обеспечивала движение поездов дальнего следования вплоть до 1 июля, отправила 45 железнодорожных составов[1], после чего пути были кое-где взорваны специаль-

[1] Хаупт В. Указ. соч. С. 335.

ной подрывной командой. Но полностью выполнить разработанный заранее план вывоза из Минска материальных ценностей немцы не успели: советские войска наступали чрезвычайно быстро. Кроме того, оккупантам не хватило железнодорожных вагонов, поэтому они не смогли вывезти даже дорогостоящее, некогда специально привезённое из Германии оборудование завода «Верлин» компании «Даймлер-Бенц», который немцы считали крупнейшим хозяйственным предприятием Остланда. Этот завод по ремонту автотранспорта был оборудован в бывших танковых казармах на восточной окраине Минска.

Первым Минск покинул 28 июня транспорт с немецкими женщинами. В этот день была остановлена обычная работа всех предприятий и учреждений и началось уничтожение документов центральных гражданских служб. По приказу городского комиссара их работа должна была поддерживаться только в том объёме, который был необходим для проведения эвакуационных мероприятий. В этот же день на улицах Минска появились отступавшие в направлении Барановичей остатки разгромленной в Бобруйском «котле» 9-й армии, причём многие солдаты были без оружия и сапог.

Начиная с 28 июня, несмотря на неоднократные выступления представителей оккупационных властей по проводной радиосети с попыткой успокоить местное население, с каждым днём всё меньше минчан приступало к работе на предприятиях. 28 июня вышел последний номер газеты «Minsker Zeitung», которая напоследок попыталась разрядить напряжение следующими строками: «На центральном отрезке Восточного фронта наши храбрые войска находятся в активной обороне против мощных атак Советов в районе Бобруйска, Могилёва и Орши»[1]. На самом деле Орша была освобождена советскими войсками накануне, 27-го, а 28-го они взяли Могилёв и ещё 7 районных центров, в том числе крупный железнодорожный узел Осиповичи, открыв себе тем самым прямую дорогу на Минск.

---

[1] Minsker Zeitung. 1944. 28 Juni. Перевод с нем. И. Ю. Воронковой.

В этот же день, 28 июня, бесславно завершилась военная карьера командующего группой армий «Центр» генерал-фельдмаршала Э. фон Буша. В связи с катастрофическим для немцев развитием событий в Беларуси он был снят с поста прямо в ставке фюрера, куда прибыл накануне с докладом об обстановке, отправлен в резерв и через год, в июле 1945 г., умер в английском плену. На его место был назначен генерал-фельдмаршал В. Модель, срочно переброшенный в Беларусь из Украины, где он занимал должность командующего группой армий «Северная Украина» (в апреле 1945 г. застрелился после разгрома своих войск на территории Германии). Вечером 28 июня В. Модель прибыл самолётом в управление группы армий «Центр», переведённое к тому времени в Лиду, и на вопрос окружающих: «Что вы с собой привезли?», самоуверенно ответил: «Себя!»[1] В. Модель действительно был известен как мастер боевых действий в период отступления и приверженец особо жестоких методов, например тактики «выжженной земли», однако и он не спас положение. Под Минском продолжала назревать катастрофа 4-й армии, лишившейся поддержки разгромленной 9-й. Эту брешь между Минском и Слуцком прикрывали лишь полицейские части генерального комиссара Беларуси группенфюрера СС К. фон Готтберга.

В ночь с 28 на 29 июня из Минска выехали сотрудники Генерального комиссариата и большинства других гражданских служб. 29 июня по приказу В. Моделя все минские предприятия, в первую очередь жизнеобеспечивающие, такие как электростанции, хлебозаводы и скотобойни, были переданы от немецких гражданских властей специальным военным командам во главе с военным хозяйственным руководителем подполковником Гравенхорстом. Они должны были осуществлять дальнейшие эвакуационные мероприятия в тесном контакте с подрывными командами майора Хенеля.

Одновременно городской комиссар И. Беккер получил приказ В. Моделя о принудительной эвакуации минчан по следующему плану: мужчин в возрасте от 14 до

[1] Хаупт В. Указ. соч. С. 330.

55 лет нужно было собрать на Товарной станции и затем вывезти товарными вагонами в направлении Барановичей. Остальное население города должно было следовать в том же направлении пешим порядком через Раков и Ивенец. Таким способом предполагалось насильно эвакуировать 110 тыс. человек, т. е. практически всё население Минска. И. Беккер, более или менее знакомый с реальной обстановкой, знал, что заданное в приказе направление ведёт прямо в центр партизанской зоны, а это гарантирует полный провал предприятия. После всестороннего обсуждения вопроса В. Модель вынужден был отменить свой приказ.

В то же время немцы проявили заботу о белорусских коллаборационистах, которые в течение трёх лет верой и правдой служили им, а теперь сидели на чемоданах, ожидая решения своей судьбы. В комендатуре минского укреплённого района для них было заготовлено 5 тыс. так называемых охранных листов, к которым прилагались удостоверения на право проезда по железной дороге. Те, кто воспользовался этими бумагами, попали сначала в Польшу, оттуда — в Германию, многие оказались в Чехии.

Напоследок оккупанты по-своему «позаботились» также о 6,5 тыс. последних узников тюрьмы, расположенной на улице Володарского, и концлагеря по улице Широкой. 30 июня они были вывезены на место массового уничтожения людей возле деревни Малый Тростенец в 11 километрах от Минска, расстреляны, а затем сожжены. Среди минчан, погибших здесь в последние дни перед освобождением, были доцент Белорусского государственного университета профессор Е. М. Зубкович, учитель П. Л. Щелкановцев, рабочий И. А. Мазаник, целые семьи — А. А. Манцевода и её дочь О. Ф. Дерибо, М. Г. Вальковский и его жена М. И. Вальковская и многие другие.

Среди последних преступлений оккупантов в Минске было уничтожение больных людей. Главврач 3-й (инфекционной) больницы С. Л. Иванов свидетельствовал, что 29 июня 1944 г. его доставили в кабинет городского комиссара И. Беккера, где спросили, какие ядовитые веще-

ства ему известны и какова их смертельная доза, объяснив, что не следует оставлять в живых беспомощных больных. У С. Л. Иванова затребовали сводку по больным, из которой немцы вычеркнули больных скарлатиной, корью и дифтерией, оставив больных сыпным и брюшным тифом, туберкулёзом и психическими заболеваниями. Затем поехали на фармзавод, где забрали коробки и банки с азотнокислым стрихнином и сернокислым атропином. По прибытии в больницу смертельные уколы были сделаны 29 больным брюшным и сыпным тифом, туберкулёзом и психическими заболеваниями. Из них умерло три человека, у остальных была сильная степень отравления[1].

Об этом факте сообщили также другие сотрудники 3-й больницы: врач психоневрологического отделения О. И. Ольшевская, терапевт М. С. Русецкая, медсестра туберкулёзного отделения А. Г. Кутас, медсестра детского отделения М. И. Пашкевич, бывшая переводчица больницы Н. В. Писаренко. Причём М. С. Русецкая и Н. В. Писаренко утверждали, что были отравлены 35 человек. Немцы делали инъекции сами, но также заставляли это делать медсестёр. После инъекций у больных наблюдалось расширение зрачков, судороги, они засыпали. Упомянутые выше свидетели сообщили, что в детском отделении ограничились только уколами для четырёх или пяти тяжелобольных подростков, находившихся вместе со взрослыми.

Однако показания других свидетелей подтверждают, что инъекции делали также слабым и тяжелобольным детям, причём больным не только инфекционными болезнями и не только 29 июня, но и в другие дни. Так, минчанка А. М. Черненкова, арестованная СД 14 мая 1944 г., выйдя из тюрьмы, узнала, что её дочери Алла шести лет и Рита трёх лет были отправлены на сортировочный пункт для детей арестованных и там заболели, Алла — корью, Рита — воспалением лёгких, после чего попали в 3-ю больницу. Знакомая посоветовала матери забрать детей из этой больницы, поскольку узнали, что там делают

[1] НАРБ. Ф. 845. Оп. 1. Д. 63. Л. 21—24.

неизвестные уколы слабым и тяжелобольным детям, после чего те умирают. Женщина так и сделала, но по дороге домой Рита умерла в судорогах. Алла рассказала, что сестре делала уколы какая-то женщина, сначала два раза, а 29 июня ещё раз, после чего девочка упала с кровати. Об этом случае вспоминала в своих показаниях и медсестра детского отделения М. И. Пашкевич, которой пришлось отдавать матери находившуюся в тяжёлом состоянии Риту. Медсестра показала, что инъекции делали детям, больным дифтерией, воспалением лёгких, что стало с ними позже, она не знала[1].

До 30 июня город покинули все немецкие гражданские структуры. Остававшиеся ещё в Минске солдаты базировавшихся здесь частей, служб и штабов Вермахта начали грабить брошенные немецкие магазины, склады предприятий и опустевшие квартиры эвакуировавшихся гражданских немцев. Главной целью грабежей квартир была гражданская одежда, чтобы в случае необходимости скрыть свою принадлежность к военнослужащим. Дело дошло до того, что солдаты-грабители ворвались в квартиру И. Беккера, который, отправив накануне своих сотрудников автомашинами в направлении Молодечно, готовился к отъезду. Посоветовав И. Беккеру поскорей убираться из города, они опустошили его платяной шкаф, особо заинтересовались «русским костюмом на вате»[2].

1 июля начали своё чёрное дело подрывные команды. Взрывы раздавались во всех районах Минска. Оккупантам удалось взорвать генератор к одной из турбин ГЭС-1, всё оборудование ГЭС-2, телеграф, АТС, городской радиоузел и радиостанцию в Колодищах, центральный почтамт, станкостроительный завод им. С. М. Кирова, вагоноремонтный завод им. А. Ф. Мясникова, паровозное депо, стеклозавод «Пролетарий», обувную фабрику им. Л. М. Кагановича, швейные фабрики «Октябрь» и «8 Марта» и др. Были сожжены хлебозавод № 1, металлозавод им. В. П. Чкалова, два кирпичных завода, кондитерская фабрика «Коммунарка», бисквитная фабрика, щёточно-галантерейная

---

[1] НАРБ. Ф. 845. Оп. 1. Д. 63. Л. 18—20, 33, 36, 41—42.
[2] Lenhard Hartmut. Lebensraum im Osten... S. 150—154.

им. М. В. Фрунзе, значительная часть радиозавода им. В. М. Молотова, весового завода «Ударник», завода молочных кислот и др.[1]

Подпольщики и командование партизанских формирований не имели реальной возможности противодействовать этому. В их силах было лишь передавать наступавшим советским войскам данные о минировании зданий. По свидетельству С. К. Лещени, сведения о том, что немцы установили мины замедленного действия в Доме правительства, на заводе им. К. Е. Ворошилова, в театре оперы и балета и в других зданиях, первым передал в горком через связную С. К. Белову начальник продовольственного отдела минского областного комиссариата немецкий полковник, но русский по происхождению, которого подпольщики называли Андреем. Последний раз этого человека видели в Минске 25 июня. Дальнейшая его судьба неизвестна[2].

Советские войска делали всё возможное, чтобы быстрее прийти на помощь городу. Вот что писал в своей книге «Воспоминания и размышления» Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, который в ходе Белорусской операции координировал действия 1-го и 2-го Белорусских фронтов: «По данным белорусских партизан, действовавших в районе Минска, нам стало известно, что сохранившиеся в Минске Дом правительства, здание ЦК партии Белоруссии и окружной Дом офицеров спешно минируются и готовятся к взрыву. Чтобы спасти эти крупные здания, было решено ускорить движение в Минск танковых частей и послать вместе с ними отряды разминирования... Задача была блестяще выполнена. Здания были разминированы и сохранены»[3].

Однако оккупанты всё-таки успели в последние дни причинить Минску значительный ущерб. По данным Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков от 19 сентября 1944 г., в белорусской столице

---

[1] НАРБ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 1713. Л. 8—12.

[2] Лещеня С. К. С паролем горкома (Записки секретаря Минского подпольного горкома партии). Минск, 1981. С. 215.

[3] Жуков Г. К. Указ. соч. С. 539—540.

были взорваны и сожжены 23 предприятия, выведены из строя водопровод, канализация, телефонно-телеграфная сеть. При этом потери могли быть гораздо большими, если бы не стремительный темп наступления на Минск советских войск. Немецкие подрывные команды впопыхах действовали хаотично и, как уже упоминалось выше, просто не успели в полном объёме завершить начатое. Вместе с последними солдатами и офицерами расквартированных в Минске военных служб они выбрались из города вечером 1 июля, увозя с собой 8 тыс. раненых из минских лазаретов.

В это время разрозненные подразделения 4-й немецкой армии предпринимали отчаянные попытки удержать Минск. 2 июля в город вошли автоколонны с войсками, ожидалась помощь частей, отходивших с востока и резервов с запада. Утром 3 июля эти войска должны были занять оборону на восточной окраине Минска. Получив соответствующие разведданные, советское командование предприняло решительные контрмеры. Ещё до рассвета 3 июля в Минск ворвались советские танки. Враг цеплялся за каждую улицу, однако безуспешно. К исходу дня белорусская столица была освобождена полностью.

Сразу же началось разминирование города, без чего была невозможна его дальнейшая жизнедеятельность. История сохранила имена некоторых советских сапёров, участвовавших в этой героической работе. Одним из них был капитан А. Кузнецов — командир взвода 3-й роты 877-го отдельного сапёрного батальона 36-го стрелкового корпуса 31-й армии 3-го Белорусского фронта. В Белорусском государственном музее истории Великой Отечественной войны среди наград этого боевого офицера хранится орден Отечественной войны I степени, полученный за разминирование Дома правительства 3 июля 1944 г. По воспоминаниям А. Кузнецова, это задание он получил 3 июля в 3 часа утра. Проводник-минчанин вывел отделение сапёров на окраину Минска и подробно объяснил, как добраться до Дома правительства. Короткими перебежками бойцы достигли здания. Когда немного стихла стрельба, осторожно, не касаясь руками ру-

чек дверей, а дёргая их с помощью верёвки, чтобы не нарваться на мины-«сюрпризы», т. е. подрывные устройства, которые крепились тонкими незаметными проводками к ручкам дверей, створкам окон, печным заслонкам, сапёры вошли в вестибюль и начали обследовать здание. К полудню бойцы закончили свою трудную и опасную работу. В подвалах и вестибюле было обезврежено до 200 авиабомб весом по 250 кг каждая[1].

В этот же день, 3 июля, к разминированию приступила и инженерная бригада полковника Железных. Участвовали 1200 человек: три батальона бригады, рота специального разминирования, батальон разграждения Белорусского военного округа, имевший 10 собак-миноискателей. Только с 3 по 10 июля 1944 г. при обследовании лишь части территории Минска удалось обнаружить и обезвредить 384 авиабомбы по 100 кг каждая, 97 фугасных бомб, 49 противопехотных и 5 противотанковых мин, 69 мин-«сюрпризов», а также большое количество складированного взрывчатого и горючего материала, который оккупанты в спешке не успели использовать. Фугасные и зажигательные бомбы, взрывчатка, противопехотные и миномётные мины, артиллерийские снаряды, ампулы с горючей жидкостью, мины-«сюрпризы» были обнаружены в Доме печати, на станкостроительном заводе им. К. Е. Ворошилова, мясокомбинате, пивоваренном заводе «Беларусь», хлебозаводе «Автомат», ГЭС-2, в зданиях ЦК КП(б)Б, НКВД, Университетского городка, театра оперы и балета и на других объектах столицы. Взрывчатка, принадлежности для организации взрыва, зажигательные снаряды и боеприпасы нашли также в жилых кварталах города[2]. Работы по разминированию Минска продолжались и в последующем, в них участвовала также специальная команда Осоавиахима, созданная по решению Совнаркома БССР в конце июня 1944 г. в освобождённом Гомеле.

Обезвреженные бомбы и мины, а также один из немецких дотов экспонировались на выставке трофейного

[1] БГМИВОВ. Личное дело А. Кузнецова.
[2] НАРБ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 1715. Л. 3—6.

вооружения, открывшейся в ноябре 1944 г. перед зданием Дома Красной Армии.

К сожалению, с наступлением 3 июля испытания минчан не закончились. Тревожная обстановка, сложившаяся в городе после освобождения, подробно проанализирована в письме первого секретаря ЦК ЛКСМБ М. В. Зимянина и сотрудника ЦК КП(б)Б М. И. Сарычева от 6 июля 1944 г. Направленные на «разведку» в столицу из Гомеля, где пока ещё находился ЦК партии, они откровенно сообщили П. К. Пономаренко о ряде серьёзных негативных фактов: «Немцы уже две ночи подряд усиленно бомбят Минск. Зенитная защита в первую ночь перестала работать через полчаса, будучи к тому же слабой, сегодня ночью работала лучше — но всё же неважно. Столицу следовало бы защищать в несколько раз сильнее, сжимается сердце, когда так безнаказанно бомбят Минск. Народа сохранилось порядком — несколько десятков тысяч, но учёт ещё не наведён. Настроение у народа очень хорошее. Город слабо очищен от всякой сволочи — власовцев, полицейских и прочих, стреляют по ночам из-за угла, совершают поджоги, сигнализируют вражеской авиации. Чекистов мало, очень мало — даже для того, чтобы совершить облаву на засевшую в городе сволочь... ибо основная часть войск НКВД была брошена против группировки немцев, вошедшей в Минск с юго-востока и непосредственно угрожавшей Минску, ибо город ничем не был прикрыт. Немцы пробились до Лошицы, т. е. фактически до пригородов. Обстановка создалась очень напряжённая и разрядилась только сегодня ночью, когда прибыли и вступили в бой соединения Красной Армии и партизанские бригады Минской зоны. В Минск прибыла 3-я Минская бригада (комбриг т. Мысник) и часть Лунинской (имеется в виду бригада «Штурмовая». — *И. В.*). 3-я Минская ведёт бой с немцами. Она будет сейчас введена в город для охраны. Другие партизанские бригады ещё не прибыли в связи с тем, что вокруг Минска имеется масса разрозненных немецких групп, над ликвидацией которых они работают... Следует сказать, что то, что уцелело в Минске, так уцелело благо-

даря внезапности удара Красной Армии и окружения Минска. Немцы бросали город поспешно, в панике, даже не успевая сжигать служебные документы. Немцы, конечно, пытались взорвать и зажечь город, но осуществили это лишь частично. При занятии города частями Красной Армии и дальнейшем их продвижении порядок в городе ни ими, ни нашими органами наведён не был, что привело к растаскиванию складов с продовольствием, обмундированием, разворовыванию имущества, жилых домов и учреждений населением, а кое-где воинскими частями и нашей милицией. Приняты меры к наведению порядка, но наводится он всё же медленно...»[1]

Действительно, части Красной Армии, ворвавшиеся в город, продолжали преследовать отступавшего неприятеля. Но в тылу советских войск ещё оставались крупные немецкие группировки, к ликвидации которых были привлечены войска НКВД. Немцы пытались объединить эти разрозненные силы и вывести их на запад, нанося удары по коммуникациям, чтобы сорвать продвижение советских дивизионных и армейских тылов. Непосредственно в окрестностях Минска ещё действовало до 30 тыс. немецких солдат и офицеров, часть из которых имела тяжёлое вооружение. Поскольку здесь не было крупных советских войсковых соединений, а практически все стратегически важные объекты столицы оставались без прикрытия, противник планировал относительно легко ворваться в Минск с диверсионными целями. На рассвете 7 июля две группы немцев проникли в город, достигли театра оперы и балета, еврейского кладбища в районе улицы Коллекторной и аэродрома в Лошице и вступили в бой с немногочисленными подразделениями войск НКВД. В ходе боя группы были уничтожены и частично рассеяны. Но на ближайших к столице дорогах Минск — Могилёв, Минск — Слуцк, Минск — Дзержинск, Минск — Логойск отдельные группы противника всё ещё нападали на военные обозы, задерживая их продвижение.

В этой ситуации было принято решение направить на прикрытие Минска и охрану его важнейших объектов ряд

[1] НАРБ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 1713. Л. 4, 4об., 5, 5об., 6, 6об., 7.

партизанских формирований. Согласно соответствующему постановлению Бюро ЦК КП(б)Б, 5 июля 1944 г. Белорусский штаб партизанского движения отдал приказ двигаться к Минску формированиям Минской партизанской зоны: бригадам «Народные мстители» им. В. Т. Воронянского, «Штурмовая», им. Н. А. Щорса, «Разгром», 1-й, 2-й и 3-й Минским, им. Газеты «Правда», им. С. М. Кирова, «Пламя», «Красное знамя», «Буревестник», «Беларусь», 200-й им. К. К. Рокоссовского, им. К. Е. Ворошилова, им. В. И. Чапаева, отряду им. М. И. Калинина.

Одновременно 5 июля в Минск выехала оперативная группа БШПД во главе с заместителем начальника штаба И. П. Ганенко. Было решено взять под охрану партизан Дом правительства, здание ЦК КП(б)Б, авиазавод, склады трофейного имущества, Фабрику-кухню и пр., а также разгрузить город от военнопленных, которых здесь скопилось более 20 тыс., для чего сформировать команды конвоиров из числа партизан; параллельно готовиться к партизанскому параду и расформированию бригад.

Партизанские формирования прибывали в Минск с 7 по 15 июля. Первыми столицы достигли 7 июля 3-я Минская, «Штурмовая» и 8-я Рогачёвская бригады, 8 июля — «Народные мстители» им. В. Т. Воронянского, за ними остальные. Всего в Минск прибыли 31 бригада, 2 отряда, в том числе 19 бригад и 2 отряда Минской области, 9 бригад Барановичской области, 1 бригада Вилейской области общей численностью 22 тыс. человек. До 16 июля они провели более 15 крупных боевых операций, в ходе которых уничтожили 237 немецких солдат и офицеров и пленили более 2 тыс. Партизаны отконвоировали также более 17 тыс. военнопленных[1].

После освобождения Минск подвергся неоднократным бомбардировкам авиацией противника. Усиленные бомбовые удары враг нанёс 3 июля, в ночь с 4 на 5 и с 5 на 6 июля[2]. О том, что среди минчан были жертвы, и немалые, свидетельствует, в частности, надпись на одном из памятников минского Военного кладбища: «4 июля 1944 г.

[1] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 715. Л. 1—6.
[2] Там же. Ф. 7. Оп. 3. Д. 1713. Л. 5.

от прямого попадания немецкой авиабомбы на углу ул. Слесарной и Ивановской погибла семья Белькевичей

Анна — мать
Николай — сын
Владислав — сын
Галина — дочь
Геннадий — сын
Нона — дочь
Стефанида — тётя детей».

В ночь с 20 на 21 июля, с 1:15 до 2:30 около 120 немецких бомбардировщиков группами по 15—20 самолётов бомбили район железнодорожного узла, в результате чего было разрушено 140 м пути и пожаром выведено из строя около 1000 м железнодорожного полотна, сгорел 51 вагон с боеприпасами, дизельным топливом и другими грузами, разрушено и сгорело около 30 близлежащих домов, убито 15 и ранено 58 человек, в частях ПВО убито 3 и ранено 13 человек[1]. Налёт повторился с 1:45 до 2:50 в ночь с 22 на 23 июля. В бомбардировке участвовало до 120 самолётов. В результате задымления основных объектов, активности зенитной артиллерии и создания ложных очагов пожаров противник был дезориентирован и серьёзного ущерба в этот раз не нанёс: было разрушено лишь 3 дома, убито 4 человека, ранено 12[2].

Тревожное положение сохранялось и спустя несколько месяцев. Так, 4 сентября 1944 г. П. К. Пономаренко сообщил в Москву о двукратном поджоге Дома правительства и проникновении террористов в здание ЦК КП(б)Б[3]. Первый пожар возник 10 июля на хозяйственном дворе Дома правительства — сгорел склад с дровами, запасёнными ещё немцами, но угрозу самому зданию быстро удалось ликвидировать. 17 сентября серьёзный очаг возгорания был обнаружен в подвале Дома прави-

[1] ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 66. Л. 15—16. Опубликовано: Освобождённая Беларусь. Документы и материалы в двух книгах. Книга первая. Сентябрь 1943 — декабрь 1944. / сост.: В. И. Адамушко [и др.]. Минск, 2004. С. 127—128.

[2] Там же. Л. 17—18. Опубликовано: Освобождённая Беларусь... Книга первая. С. 129—130.

[3] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 29. Д. 27. Л. 168.

тельства. Совнарком БССР усмотрел в этих инцидентах «действие немецких агентов, пытающихся, пользуясь расхлябанностью наших учреждений, уничтожить лучшие основные здания города»[1]. (Заметим, несмотря на принятые меры, 1 ноября в Доме правительства вновь возник пожар, правда, на этот раз было установлено, что причиной послужил брошенный на пол окурок)[2]. В конце сентября на территории Минска были задержаны парашютисты-диверсанты, которых немцы готовили из числа советских подростков, в силу своего возраста вызывавших меньше подозрений[3]. Однако всё это были потуги обречённых. Минск выстоял и победил!

Сразу после освобождения началась работа по подсчёту ущерба, нанесённого столице и её жителям в период военных действий и оккупации. Уже 5 июля 1944 г. нарком внутренних дел СССР Л. П. Берия в спецсообщении И. В. Сталину, В. М. Молотову и Г. М. Маленкову о положении в городах и районах БССР, освобождённых от войск противника, доложил следующее: «В городе Минске разрушены: железнодорожный узел, здания всех научных и культурных учреждений, а также большая часть жилых домов. На день освобождения из крупнейших зданий города сохранились: Дом правительства, новое здание ЦК КП(б) Белоруссии, Дом Красной Армии и здание НКВД; 3 июля здание Дома Красной Армии взорвалось»[4]. (Речь идёт о взрыве необнаруженной сапёрами фугасной бомбы, вызвавшем сильный пожар, который удалось потушить, качая воду из Свислочи, лишь к середине следующего дня. — *И. В.*)

Более подробные сведения содержались в докладной записке Л. П. Берия, направленной тем же адресатам 11 июля: «В гор. Минске немцами сожжены следующие промышленные предприятия: станкостроительный завод

---

[1] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 29. Д. 27. Л. 168.

[2] Там же. Ф. 42. Оп. 6. Д. 2. Л. 51—51об., 71.

[3] Документы по истории Беларуси в «Особой папке» И. В. Сталина / сост.: С. В. Жумарь [и др.]. Минск, 2004. С. 25.

[4] ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 65. Л. 298—300. Опубликовано: Освобождённая Беларусь... Книга первая. С. 94; Документы по истории Беларуси в «Особой папке» И. В. Сталина... С. 13.

"Ударник" (правильно — весовой завод «Ударник». — *И. В.*), паровозоремонтный завод имени Мясникова (правильно — вагоноремонтный. — *И. В.*), автозавод имени Чкалова (правильно — металлический завод им. В. П. Чкалова), завод цепей Галя (то же, что упоминающийся выше металлозавод им. В. П. Чкалова, который выпускал цепи для комбайнов, так называемые «цепи Галля». — *И. В.*), механические мастерские "Красный металлист", станкостроительный завод имени Кагановича (правильно — им. С. М. Кирова. — *И. В.*), электрозавод (правильно — электроремонтный завод. — *И. В.*), молочный завод (завод молочных кислот. — *И. В.*), обувная фабрика имени Кагановича, швейные фабрики "Октябрь" и имени 8 марта, бисквитная фабрика "Коммунарка" (это были разные предприятия, правильно — бисквитная фабрика и кондитерская фабрика «Коммунарка». — *И. В.*), а также железнодорожное депо и трамвайный парк. Разрушены здания: Академии Наук, Дома Красной Армии, политехнического института, Дома специалистов, Госбанка, почты и телеграфа, кинотеатра "Красная Звезда" и ряд других. Всего разрушено более 65 % жилого фонда города.

Уцелели и могут быть пущены в эксплуатацию: радиозавод имени Молотова, кожевенный завод "Большевик", спиртзавод "Красная Заря" (правильно — дрожже-паточный завод «Красная Заря». — *И. В.*), пивоваренный завод, завод молочных кислот, кирпичные заводы №№ 2 и 3, кожевенно-галантерейная фабрика имени Куйбышева, щёточная фабрика, типография имени Сталина.

В результате налёта вражеской авиации разрушено несколько жилых строений, повреждены проездные пути центральных улиц.

В Минске насчитывается 103 000 человек населения»[1].

5 ноября 1944 г. секретарь Минского горкома КП(б)Б И. А. Бельский на страницах центральной советской газеты «Правда» сообщил, что в Минске разрушено более 80 % зданий[2]. Не случайно, когда в начале 1945 г. встал

[1] ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 65. Л. 316—318. Опубликовано: Освобождённая Беларусь... Книга первая. С. 115—116; Документы по истории Беларуси в «Особой папке» И. В. Сталина... С. 15—16.

[2] Правда. 1944. 5 нояб.

вопрос о генеральном плане восстановления Минска, возникла мысль, стоит ли вообще восстанавливать его на таких руинах, не лучше ли будет определить новую площадку в 10 км от города[1].

Общая сумма материального ущерба по Минску составила 510 566 311 рублей[2]. Но ни с чем не сравнимы были человеческие потери.

Согласно Исторической справке по г. Минску, составленой в 1945 г. Минской областной комиссией содействия Чрезвычайной государственной комиссии по выявлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, «следствием установлено, что в Минске и окрестностях истреблено около 300 тысяч советских граждан». Много минчан погибло «в 10 км от Минска в лагере немецкой тайной полиции» (имелся в виду район деревни Малый Тростенец, где погибло 206,5 тыс., а по некоторым данным, около 500 тыс. человек. — *И. В.*). На бывшем хуторе Петрашкевича гитлеровцы сожгли 25 тыс. расстрелянных жителей Минска. Были обнаружены массовые захоронения уничтоженных минчан на еврейском (в районе улицы Коллекторной) и Кальварийском кладбищах, в парке им. Челюскинцев и других местах. В еврейском гетто было уничтожено до 100 тыс. человек[3].

---

[1] Терешко Г. Так это было // 7 дней. 1998. 27 июня.

[2] НАРБ. Ф. 845. Оп. 1. Д. 61. Л. 5—9.

[3] Там же.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возвращаясь к основной теме книги, нельзя не высказать сожаление, что при подсчёте ущерба, нанесённого столице БССР, не была проведена градация по временным периодам, за основу взяли положение, сложившееся на июль 1944 г. В результате потери Минска в июне 1941 г., как человеческие, так и материальные, фактически канули в Лету. Характерным примером такого подхода может служить заявление, сделанное в августе 1944 г. секретарём ЦК КП(б)Б по пропаганде Т. С. Горбуновым, о том, что в 1941 г. «в огне погибли сотни жителей Минска»[1]. Но даже оно, при всей своей неопределённости, даёт основание не согласиться с цифрой в 186 человек, погибших при бомбардировке. Это число приведено в Исторической справке по г. Минску, составленной в 1945 г.[2] Документ не уточняет, о бомбардировках какого периода идёт речь, а ведь от немецких воздушных атак минчане гибли и в 1941, и в 1944 г. Несомненно, были жертвы и в ходе налётов советской авиации. Это указывает на крайнюю приблизительность, более того, случайность выведенной цифры, что подтверждается немецкими данными. Так, по оценке немецкой санитарной службы, на 1 августа 1941 г. под развалинами Минска оставалось ещё от 600 до 700 тел[3].

Советские источники не сохранили также количественных данных о военных миграционных процессах 1941 г., связанных с эвакуацией минчан на восток, переселением их в другие районы Беларуси и, наоборот, увеличением числа жителей города за счёт переселенцев из других мест. В данном вопросе мы вновь вынуждены об-

[1] НАРБ. Ф. 750п. Оп. 1. Д.1 25. Л. 24—27об. Опубликовано: Беларусь в первые месяцы Великой Отечественной войны... С. 296.

[2] Там же. Ф. 845. Оп. 1. Д. 61. Л. 42.

[3] Gerlach Christian. Kalkulierte Morde... S. 374.

ращаться к немецким документам. В сообщении военно-распорядительной группы немецкой полевой комендатуры № 812 в Минске от 20 июля 1941 г. приведены следующие цифры: если до войны в Минске проживало около 240 тыс. жителей, то с началом оккупации население сократилось на 41 %, т. е. на 100 тыс. человек[1]. В качестве комментария заметим, на самом деле на момент начала войны в белорусской столице насчитывалось уже около 300 тыс. жителей, что касается оставшихся по немецким подсчётам 140 тыс. человек, то не все они относились к довоенным минчанам.

Немецкие же источники предоставляют данные о масштабах разрушений Минска в 1941 г.: согласно им, город был разрушен на 85 %[2], из которых потери жилого фонда составили 65 %[3].

Трагедия первых дней войны не сломила Минск и минчан. С началом оккупации фактически открылась новая страница в истории города, повествующая о мужественном антифашистском сопротивлении. Столица Беларуси внесла достойный вклад в подпольную борьбу и партизанское движение на оккупированных территориях Советского Союза, за что в 1974 г. была удостоена звания Город-герой.

---

[1] Опубликовано: Gartenschläger Uwe. Die Stadt Minsk während der deutschen Besetzung... S. 19.

[2] Gerlach Christian. Kalkulierte Morde... S. 382.

[3] Minsker Zeitung. 1942. 21/22 Juni.

Научное издание

Воронкова Ирина Юрьевна

«ДВАДЦАТЬ ВТОРОГО ИЮНЯ, РОВНО В ЧЕТЫРЕ ЧАСА...
Минск и минчане в первые дни Великой Отечественной войны

Редактор *Н. Н. Герасимович*
Художественный редактор *А. М. Гасова*
Технический редактор *М. В. Савицкая*
Компьютерная верстка *О. А. Лобацкой*

Подписано в печать 17.06.2010. Формат 84×108 $^1/_{32}$. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 13,97+0,74 вкл. Уч.-изд. л. 14,0.
Тираж 300 экз. Заказ 168.

Издатель и полиграфическое исполнение:
Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом
«Беларуская навука». ЛИ № 02330/0494405 от 27.03.2009.
Ул. Ф. Скорины, 40, 220141, г. Минск.